

ISSN 2500-2872

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2025, № 1

Japanese Studies in Russia

**日
本
研
究**

Федеральное государственное автономное учреждение науки
«Институт Китая и современной Азии Российской академии наук»

www.iccaras.ru

Межрегиональная общественная организация

«Ассоциация японоведов»

www.japanstudies.ru

Электронный научный журнал «Японские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2016 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы японоведческих исследований: политика, экономика, общество, история, культура, филология и др. Все научные статьи рецензируются; всем статьям присваивается DOI.

Учредители: Институт Китая и современной Азии РАН,
Ассоциация японоведов.

URL: <http://japanjournal.ru>

Свидетельство о регистрации сетевого издания «Японские исследования» ЭЛ № ФС 77 - 86073
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций 13 октября 2023 г.

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и базу RSCI на платформе
Web of Science.

Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Входит в Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Входит в Перечень Высшей аттестационной комиссии (ВАК).

Председатель Редакционного совета: Бабаев К.В., д.филол.н.

Главный редактор: Стрельцов Д.В., д.и.н.

Ответственный секретарь: Нелидов В.В., к.и.н.

Редакционная коллегия: Дьяконова Е.М., к.филол.н.; Лебедева И.П., д.э.н.; Мещеряков А.Н.,
д.и.н.; Нелидов В.В., к.и.н.; Трубникова Н.Н., д.филол.н.

Редакционный совет: Алпатов В.М., д.филол.н., академик РАН; Войтишек Е.Э., д.и.н.;
Гордон Эндрю (США), проф.; Гришачев С.В., к.и.н.; Дацышен В.Г., д.и.н.; Катасонова Е.Л.,
д.и.н.; Кистанов В.О., д.и.н.; Крнета Наталия (Сербия), к.филол.н.; Ларин В.Л., д.и.н.,
академик РАН; Островский А.В., д.э.н.; Панов А.Н., д.полит.н.; Пестушко Ю.С.,
д.и.н.; Симотомаи Нобуо (Япония), проф.; Стоквин Артур (Великобритания), проф.;
Судзуки Ёсикадзу (Япония), проф.; Тимонина И.Л., д.э.н.; Чугров С.В., д.соц.н.

Редакция: Горчакова Т.Е., к.э.н.; Гришачев С.В., к.и.н.; Кириченко М.А.; Нелидов В.В., к.и.н.

Специальности ВАК:

5.2.3 Региональная и отраслевая экономика

5.2.5 Мировая экономика

5.5.2 Политические институты, процессы, технологии

5.5.4 Международные отношения

5.6.2 Всеобщая история

5.6.4 Этнология, антропология и этнография

5.6.7 История международных отношений и внешней политики

OECD Fields of Science:

5. Social sciences

6. Humanities

**Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences**

www.iccaras.ru

**Non-profit organization
«Association of Japanologists»**

www.japanstudies.ru

The electronic scientific periodical “Japanese Studies in Russia” has been published 4 times a year (quarterly) since 2016. This edition is an interdisciplinary journal covering various fields of Japanese studies: politics, economics, society, history, culture, philology, etc. All academic articles are peer-reviewed and assigned to DOI.

Founders: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences,
NPO Association of Japanologists.

URL: <http://japanjournal.ru>

Included in Russian Index of Science Citation (RISC) and Russian Science Citation Index (RSCI).

Included in Russian Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”.

Included in Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Included in List of Higher Attestation Commission (HAC).

Head of Editorial Council: Babaev K.V., DSc (Philology)

Editor-in-chief: Streltsov Dmitry V., DSc (History)

Executive Secretary: Nelidov Vladimir V., PhD (History)

Editorial Board: Dyakonova Elena M., PhD (Philology); Lebedeva Irina P., DSc (Economics); Meshcheryakov Aleksandr N., DSc (History); Nelidov Vladimir V., PhD (History), Trubnikova Nadezhda N., DSc (Philosophy)

Editorial Council: Alpatov Vladimir M., DSc (Philology), Academician of the RAS; Chugrov Sergei V., DSc (Sociology); Datsyshen Vladimir G., DSc (History); Gordon Andrew (USA), Prof.; Grishachev Sergei V., PhD (History); Katasonova Elena L., DSc (History); Kistanov Valerii O., DSc (History); Krneta Natalija (Serbia), PhD (Philology); Larin Viktor L., DSc (History), Academician of the RAS; Ostrovskii Andrey V., DSc (Economics); Panov Aleksandr N., DSc (Political Science); Pestushko Yurii S., DSc (History); Shimotomai Nobuo (Japan), Prof.; Stockwin Arthur (UK), Prof.; Suzuki Yoshikazu (Japan), Prof.; Timonina Irina L., DSc (Economics); Vojtishchik Elena E., DSc (History)

Editors Office: Gorchakova Tatiana E., PhD (Economics); Grishachev Sergei V., PhD (History); Kirichenko Mariya A.; Nelidov Vladimir V., PhD (History)

OECD Fields of Science:

5. Social sciences

6. Humanities

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2025, № 1

СОДЕРЖАНИЕ

Лугавцова А.П. Восприятие проблем японского общества через призму «критического буддизма»	6
Куряев И.Р. Функции авторских комментариев в манге «Призрак в доспехах» Сиро: Масамунэ	17
Пужаев В.В., Романовская В.Б. Частные юридические школы в Японии в период Мэйдзи	28
Банчева А.И. Дракон «Когай» в XXI веке: состояние окружающей среды в Японии	47
Зберовская Е.Л., Замахеев В.В. Трансформация образа американских японцев на страницах газет в США: от атаки на Перл-Харбор до указа об интернировании	62
Добринская О.А. Политика Японии в отношении Афганистана после прихода к власти движения «Талибан»*	77
Бушмакин В.А., Зайцев В.П. «Записи услышанного о Владивостоке»: забытый источник по истории Владивостока конца XIX в.	95
Климов А.В. Служба Мацуда Дэндзюро в Хакодате и его окрестностях с 31 октября 1799 г. по 1 января 1801 г. (по материалам «Рассказов о северных варварах»)	112
Коляда М.С. О книге Н.Н. Трубниковой «“Собрание песка и камней” в истории японской философской мысли»	128

* Движение «Талибан» признано террористическим и запрещено в РФ.

JAPANESE STUDIES IN RUSSIA 2025, № 1

CONTENTS

Lugavtsova A.P. The perception of the problems of Japanese society through the prism of “Critical Buddhism”	6
Kuryaev I.R. Functions of author’s commentaries in the manga “Ghost in the Shell” by Shirō Masamune	17
Puzhaev V.V., Romanovskaya V.B. Private law schools in Japan during the Meiji period	28
Bancheva A.I. <i>Kogai</i> in the 21 st century: Environmental issues in Japan	47
Zberovskaya E.L., Zamakhaev V.V. Transformation of the image of Japanese Americans in U.S. newspapers: From the raid on Pearl Harbor to the internment act	62
Dobrinskaya O.A. Japan’s Afghanistan policy after the Taliban’s* return to power	77
Bushmakina V.A. , Zaytsev V.P. “Records of Things Heard on Vladivostok”: A forgotten source on the history of Vladivostok in the late 19 th century	95
Klimov A.V. Matsuda Denjuro’s service in Hakodate and the surrounding area from October 31, 1799, to January 1, 1801 (Based on the “Tales of the Northern Barbarians”)	112
Kolyada M.S. Book Review: Trubnikova, Nadezhda N. (2024). “ <i>Shasekishū</i> ” in the History of Japanese Philosophy	128

* The Taliban Movement is designated as a terrorist entity and its activities are banned in the Russian Federation.

DOI: 10.55105/2500-2872-2025-1-6-16

Восприятие проблем японского общества через призму «критического буддизма»

А.П. Лугавцова

Аннотация. В статье рассматривается «критический буддизм» – направление в японской буддийской философии, получившее распространение с 1980-х гг. и поставившее под сомнение «истинность» как самого японского буддизма, так и всей дальневосточной буддийской традиции из-за их грубых расхождений с индийскими корнями учения. Главными идеологами движения выступали Мацумото Сиро: и Хакамая Нориаки, профессора университета Комадзава и последователи школы Со:то:. Автор анализирует социальный аспект их критики, на начальных стадиях развития «критического буддизма» вызвавший наибольший резонанс. Утверждая, что из-за многовекового навязывания населению идей «природы Будды» и «исконного просветления» японский буддизм фактически породил и поддерживал угнетение *буракумин* (японских «неприкасаемых»), Хакамая и Мацумото обвиняли само учение и его приверженцев (включая себя) в отходе от настоящих заветов Будды, ключевым из которых являлось отречение от собственной самости ради другого. Распространение доктрин о мнимом равенстве, по Хакамая и Мацумото, закрепляло существующие в обществе проблемы, лишая верующих необходимости делать какой-либо морально неприятный выбор, поскольку, если во всем наличествовала «природа Будды», значит, и социальная дискриминация выступала угодным Будде положением дел. На примере разбора работ ученых показано, что какого-либо компромиссного варианта дальнейшего сосуществования буддизма в Японии с доктринами *хонгаку* и «природы Будды» идеологи «критического буддизма» не искали ввиду изначально еретического характера таковых и тяжести нанесенного обществу вреда. Также отмечено, что на тезисы «критического буддизма» ответил японский феминизм, добавив к проблеме «кастовой» дискриминации в буддизме проблему гендерной дискриминации. Автор делает вывод, что данное движение, хоть и не смогло осуществить фундаментальных изменений в буддологии и в обществе, носило важный характер, поскольку еще раз обозначило важность этического аспекта буддизма и общественный запрос на реформирование буддизма в Японии в целом.

Ключевые слова: Япония, буддизм, «критический буддизм», общество, дискриминация, современность.

Автор: Лугавцова Алёна Петровна, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела философии, культурологии и религиоведения, Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН) (адрес: 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6). ORCID: 0000-0002-6531-4743; E-mail: alena.karnap@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Лугавцова А.П. Восприятие проблем японского общества через призму «критического буддизма» // Японские исследования. 2025. № 1. С. 6–16. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-1-6-16

Благодарности: Исследование выполнено в рамках государственного задания (проект «Трансформация направлений и школ буддизма: история и опыт взаимодействия с религиями и верованиями России, Центральной и Восточной Азии (с периода распространения буддизма до современности: Россия – XVIII-XXI вв.; Китай – II-XXI вв.; Тибет – VII-XXI вв.; Монголия – XVI-XXI вв.)), № 121031000261-9).

The perception of the problems of Japanese society through the prism of "Critical Buddhism"

A.P. Lugavtsova

Abstract. The article examines the so-called "Critical Buddhism," which is a specific trend in Japanese Buddhist philosophy that has become widespread since the 1980s and has questioned the "truth" of both Japanese Buddhism itself and the entire Far Eastern Buddhist tradition due to their gross discrepancies with the Indian roots of the teaching. The main ideologists of the movement were Matsumoto Shirō and Hakamaya Noriaki, professors at Komazawa University and followers of the Sōtō school. The author analyzes the social aspect of their criticism, which caused the greatest resonance at the initial stages of development of "Critical Buddhism." Arguing that Japanese Buddhism had actually created and supported the oppression of the *Burakumin* (Japanese "untouchables") by imposing the ideas of "Buddha-nature" and "original enlightenment" on the population over the centuries, Hakamaya and Matsumoto accused the teaching itself and its adherents (including themselves) of departing from the true precepts of the Buddha, the key one of which was the renunciation of one's own self for the sake of another. The spread of doctrines of imaginary equality, according to Hakamaya and Matsumoto, reinforced the existing problems in society, depriving believers of the need to make any unpleasant moral choices, since, if "Buddha-nature" was present in everything, then social discrimination was also a state of affairs pleasing to Buddha himself. By analyzing academic studies of the ideologists of "Critical Buddhism," it is shown that they did not seek any compromise option for further coexistence of Buddhism in Japan with the doctrines of *hongaku* and "Buddha-nature" due to their initially heretical nature and the severity of the harm inflicted on society. It is also shown how Japanese feminism actively responded to the agenda of "Critical Buddhism," adding gender discrimination, which had not gone away, to caste discrimination in Buddhism. The author concludes that this movement, although unable to bring about fundamental changes in Buddhology and society, was not in vain, since it once again highlighted the importance of the ethical aspect of Buddhism and the public demand for reforming Buddhism in Japan.

Keywords: Japan, Buddhism, Critical Buddhism, society, discrimination, modernity.

Author: Lugavtsova Alyona P., Candidate of Sciences (History), Junior Researcher, Department of Philosophy, Culturology and Religious Studies, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IMBTS SB RAS) (address: 6, Sakhyanovoi St., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-6531-4743; E-mail: alena.karnap@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Lugavtsova, A.P. (2025). Vospriyatie problem yaponskogo obshchestva cherez prizmu «kriticheskogo buddizma» [The perception of the problems of Japanese society through the prism of "Critical Buddhism"]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 1, 6–16. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-1-6-16

Acknowledgments. The research was carried out within the state assignment (project "Transformation of Buddhist Trends and Schools: History and Experience of Interaction with Religions and Beliefs of Russia, Central and East Asia (from the Period of Spread of Buddhism to the Present: Russia – 18th – 21st Centuries; China – 2nd – 21st; Tibet – 7th – 21st Centuries; Mongolia – 16th – 21st Centuries)" № 121031000261-9).

Введение

«Критический буддизм» (批判仏教, *хихан буккё:*) – направление в японской буддийской философии, сформировавшееся в 1980-е гг. благодаря деятельности профессоров университета Комадзава¹, санскритологов и буддологов Хакамаэ Нориаки² и Мацумото Сиро:³. В «критическом буддизме» «истинным» провозглашался только индийский буддизм, а дальневосточная буддийская традиция, частью которой выступает и японский буддизм, по сути отвергалась как еретическая и несовместимая с доктриной Будды о не-Я. Это было вызвано тем, что в ней огромное значение уделялось учению о Татхагатагарбхе, или «зародыше Татхагаты» (如来藏, *нё:райдзо:*, наличие «природы будды» в каждом существе), из которого выросла философия *хонгаку* (本覚思想, *хонгаку сисо:*), гласившая, что все существа изначально обладают «исконным просветлением». Основатели «критического буддизма», сами принадлежавшие к традиции Со:то:-сю: (曹洞宗, далее – Со:то:) учения Дзэн, расценивали идеи «природы будды» и *хонгаку*, а также все, связанное с ними, как псевдобуддизм, в связи с чем поставили перед собой задачу – обнажить антибуддийский характер двух ключевых идей японского буддизма и показать ложность навязанных ими идеалов.

Однако критика Мацумото и Хакамаэ заключалась не только в том, что эти доктрины противоречат духу «подлинного» учения Шакьямуни, отрицая присущие ему базовые черты (прежде всего концепцию всеобщей взаимообусловленности). Она уходит в сферу этики, поскольку идеологи «критического буддизма» считали, что навязывание определенного толкования данных доктрин, а также неверное понимание самими японскими буддистами основ учения их же патриархов, таких как До:гэн (1200–1253), основатель Со:то:, привели к тому, что буддизм в Японии утратил четкие моральные ориентиры, свойственные «истинному» буддизму, и стал глух к социальным проблемам. Именно в укоренившихся в людском мировоззрении идеях *хонгаку* и Татхагатагарбхи для Мацумото и Хакамаэ крылось оправдание уродливых и болезненных проблем японского общества, в частности, замалчиваемой социальной дискриминации.

Зарождение «критического буддизма»

Необходимо отметить, что подход Мацумото и Хакамаэ к общественному долгу буддизма в Японии не был в полном смысле новаторским; еще до оформления «критического буддизма» были попытки переориентировать учение на социальные вопросы. Одним из примеров может служить основанное в 1899 г. «Братство новых буддистов» (新仏教同志会, Син буккё: до:сикай), фактически представлявшее собой ответ на вызовы новой эпохи Мэйдзи (1868–1912), на которые традиционные буддийские объединения реагировали достаточно инертно. Напирая на упадок, в котором пребывала современная им религия, члены «Братства» ставили целью искоренение религиозных предрассудков, запрет на вмешательство государства в дела

¹ Частный некоммерческий университет Комадзава (駒澤大学) является одним из старейших в Японии (основан в 1592 г.) и располагается в Токио. Изначально представлял собой учебное заведение для монахов школы Со:то:. В университете и сейчас буддизму уделяется большое внимание: помимо наличия факультетов и институтов буддологической направленности, при университете располагается музей истории и культуры Дзэн.

² Хакамаэ Нориаки (袴谷憲昭, р. 1943) – профессор факультета буддологии университета Комадзава по 2006 г., широко известный специалист по индийскому и тибетскому буддизму, в особенности по буддизму йогачары, автор более 100 научных трудов.

³ Мацумото Сиро: (松本史朗, р. 1950) – профессор факультета буддологии университета Комадзава по 2020 г., специалист по истории и философии индийского буддизма, в особенности – философии мадхьямаки, автор более 50 научных трудов.

религии и активное просвещение народа, что явно не вписывалось в политику государства и привело к тому, что нескольких участников осудили и приговорили к смерти в 1911 г. по обвинению в попытке переворота [Kitagawa 1966, p. 316]. В начале XX в. в Японии во всех сферах общественной жизни вспыхнул интерес к марксизму и другим движениям левого толка, и буддизм это тоже не обошло стороной. В 1931 г. Сэноо Гиро:, мирской последователь учения Нитирэн, основал «Новый буддийский молодежный союз» (新興仏教青年同盟, Синко: буккё: сэйнэн до:мэй), соединивший буддийские доктрины и основные положения социализма. По мнению Сэноо, капитализм, распространявшийся по стране, лишь множил страдания народа, а значит, был противен самой сути буддизма, который не должен игнорировать бедность и несправедливость [Лепехова 2022, с. 115]. Цель своего движения Сэноо, помимо борьбы с капиталистической системой, видел в реформировании находящихся в стагнации буддийских институтов и создании новой формы буддизма, преодолении конфликтов между разными школами. Эту форму могло бы помочь создать изучение политической философии социализма, которое пробудило бы буддистов от их «догматического сна», а буддизм, в свою очередь, дополнил бы социалистический атеизм и материализм гуманистической этикой. Открытая антиправительственная направленность «Союза» и тесная связь с левыми кругами в конце концов привели к его запрету и аресту Сэноо Гиро: в 1936 г. В 1942 г. Сэноо был освобожден из заключения, однако до своей смерти в 1961 г. вел затворнический образ жизни и не пытался вернуться к общественной деятельности [Лепехова 2022, с. 118–119].

Тем не менее сам Мацумото, говоря об отправной точке «критического буддизма», ссылаясь не на предшественников из XIX–XX вв., а на проблему дискриминации *буракумин* (部落民, потомки «нечистых»⁴), существующую в Японии с давних пор. В 1871 г. сословное деление в Японии было упразднено, и *буракумин* формально приравнивали к остальным японцам, однако в сознании людей это мало что изменило, негативное отношение к *буракумин* сохранилось до наших дней. Несмотря на общее улучшение положения за последние три десятилетия, во многом благодаря деятельности общественных организаций, таких как «Лига освобождения Бураку» (部落解放同盟 Бураку кайхо: до:мэй)⁵, большинству *буракумин*, в особенности женщинам, порой до сих пор затруднительно получить среднее образование, не говоря о высшем..., овладеть желаемой профессией или вступить в брак с уроженцем обычного района, и все это происходит при молчаливой поддержке японского буддизма⁶. Именно буддийские доктрины догматизировали склонность к разделению «чистого» и ритуально «нечистого» в японском обществе. С момента появления на островах буддизм занял в японском обществе нишу, связанную с похоронными ритуалами, и именно в этой области внес свой вклад в дискриминацию. «Нечистым» усопшим давали унижительные посмертные буддийские имена (戒名, *каймё*), которые включали в себя иероглифы со значением «зверь», «ничтожный», «раб» и много других видов оскорбительных выражений, в самих иероглифах зачастую добавлялись

⁴ К *буракумин* относят потомков двух особых, фактически внесословных групп – *эта* (穢多, «переполненные грязью»), людей, так или иначе запятнавших себя нарушением буддийского запрета на убийство (к ним относились мясники, кожевники, дубильщики, палачи и др.) и *хинин* (非人, «не-человек») – тех, кто отсек себя от общества ведением непристойного образа жизни или единичным дурным проступком (попрошайки, проститутки, актеры, бродяги, беглые крестьяне, те, кто выжил после попытки самоубийства и др.).

⁵ Начиная с 1969 г. благодаря усилиям Лиги властями Японии проводились мероприятия по «уравнению» мест жизни *буракумин* с остальными районами, включающие в себя улучшение жилищной инфраструктуры в поселках *буракумин*, введение «уравненного» образования, организацию образовательных мероприятий в целях повышения уровня знаний населения в области прав человека и их защиты и др. С 2002 г. централизованные мероприятия по «уравнению» были окончены, полномочия по их проведению переданы местным властям.

⁶ Caste Discrimination: A Global Concern // A Report by Human Rights Watch for the United Nations World Conference Against Racism, Racial Discrimination, Xenophobia and Related Intolerance. Durban, South Africa, September 2001. <https://www.hrw.org/reports/pdfs/g/general/caste0801.pdf> (дата обращения: 01.03.2024).

или убирались черты, что при первом же взгляде на надгробие давало понять, кто под ним лежит [Bodiford 1996, p. 9]. У буддийских священников, осуществляющих обряды погребения изгоев, имелись особые ритуалы, которые позволяли им сохранить «чистоту» и не запятнать себя взаимодействием с умершим⁷. Система регистрации населения при храмах (寺受け, *тэраукэ*), принятая в период Токугава, позволила буддийским храмам вести учет изгоев поколениями через «книги памяти» (посемейные некрологи, 過去帳, *какотё*;) и передавать эту информацию властям, более того, вычеркивать целые семьи изгоев из религиозной жизни поселения, учитывая их в отдельных «книгах». Храмы, расположенные в общинах *буракумин*, назывались «нечистыми» (穢多寺, *эта-дэра*), им не разрешалось поддерживать связь с храмами в районах, не относящихся к поселениям изгоев. Самим *буракумин* в храмах прививались идеи, что именно их карма виной тому, что нынешняя жизнь к ним столь жестока, а чтобы следующая жизнь была благоприятной, им надлежит проявлять терпение и смирение. Несмотря на подобное давление, среди буддийского духовенства вполне обыденными были воззрения, что *буракумин*, как *иччхантика* (一闍提, *иссэндай*), существам, лишенным «природы будды», попросту не дано спастись и обрести нирвану [Alldritt 2000].

Когда в 1979 г. на третьей Всемирной конференции религий за мир в Принстоне (США) генеральный секретарь школы Со:то: Матида Мунэо настоял на удалении из итогового доклада фразы «Мы все должны быть глубоко обеспокоены тяжелым положением таких людей, как *буракумин* в Японии и неприкасаемые в Индии» и любых упоминаний о Японии в этом контексте, указывая, что эти слова оскорбительны для «национальной чести», это вызвало естественную, учитывая подобную историю угнетения со стороны буддизма, лавину негодования среди общественности, в особенности Лиги освобождения Бураку. Руководство школы Со:то: вскоре признало ошибку Матида и принесло публичные извинения, однако этого было явно не достаточно. Матида и другие лидеры Со:то: были допрошены и подвергнуты публичному порицанию Лигой освобождения Бураку на пяти собраниях «подтверждения и осуждения [преступлений]» (確認糾弾, *какунин кю:дан*), в ходе которых и были публично предъявлены доказательства вышеупомянутых дискриминационных практик школы Со:то по отношению к *буракумин*, имевших место в прошлом и продолжавших существовать в настоящем. Так, оскорбительные посмертные имена встречались даже на надгробиях 1940-х гг., а некрологи и книги памяти, в которых была изложена история поколений изгоев, регулярно предоставлялись частным детективам, которых нанимали компании, чтобы проверить, нет ли у кандидата в родне нежелательных лиц, или родители, оберегающие сына или дочь от возможного брака с партнером «дурных» кровей [Bodiford 1996, p. 4]. Наконец, на последнем собрании в 1983 г. Матида зачитал заявление, в котором признал свою личную предвзятость и обязался ликвидировать все формы социальной дискриминации во вверенной ему школе, для чего предполагалось тщательно изучить реальное положение дел и выяснить идеологическую основу спорных практик в буддийских текстах. Для осуществления второй задачи в 1984 г. в специально собранный Подкомитет Комитета по доктринальным вопросам школы были приглашены авторитетные специалисты по буддологии, куда входили и Хакама с Мацумото. Последний описывал эту встречу так: «Думаю, не будет лишним сказать, что,

⁷ У. Бодифорд приводит следующее описание такого секретного обряда монахов школы Со:то: по «Особым заметкам по надгробному напутствию не-людей» (非人引導の切紙, *Хинин индо:-но кириками*, ок. 1611), до 1973 г. хранившимся в тайне, для использования только внутри школы: «...вместо того чтобы способствовать обретению спасения усопшим... ритуал был призван оборвать любые кармические отношения между усопшим и местными жителями. На теле [изгоя] и на входе в жилище размещались особые талисманы, разрывающие связи с родителями, семьей, соседями – всеми людьми по всем направлениям. Это делалось для того, чтобы умерший не вернулся неупокоенным духом и не начал мстить тем, кто был несправедлив к нему при жизни». Бодифорд подчеркивает: в документе прямым текстом говорилось, что надлежащее надгробное напутствие, призванное направить душу усопшего верной дорогой, изгой могут заслужить только в будущем, когда обретут статус и достоинство настоящего человека [Bodiford 1996, p. 13–14].

когда нас вызвали в Административную штаб-квартиру впервые в жизни, мы с Хакамаэ снова осознали, что мы буддисты и члены школы Со:то:. Что касается меня, то до этого момента я почти забыл об этом, настолько был поглощен своей специализацией, то есть философией мадхьямики в Индии и Тибете. [...] В таких обстоятельствах я не чувствовал острой необходимости размышлять о том, что такое буддизм. Ставить такой вопрос казалось мне попросту бесполезным, абсурдным, потому что эта проблема никогда не может быть решена с точки зрения объективной учености. Но, когда я столкнулся с проблемой дискриминации, существующей в буддизме, моя точка зрения изменилась. [...] Возможно, мы могли бы просто отречься от буддизма школы Со:то:. Если бы мы не принадлежали к этой школе, то, разумеется, не несли бы никакой ответственности за дискриминационные практики священников Со:то: в прошлом. Однако быть буддистом, думали мы, значит нести ответственность за поступки, совершенные буддистами, а также быть последователями учения Будды, в отличие от небуддийских учений. По этой причине мы не могли не задуматься о фундаментальных различиях между буддизмом и не-буддизмом» [Matsumoto 2001, p. 374–375].

Как видно из воспоминаний Мацумото, они прекрасно понимали, что дискриминация в буддизме не была проблемой только школы Со:то:; поставленная Подкомитетом задача лежала за пределами различий между школами. Поэтому Мацумото и Хакамаэ решили выявить идеологическую основу социальной дискриминации в двух японских общевосточных доктринах, которым отныне была объявлена война.

«Татхагатагарбха» и «исконная просветленность» – не буддизм

Начав размышлять о том, что делает буддизм буддизмом, Мацумото пришел к выводу, что идеи «природы будды» и «зародыша Татхагаты» являются псевдобуддийскими⁸. Двенадцатизвенная цепь причинности, открывшаяся самому Будде под деревом бодхи, однозначно отрицает любую абсолютную основу, из которой происходят явления и которой Мацумото дал название *дхату* (санскр. dhātu) [Торчинов 2000]. Поскольку доктрина Татхагатагарбхи говорит о «природе Будды», которая присутствует во всех мыслящих существах и фактически выступает такой основой, она допускает существование *дхату*, становится *дхатувадой* – учением о *дхату* и не может относиться к буддизму [Swanson 1993, p. 120]. Хакамаэ распространил критику на теорию «исконного просветления», так как в ней, как и в доктрине Татхагатагарбхи, кроется зависимость от некоей абсолютной первоосновы, противоречащей антисубстанциальной сути просветления Будды [Swanson 1993, p. 126]. На основе этой теории Хакамаэ Нориаки написал статью «Некоторые размышления об идеологической подоплеке социальной дискриминации» (1986)⁹, положившую начало «критическому буддизму» как отдельному направлению. В этой статье Хакамаэ также подчеркнул, что основатель традиции Со:то:, До:гэн, критически воспринимал философию *хонгаку*, и это явно читается в его «Рассуждении о постижении Пути» (弁道話, Бэндо:ва, 1231), однако его последователи неверно истолковали труды своего патриарха и транслировали далее уже искаженное их понимание [Matsumoto 2001, p. 373].

⁸ Религиозные воззрения «критических буддистов» стали темой многочисленных исследований и многолетних дискуссий, поэтому мы считаем необходимым дать краткую справку о них. Основными чертами «подлинного» учения Будды для «критического буддизма» являлись закон причинности, «взаимозависимого возникновения» (縁起, энги), согласно которому существование чего-либо в абсолютной независимости от других вещей или спонтанное возникновение невозможно, а также отречение от самости, бескорыстное превознесение другого над собой, являющееся незыблемым моральным императивом буддизма. Кроме того, отдельно подчеркивалась ценность Слова, которое выступало «искусным средством» (方便, хо:бэн) для достижения просветления.

⁹ Первоначально это был доклад, зачитанный Хакамаэ в Центре борьбы за освобождение Бураку в 1985 г., затем статья была издана на английском языке в монографии [Hubbard, Swanson, 1997].

После этой статьи обоими авторами было опубликовано множество работ на стыке текстологии, истории, философии буддизма. В целом их критика всей дальневосточной традиции буддизма, отошедшей от «подлинной», индийской, делится на три направления – общепбуддологическая критика, критика, затрагивающая отдельные школы (в особенности Дзэн) и социальная критика [Shields 2023]. Каким образом из идеи «природы будды», надежды на спасение всех существ, могли вырасти уродливые формы угнетения тысяч людей? Мацумото ответил на этот вопрос так: учение о *дхату*¹⁰ выступает своего рода учением о равенстве, поскольку утверждает, что все явления проистекают из некоего единого абсолютного первоначала. Однако фактически оно ведет к дискриминации, поскольку если все основано на едином первоначале, то добро и зло, богатство и бедность, правда и ложь на самом деле одно и то же, и нет никакой необходимости пытаться исправить то, что несправедливо. Более того, раз во всем в мире *дхатувады* так или иначе проявлено просветление, то социальная дискриминация тоже может пониматься как выражение истины! Поэтому, по Мацумото, современный японский буддизм сможет претендовать на часть подлинной традиции буддизма, только если полностью отринет ценность Татхагатагарбхи, поскольку превознесение мнимого равенства в утверждениях в духе «деревья и травы становятся буддами»¹¹ – это не пик японской буддийской мысли, а на самом деле прямая ее деградация и форма анимизма [Matsumoto 1989, p. 2–8]. Развивая описание ущерба, который нанесли японскому буддизму подобные примитивные идеи, Мацумото полемизировал с представителями «японизма», или «науки о Японии» (日本学, *нихонгаку*), в частности, с философом Умэхара Такэси (1925–2019), который часто представлял японский буддизм как олицетворение гармонии *ва* (和), свойственной японскому народу, воспевал его подлинно уравнилительный характер, видение «природы будды» даже в неживых вещах. Мацумото же подчеркивал, что идеи, которые на Западе служат визитной карточкой японской буддийской мысли, а именно *мунэн-мусо*: (無念無想, состояние полной отрешенности, «безмыслие и не-желание»), *тёккан* (直観, непосредственное, интуитивное постижение), *фурю*: *мондзи* (不立文字, отказ от опоры на письменные знаки), на самом деле основаны на доктрине Татхагатагарбхи и концепте *хонгаку* и, следовательно, не могут быть расценены как подлинные ценности буддизма. Более того, буддист не должен превозносить «гармоничность» культуры и «духа» Японии, поскольку от этого недалеко до нарушения заповеди об отречении самости: «Для меня Япония – это продолжение моего тела, моего разума, как я люблю их, так я люблю и ее. Как соблазнительно, как приятно купаться в этой любви! Однако любовь – это то, что должно быть направлено вовне, на других; если она сосредоточена на себе, она становится нарциссизмом, заикленностью. [...] Как буддист я не должен любить Японию» [Matsumoto 1989, p. 111; Swanson 1993, p. 120–122]. Продолжая эту тему, в 1990 г. Мацумото, говоря о роли «Лотосовой сутры» в японской культуре, еще раз обозначил ключевые тезисы своей социальной критики, показав, к чему привело многовековое навязывание не-буддийских доктрин и их толкования в Японии:

- излишнее превознесение натурализма над гуманизмом (природы над человеком);
- восхваление эмпирического антирационализма (например, мистицизма Дзэн или тантрического буддизма), а не логики и интеллекта;
- восхваление тоталитаризма и обличение индивидуализма, насильственное насаждение идеалов в духе «гармонии» *ва*, что в свою очередь выступает благодатной почвой для национализма [Swanson 1993, p. 120–122].

Именно возвеличивание мнимого равенства, за которым скрывалось все то же поощрение «мифа об уникальности» Японии, привело к тому, что в угоду политической повестке японский

¹⁰ В данном случае – идея о Татхагатагарбхе.

¹¹ 草木成佛之事, *со:моку дзё:буцу-но кото*, «осуществление природы будды травами и деревьями», тезис учения Тэндай, восходящий к «Лотосовой сутре».

буддизм утратил моральные ориентиры, поощрял дискриминацию, наконец, сотрудничал с японским милитаризмом, оправдывая его самые уродливые формы.

Хотя Мацумото неоднократно подчеркивал, что «критический буддизм» представлял собой результат деятельности творческого тандема с Хакамаэ, схожесть их взглядов на связь буддизма и социальной дискриминации не гарантировала схожесть их восприятия оппонентами. Мацумото, несмотря на достаточно определенную позицию по отношению к концептам «природы будды», «исконного просветления» и их роли в истории Японии, по мнению профессора Флоридского международного университета С. Хайне, всегда отличался исключительно научной, суховатой подачей материала в своих трудах, в отличие от Хакамаэ [Heine 2001, p. 134–135]. Осуждение Хакамаэ философии *хонгаку*, которая подрывала мораль японцев еще с незапамятных времен, носило характер столь яростный, что порой было сложно определить, кто автор статей – публицист или ученый. По Хакамаэ, многовековое использование мягкотелой толерантности привело к тому, что критиковать японские буддисты разучились вообще, и та форма, которую учение Будды приняло благодаря вредоносной идее *хонгаку*, была схожа с паразитом, поселившимся в теле льва: «...в Китае и Японии он [паразит] размножался и становился сильнее, приняв форму философии “исконного просветления” и ослабив льва до такой степени, что тот оказался на грани гибели» [Hubbard, Swanson 1997, p. 136]. Религиозный этос *хонгаку*, как отмечал Хакамаэ, – ровесник идеала *ва*, который начал пропагандироваться в Японии еще со времен правления Сётоку-тайси (ок. 574 – ок. 622), и оба являются врагами буддизма и подлинного мира, к которому он стремится. *Ва* для Хакамаэ – это своеобразная мера принуждения, которую влиятельные люди используют для поддержания статус-кво в обществе, а также ограничения любой критики. И *ва*, и *хонгаку* строятся на поверхностном синкретизме, где нет никакой разницы между плохим и хорошим, верным и неверным, пропагандируют некритическое принятие окружающего мира, чему Хакамаэ дал едкое определение «мешая *мисо* и дерьмо» [Nakamae 1990, p. 110]. Поэтому, как и Мацумото, Хакамаэ считал, что именно насаждаемые веками ложные идеалы всеобщего равенства способствуют поддержанию несправедливости, зависимого положения низших слоев общества от капризов и причуд высших. Вместо этого буддист должен полагаться на веру, поскольку вера требует придерживаться непосредственно буддийских истин и отвергать то, что этим истинам не соответствует. Именно идеал *ва* привел к тому, что в Японии перед Второй мировой войной люди бездумно клали свои жизни на алтарь милитаризма и политических репрессий, потому что так было велено; буддийская же вера заставляет задействовать разум, критически относиться к несправедливым, неблагим деяниям, противостоять им словом и делом. В критике, в способности подвергать сомнению абсолютно все для Хакамаэ и заключалась подлинная сущность буддизма¹², и он ей преданно следовал. Хакамаэ, как и Мацумото, также обрушился с критикой на Дзэн, говоря, что, по сути, вместо «развития» буддизма Дзэн есть олицетворение «перемолотого» под местный образ мышления обрубка учения, от которого отсекали начисто ключевой (критический) компонент, заменив его акцентом на пассивное «созерцание». Хакамаэ критиковал даже императорскую династию, поскольку для него она похожа на философию *хонгаку* – в центре находится незыблемое «нечто», а вокруг этого центра возникают неясные синкретические тенденции, основанные на идеале *ва* и не приемлющие инакомыслия. Буддист должен относиться к этой системе критически, поскольку она противоречит идеалам буддизма [Swanson 1993, p. 134–135].

¹² Интересно, что Мацумото не разделял столь радикальные взгляды Хакамаэ и не одобрял того, что его причисляли к «критическому буддизму», подчеркивая, что название течения придумал не он, однако, как сам признавал, без его критики идеи Татхагатагарбхи «критический буддизм» бы не возник [Matsumoto 2001, p. 377–378]. Два «патриарха» движения настолько точно следовали его заветам, что при очевидной схожести взглядов на губительность влияния философии *хонгаку* и «природы будды» на японский буддизм подвергали критике в том числе и воззрения друг друга.

На деле демонстрируя, как с помощью слова следует обличать неверное понимание учения Будды, Хакамаэ еще раз очертил цели «критического буддизма»: никаких «полезных» толкований доктрин *хонгаку* и «природы будды» не существует, ни единая их частица не подходит буддийскому учению, они могут быть лишь удалены с корнем. Оспаривая ортодоксию доктрин Татхагатагарбхи и «исконного просветления», Мацумото и Хакамаэ видели в этом отправную точку для запуска реформирования учения, которое после «инцидента Матида» обнажило свою неприглядную изнанку. Избавление от культивируемого псевдобуддийскими доктринами ложного чувства всеобщего равенства и возврат к акцентированию на нравственной составляющей кармической причинности, по мнению идеологов «критического буддизма», смогли бы повысить необходимость осознания социальной ответственности. Именно об этом писал До:гэн, предостерегая о необратимости кармического воздаяния (業報, *го:хо:*), по законам которого добрые дела будут создавать благотворную карму, ведущую к положительным последствиям, и наоборот, злые деяния, порождающие отрицательную карму, приведут к возрождению в одном из трех дурных миров (ад, голодные духи или животные) [Heine 1994, p. 47–48]. Теории, согласно которым человек по своей «природе будды» свободен от последствий причинности, могут нести лишь вред как отдельному человеку, лишаемому этим заблуждением спасения, так и обществу, в котором они молчаливо поддерживают устоявшиеся веками предрассудки.

В этом отношении крайне интересно, что «критический буддизм» всколыхнул, помимо проблемы сословной дискриминации, еще и проблему гендерного неравенства. Ориентируясь на критику философии *хонгаку* и *ва*, исходящую от создателей «критического буддизма», идеологи японского феминизма напомнили, что именно данные этосы в значительной степени способствовали дискриминации по половому признаку в Японии [Swanson 1993, p. 141]. Поскольку в соответствии с духом *ва* бремя пребывания дома и сохранения «гармонии» семейной жизни ложилось на женщин, это препятствовало их освобождению от традиционных ролей, не говоря уже о бессознательном воздействии навязанных идеалов во всех аспектах повседневной жизни. Традиционно подчиненное, временами бесправное положение женщины в японском обществе во многом культивировалось именно буддийским подходом, согласно которому женщина по природе грешна и обязана подчиняться мужчине. К сожалению, как и в случае с *буракумин*, по данному вопросу меры правового регулирования и реакция общества идут разными темпами. По словам Кавахаси Норико, профессора религиоведения Технологического университета Нагоя, которая много лет занимается данной проблемой, «когда речь заходит о равенстве полов, религия в Японии заметно отстает [от политики]», и, хотя с момента принятия ключевых для японского феминизма законов прошло более 30 лет¹³, гендерная дискриминация в религиозных кругах никуда не делась (разделение труда и приобретения религиозной квалификации по половому признаку, имущественные сложности, возникающие у жен священников в случае смерти мужа, и т.п.) [Kawahashi 2016]. Проблема отношения к *буракумин*, несмотря на формальное завершение государственных мероприятий по их «уравниванию» с прочими японцами, к сожалению, тоже сохраняется, что делает социальный аспект «критического буддизма» по-прежнему актуальным даже по прошествии трех десятков лет.

¹³ В 1985 г. была ратифицирована Конвенция о ликвидации дискриминации в отношении женщин и принят Закон о равных возможностях в сфере занятости.

Заключение

Эффект, произведенный «критическим буддизмом» как в Японии, так и за ее пределами, был значительным, но непродолжительным, подобно яркой вспышке – к началу XXI в. накал дебатов стал заметно угасать. Основная реакция на движение всегда была внутри академического сообщества, и религиозоведческая дискуссия между японскими противниками движения, сторонниками (в большинстве своем выходцами из университета Комадзава), западными учеными, многие из которых не разделяли взгляды Мацумото и Хакама, но однозначно отмечали ценность их критики «изнутри» как буддологов, знатоков буддийских текстов и практикующих буддистов, спустя десять с лишним лет утратила остроту. Несмотря на очевидную ценность поднятия многих спорных вопросов и обнажения насущных проблем, к социальному аспекту «критического буддизма» оппоненты отнеслись наиболее неоднозначно. Признавая, что в японском буддизме действительно наличествовали дискриминационные практики по отношению к *буракумин*, многие ученые утверждали, что однозначно возлагать ответственность за это на буддийские доктрины – несколько одностороннее мышление, поскольку проблема не в самой философии *хонгаку*, а в том, как ее интерпретируют, в каких условиях ее интерпретируют именно так, а не иначе, и нападки только на абстрактные идеи опасно упрощают ситуацию [Hubbard, Swanson 1997, p. 291]. К тому же с течением времени пути Мацумото и Хакама разошлись, что совсем подкосило движение: первый отошел от собственно «критического буддизма» в сторону более абстрактной «критической теологии», второй от восхваления До:гэн перешел к Хо:нэн (1133–1212), патриарху японского амидаизма, а после – и вовсе к литературоведению. Тем не менее можно уверенно утверждать, что «критический буддизм» сыграл значительную роль в переоценке этического аспекта японского буддизма. Его целью являлось желание реформирования учения ради пользы общества, и, хотя порыву ветра не удалось сдвинуть гору, «критический буддизм» еще раз дал понять, что буддизм в Японии, перед которым стоят конкретные социальные задачи, может и должен измениться, и модель этих изменений должна исходить из переосмысления самой традиции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Лепехова Е.С. Буддизм и социализм в философии Сэно Гиро (1890–1961) // *Философский журнал*. 2022. №15(2). С. 109–121.
- Торчинов Е.А. Введение в буддологию: курс лекций. Санкт-Петербургское философское общество. <http://anthropology.ru/ru/edition/vvedenie-v-buddologiyu-kurs-lekciy> (дата обращения: 15.03.2024).

REFERENCES

- Lepekhova, E. (2022). Buddhism i sotsializm v filosofii Seno Giro (1890-1961) [Buddhism and Socialism in the Philosophy of Seno'o Giro (1890–1961)]. *Filosofskii zhurnal*, 15(2), 109–121. (In Russian).
- Torchinov, E. (2000). *Vvedenie v buddologiyu: kurs lektzii* [Introduction to Buddhology: A course of lectures]. Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo. Retrieved March 15, 2024, from <http://anthropology.ru/ru/edition/vvedenie-v-buddologiyu-kurs-lekciy>. (In Russian).

* * *

- Alldritt, L. D. (2000). The Burakumin: The Complicity of Japanese Buddhism in Oppression and an Opportunity for Liberation. *Journal of Buddhist Ethics: On-line Conference on "Socially Engaged Buddhism"* (April 7–14, 2000). Retrieved May 7, 2024, from <http://kusala.online-dhamma.net/%E6%96%87%E5%AD%97%E8%B3%87%E6%96%99/%E5%8D%97%E5%82%B3%E4%BD%9B%E6%95%99%E5%9C%96%E6%9B%B8%E9%A4%A8%20Theravada%20Buddhism%20E-Library/054%20%E9%9B%9C%E8%AA%8C%20Magazine/Journal%20of%20Buddhist%20Ethics/JBE/www.jbe.gold.ac.uk/7/alldritt001.html>.
- Bodiford, W. (1996). Zen and the Art of Religious Prejudice: Efforts to Reform a Tradition of Social Discrimination. *Japanese Journal of Religious Studies*, 23/1–2, 1–27.
- Hakamaya, Noriaki. (1990). *Hihan bukyō* [Critical Buddhism]. Tokyo: Daizō Shuppan. (In Japanese).
- Heine, S. (1994). "Critical Buddhism" (Hihan Bukkyō) and the Debate Concerning the 75-fascicle and 12-fascicle Shōbōgenzō Texts. *Japanese Journal of Religious Studies*, 21/1, 37–72.
- Heine, S. (2001). After the Storm: Matsumoto Shirō's Transition from "Critical Buddhism" to "Critical Theology" (Review Article). *Japanese Journal of Religious Studies*, 28/1–2, 133–146.
- Hubbard, J. & Swanson, P.L. (Eds.). (1997). *Pruning the Bodhi Tree: The Storm Over Critical Buddhism*. Honolulu: University of Hawai'i Press.
- Kawahashi, Noriko. (2016, January 7). When It Comes to Gender Equality, Religion in Japan Lags Behind. *Divinity School, the University of Chicago*. Retrieved June 6, 2024, from <https://divinity.uchicago.edu/sightings/articles/when-it-comes-gender-equality-religion-japan-lags-behind>.
- Kitagawa, J. M. (1966). *Religion in Japanese History*. New York: Columbia University Press.
- Matsumoto, Shirō. (1989). *Engi to kū: Nyoraizō shisō hihan* [Causality and Emptiness: A Critique of Tathāgatarbha Thought]. Tokyo: Daizō Shuppan. (In Japanese).
- Matsumoto, S. (2001, May 2). Critiques of Tathāgatarbha Thought and Critical Buddhism. *Public lecture at the Divinity School, the University of Chicago*. Retrieved April 20, 2024, from <http://repo.komazawa-u.ac.jp/opac/repository/all/14431/jbs033-20.pdf>.
- Shields, J. M. (2023). A Century of Critical Buddhism in Japan. *Faculty Contributions to Books*. Retrieved May 25, 2024, from https://digitalcommons.bucknell.edu/fac_books/261.
- Swanson, P. L. (1993). "Zen is Not Buddhism": Recent Japanese Critiques of Buddha-Nature. *Numen*, 40 (2), 115–149.

Поступила в редакцию: 01.07.2024

Received: 01 July 2024

Принята к публикации: 26.01.2025

Accepted: 26 January 2025

DOI: 10.55105/2500-2872-2025-1-17-27

Функции авторских комментариев в манге «Призрак в доспехах» Сиро: Масамунэ

И.Р. Куряев

Аннотация. В статье анализируется роль авторских комментариев, реализованных в форме постраничных сносок, в рамках художественного произведения. В качестве анализа выбрана манга Сиро: Масамунэ «Призрак в доспехах» по той причине, что в этом произведении автор формирует особую текстовую ситуацию. Комментарии, не являясь доминирующим (как, например, в «Бледном огне» В. Набокова) или равноправным (как в «Бесконечной шутке» Д.Ф. Уоллеса) аспектом текста, все же, хотя и имеют маргинальный статус, выполняют в тексте несколько функций. Во-первых, комментарии как специфический паратекст подчеркивают статус манги как книги и дают возможность читателю выбрать один из возможных вариантов чтения, тем самым включая последнего в развертывание текста. Во-вторых, пространство комментариев становится пространством манифестации присутствия автора, который в сноски помещает эссе о науке и религии, о взаимодействии человека и технологии и стремится тем самым лучше артикулировать основные философские тезисы, реализованные – через рисунок и нарратив – в «Призраке в доспехах». В-третьих, комментарии позволяют автору сместить акцент с нарратива на а-нарративные аспекты текста, сам мир, в котором разворачивается действие. В-четвертых, комментарии подчеркивают само изменение роли автора, который из всемогущего демиурга превращается в летописца, репортера, чья задача – фиксировать происходящее, разворачивающееся согласно законам, сформулированным во взаимодействии героев и пространств, пространств и пространств, пространств и вещей, вещей и героев. Тем самым посредством комментариев формируется ситуация, когда мир словно обретает условную автономность, способность существовать вне самого нарратива – рассказа о приключениях майора Кусанаги Мотоко и ее подчиненных. Авторские комментарии, таким образом, через прояснение иллюстраций, поступков героев, отдельных деталей способствуют переносу сюжета в другие медиа.

Ключевые слова: Сиро: Масамунэ, «Призрак в доспехах», манга, паратекст, комментарий, диегетическое пространство.

Автор: Куряев Ильгам Рясимович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва (адрес: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68). ORCID: 0000-0002-4294-5817; E-mail: kuryaev.ilgam@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Куряев И.Р. Функции авторских комментариев в манге «Призрак в доспехах» Сиро: Масамунэ // Японские исследования. 2025. № 1. С. 17–27. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-1-17-27

Functions of author's commentaries in the manga "Ghost in the Shell" by Shirō Masamune

I.R. Kuryaev

Abstract. The article analyses the role of author's commentaries, realized in the form of page footnotes, within the framework of a work of fiction. Shirō Masamune's manga "Ghost in the Shell" is chosen for analysis because here the author forms a special textual situation when commentaries are not the dominant (as it happens, for example, in V. Nabokov's "Pale Fire") or equal (as it happens in D. F. Wallace's "Infinite Jest") aspect of the text, but an aspect which, realizing its marginal status, strives to perform several functions in the text. Firstly, the author's commentaries, as a specific para-text, emphasize the status of manga as a book and give the reader an opportunity to choose one of the possible reading options, thus including the reader in the unfolding of the text. Secondly, the space of commentaries becomes a space of manifestation of the author's presence, who, through the footnotes, creates essays on science and religion, on the interaction between man and technology, and thus seeks to better articulate the main philosophical theses realized through drawing and narrative in "Ghost in the Shell." Third, the commentaries allow the author to shift the focus from the narrative to the a-narrative aspects of the text, the very space and world in which the action unfolds. Fourthly, the commentaries emphasize the changing role of the author, who turns from an omnipotent demiurge and creator into a chronicler, a reporter, whose task is to record that what is happening, which unfolds according to the laws formulated by the interaction between characters and spaces, spaces and spaces, spaces and things, things and characters. Thus, through the commentaries, a situation is formed in which the diegetic world seems to acquire a conditional autonomy, the ability to exist outside the narrative, which tells about the adventures of Major Kusanagi Motoko and her subordinates. The author's commentaries thus, through the clarification of illustrations, characters' actions, and attention to detail, strengthen the base that facilitates the transference of the plot into other media.

Keywords: Shirō Masamune, "Ghost in the Shell", manga, para-text, commentary, diegetic space.

Author: Kuryaev Ilgam R., Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, National Research Ogarev Mordovia State University (address: 68 Bolshevistskaya Str., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russia). ORCID: 0000-0002-4294-5817; E-mail: kuryaev.ilgam@yandex.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Kuryaev, I.R. (2025). Funktsii avtorskikh kommentariy v mänge «Prizrak v dospekhakh» Siro: Masamune [Functions of author's commentaries in the manga "Ghost in the Shell" by Shirō Masamune]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 1, 17–27. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-1-17-27

Введение

Комментарий к тексту – в виде постраничных сносок или пояснений в конце книги – всегда представляет собой определенную маргиналию, вторичный текст, формирующий специфическое метатекстовое пространство. При этом комментарий, принадлежащий автору исходного произведения и включенный в пространство книги, будучи относительно редким явлением в мировой литературе, несет в себе дополнительные значения, отличные от комментариев, данных редакторами, критиками, литературоведами, читателями, и формирует куда более продуктивное текстовое пространство, в том числе задавая «в кратком или развернутом виде программу чтения текста, его код» [Зенкин 2018, с. 149]. Подобные авторские дополнения не только совмещают в себе различные типы взаимодействия

с исходным текстом (паратекстуальные и метатекстуальные), но и формируют новые текстовые функции.

Одним из наиболее ярких примеров подобного взаимодействия между авторскими комментариями и исходным текстом является манга Сиро: Масамунэ 士郎正宗 (р. 1961) «Призрак в доспехах», состоящая из трех книг и имеющая также исходное (редакторское) название 攻殻機動隊 («*Ко:каку кидо:тай*», Mobile Armored Riot Police в англоязычных изданиях, «Отряд особого назначения» – в русскоязычном издании). Основной сюжет первого тома, вышедшего с 1989 по 1990 г. в издательстве Ко:данся, разворачивается в будущем (2029–2030 гг.) и повествует о буднях специального девятого отдела Министерства внутренних дел Японии, чьим командиром является майор Кусанаги Мотоко (草薙素子), представляющая собой киборга; в задачи этого отдела входит борьба с кибертерроризмом и пр. В статье мы сделаем акцент на первом томе манги, так как эта книга является точкой старта медиамикса (особой медиасистемы, объединенной одним семантическим и сюжетным ядром и включающей в себя тексты, принадлежащие различным медиа) [Steinberg 2012; Suvilay 2017], существующей как в книжном пространстве (манга, арт-буки), так и в рамках аудиовизуальных произведений (аниме-фильмы, аниме-сериалы, игры), и кроме того, отличается высокой плотностью авторских комментариев. Примечательно, что и в других работах Сиро: Масамунэ («Доминион», ドミニオン; Appleseed, アップルシード) наблюдается стремление к комментированию.

Текстна полях, постраничные сноски часто встречаются в анализируемой манге, «утяжеляя» восприятие страницы произведения. Бунтави Сувилай, работая с французским изданием 1 тома «Призрака в доспехах» отмечает, что «на 347 страниц приходится 86 комментариев, в среднем по одному на каждые четыре страницы» [Suvilay 2017]. Порой комментарии довольно велики по объему, они по-разному соотносятся с той или иной комментируемой панелью, стремятся к автономности, самодостаточности [Green 2007], к чему призывает и сам автор [Сиро: 2020a]. Комментарии здесь словно вписывают в мангу своеобразное научно-техническое пособие, размышление о настоящем и будущем технологий и взаимодействиях человека с ними [Suvilay 2017]. В нашей работе мы не будем анализировать основные тезисы, высказываемые в авторских сносках Сиро: Масамунэ, и их роль в разъяснении философского аспекта манги, который проанализирован в статье Б. Сувилай. Наша задача – выяснить, какую роль авторские комментарии играют в конструировании диегетического мира *The Ghost in the Shell* и как они трансформируют роль автора.

Авторский комментарий как подрыв иллюзии реальности

Важно отметить, что по отношению к манге как произведению в формате комикса, представляющего собой «единство повествовательного текста и визуального действия» [Цыркун 2013, с. 9], акцентирующего в большинстве случаев именно визуальную составляющую текста, тяготеющего к определенной тотальности, к созданию некоей иллюзии аудио-визуального действия, постраничные сноски создают ситуацию диссонанса самим соотношением текстов двух регистров. Комментарии становятся своеобразным фактором «разрыва» тотальности – визуальной, нарративной – «при сохранении некоторой связности повествования» [Rose 2018]. Они становятся фактом вторжения особой экстрадиегетической реальности (представителем которой является сам абстрактный автор [Шмид 2008]), подчеркивают бытование произведения именно как физической книги, как «завершенного» эстетического объекта. Комментарии здесь, по Ж. Женетту, предстают «способом, с помощью которого текст делает себя книгой и предлагает себя в этом качестве читателям» [Genette 1997, р. 1–2]. Тем самым авторские ремарки в манге формируют дополнительное измерение, капсулируют рассказываемую

историю, выводя читателя из автоматизма восприятия, заставляя его замечать то, чего он не должен замечать, то есть границы фреймов, а значит, и сами фреймы как отдельные элементы листа комикса.

Обращаясь к манге «Призрак в доспехах», можно отметить, что примечательны уже первые – во многом утилитарные – авторские комментарии, помещенные на форзаце книги первого тома как в оригинальном издании, так и в издании на русском языке. Первый комментарий звучит так: «ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ. Копирование книги или какой-либо ее части, а также использование персонажей без согласия Сиро: Масамунэ не только преследуется по закону, но и навлечет на вас проклятие автора. Однако чтение книги для собственного удовольствия ничем подобным не грозит» [Сиро: 2020a]. Подобный формульный текст не только утверждает бытование представленной манги как некоторой цельности, физической книги, и заявляет о принадлежности истории ее автору (в юридическом, моральном, духовном и прочих аспектах), но и – через ироничное обыгрывание формулировки – вводит в пространство книги голос абстрактного автора, а через него актуализируется и своеобразная связь с условным читателем. Второе пояснение на форзаце предлагает определенную тактику чтения манги: «ВНИМАНИЕ! На полях данной книги я поместил большое количество комментариев. Крайне не рекомендую вам читать мангу и комментарии одновременно, поскольку в этом случае легко потерять нить повествования, и вы не получите никакого удовольствия от прочтения. Советую мангу и комментарии читать по отдельности. Также имейте в виду, что эта история придумана. Все названия, события, технологии и мои комментарии вымышлены. Так что, если в результате прочтения данной книги вы или кто-то из вашего окружения понесете какой-либо ущерб, в этом не будет моей вины. Надеюсь, подобное заявление не заставит вас думать обо мне плохо. Я буду счастлив, если вы просто насладитесь книгой. Сиро: Масамуне. 07.07.1991» [Сиро: 2020a]. Уже в этом метатекстовом комментарии автор прямо заявляет о фиктивности рассказываемой истории, подрывая иллюзию достоверности, а также предлагает читателю определенную свободу выбора в работе с мангой: возможность классического восприятия текста (что во многом затруднительно, так как авторские комментарии всё равно остаются в поле зрения читателя) и чтения, которое уподобляется просмотру фильма со звуковой дорожкой, содержащей режиссерские пояснения к кинематографическому тексту. Комментарии (лукаво) утверждаются в своей необязательности как маргиналии, приобретая некоторую автономность. При этом они формируют специфическое монтажное сопряжение между текстами двух разных регистров, переводя произведение в текст, характеризуемый определенной динамичностью, по Р. Барту [Барт 1994, с. 415; Зенкин 2018, с. 144], незавершенностью в вариациях собственного разворачивания: читатель может варьировать свою тактику чтения, игнорируя комментарии, стараясь сопоставить происходящее во фреймах и авторский комментарий, подробно изучая комментарии, переводя их чтение в семантический центр собственной рецепции, следуя совету Сиро: и знакомясь с рекомендованной литературой, и т.д. Комментарии также создают особое условное «закадровое» пространство, которое позволяет обнаружить прямой голос «вненаходимого» абстрактного автора, утверждающего свое автономное со-присутствие параллельно тексту. И это присутствие автора закрепляет за ним роль специфического медиума между историей, миром и читателем.

Авторские сноски как манифестация авторского присутствия в тексте

Подобная роль медиума при чтении манги становится крайне необходимой для читателя, так как история представляет собой очень плотный вербальный и визуальный текст, разворачивающийся в рамках твердой научной фантастики, расслаивающийся на множество

аспектов и наполненный огромным количеством деталей пространства и контекста. Как отмечает Б. Сувилай, здесь постоянное вмешательство автора через авторские комментарии становятся залогом того, что читатель не будет фокусироваться только на описываемых приключениях Девятого отдела (детективной истории в научно-фантастической вселенной), но и подробно разъяснит для себя философию происходящего, пусть даже комментарии принимают вид эссе по азиатской науке и философии [Suvilay 2017]. Примечательно, что *Ghost in the Shell*, будучи одним из ключевых текстов для канона киберпанка как жанра, стиля, дискурса, является «результатом многолетнего труда» одного человека, который «единолично построил гигантский, многоуровневый мир» [Степин 2022]. И эта роль демиурга, всезнающего создателя – через постоянные пояснения, уточнения, разборы – утверждается в рамках сносок. К примеру, он дает пояснение мотивации реплик и отношения главной героини к ее подчиненному: «После разговора с Тогусой майор подумала: “Зря я, наверное, перевела его из полиции в свой отряд”. Она считает, что преступника можно вычислить, полагаясь исключительно на собственную интуицию (она называет это шепотом призрака), которую ни посредством тренировок, ни с опытом не приобретешь» [Сиро: 2020a].

Однако снова и снова уже в рамках книжного разворота при выбранной тактике параллельного чтения комментариев и самой истории, то есть разворачивания нарратива (в формате комикса) в очередной раз происходит подрыв классического договора между читателем и историей, подрыв иллюзии реальности, утверждаемый и самим автором. К примеру, комментируя одну из панелей, на которых андроид истекает кровью, Сиро: отмечает: «Поскольку цвет разрабатываемой сейчас искусственной крови – белый, в последних научно-фантастических произведениях у всех андроидов белая кровь. Для своей манги я придумал андроидов с красной кровью, более похожей на настоящую благодаря железу в ее составе» [Сиро: 2020a, с. 32]. Или же, поясняя разговор Министра и господина Арамаки по одному политическому вопросу, где звучит реплика «Уровень важности – 6, проблемности – 1. Ранг “Е”. Пустяки...», Сиро: прямо пишет: «Подобное обозначение уровней важности и проблемности я выдумал сам» [Сиро: 2020a, с. 54]. Подобный же эффект создает и авторская ирония, направленная на то или иное явление и формирующая своеобразный контрапункт, остраивающий сцену и отстраняющий читателя от истории: «В данном случае рисовая каша выглядит едой для бедных. Но на самом деле рис полезен для пищеварения» [Сиро: 2020a, с. 18] или «Окружив цель таким образом, полицейские рискуют попасть под перекрестный огонь. Ведите себя хорошо и не пытайтесь это повторить» [Сиро: 2020a, с. 6].

Кроме того, сноски для Сиро: Масамунэ порой являются «обходными путями» [Genette 1997, р. 328], позволяют избежать некоторых трудностей, связанных с рабочим процессом. К примеру, комментируя страницу с изображением погони, Сиро: отмечает: «Далее следует сцена, в которой майор берет управление машиной на себя, а Тогуса проверяет и надевает снаряжение. Рисовать эту сцену было скучно, поэтому я ее опустил» [Сиро: 2020a, с. 61].

Примечательно, что само пространство сносок становится пространством утверждения субъективности автора и местом свободного его размышления на различные темы, которые порой соотносятся с рассказываемой историей лишь косвенно. К примеру, комическая зарисовка, разворачивающаяся в рамках двух фреймов и связанная с мусорщиками и неправильной утилизацией биологических, медицинских материалов, позволяет автору поразмышлять об экологии: «Инфекционные медицинские отходы (биологически опасный мусор), скорее всего, станут большой проблемой в будущем: на их утилизацию требуются огромные деньги: кроме того, существует вероятность того, что чрезвычайно опасные для здоровья человека образцы могут попасть в руки террористов. Муниципалитеты должны принять срочные меры. (Нужно не курорты строить, а высокотемпературные мусоросжигательные печи и обучать рабочих по сбору мусора.) Не уверен, что сейчас больницы запечатывают опасные для людей отходы по всем правилам и отдают их специалистам. Заметьте, вороны не клюют бездомных – вероятно

потому, что те случайно перемазались какой-то медицинской химией» [Сиро: 2020а, с. 64]. Примечательно, что в завершении размышлений Сиро: все равно возвращается к миру, подвывая свои мысли к его пространству. Или же во время погони майора за преступником по трущобам Сиро: в комментариях размышляет о справедливости и власти: «В мире власть зачастую равнозначна справедливости, однако есть и противоположное мнение, гласящее, что во власти справедливости нет. Для отстаивания принципов справедливости непременно требуется власть. Воплотить идеалы в реальной жизни очень сложно. Говоря о справедливости, общество в целом, как и отдельно взятый человек, христианин ли, мусульманин, – считает добром именно себя, а всех остальных – злом. Поэтому “справедливость” и ему подобные понятия порой выглядят устаревшими. Когда справедливость, по сути, означает мнение большинства, информация приобретает невероятную ценность» [Сиро: 2020а, с. 81].

Тем самым в комментариях автор утверждает свою роль как создателя мира, позволяя себе превратить пространство постраничных сносок в специфическое эссе, обретающее дидактическое звучание, главными темами которого становятся компьютерные технологии, взаимосвязь религии и науки и др. Мы не будем останавливаться на комментариях, в которых автор манги так или иначе проясняет свои взгляды на мир и философию, так как это уже проанализировано в указанной статье Б. Сувилай. Нам важен сам факт «вторжения» голоса автора, что, на наш взгляд, существенно влияет на саму специфику нарративной стратегии манги.

Авторские сноски как дополнительный метод конструирования художественного мира

Основной объем комментариев так или иначе посвящен анализу, уточнению и описанию деталей, которыми наполнены порой крайне подробные панели этой манги (схожее внимание к «избыточной» детализации мира можно наблюдать в работах О:томо Кацухиро, автора манги «Акира», *アキラ*, 1982–1990). К примеру, есть простые замечания: «Замок, считывающий отпечатки пальцев» [Сиро: 2020а, с. 101] (комментарий относится к сцене открывания двери машины) или «Представьте “Сэбуро” С-25 как FN P90 с перенесенным вниз магазином» (пояснение специфики оружия майора). Есть и более развернутые: «Изначально киборги с полностью искусственным телом ели только небольшие порции специальной пасты или же принимали питающие таблетки. Но, как нарисовано выше, под влиянием психологического фактора в фантастическом мире этой манги принято потреблять синтетическое вещество, похожее на обычную еду и даже имеющее вкус. Конечно, при подключении мозга к сети прием пищи можно симитировать, но мне кажется, для сохранения ритма жизни лучше всего использовать рот по его прямому назначению. Футикомы могут продержаться около двух месяцев, просто меняя резервуары с жидкостью, созданной специально для нейрочипов. Вот так. (Это потому, что они не биороботы.)» [Сиро: 2020а, с. 102]. Отметим, что большинство подчеркнутых автором нюансов не играет важной роли в разворачивании нарратива, они могут быть без потерь пропущены читателем-зрителем (который последует совету автора). Как отмечает Сиро: Масамунэ в одном из интервью, «для персонажей эта информация очевидна и естественна; читатели попадают в мир персонажей, и в идеале он [этот мир] должен стать “естественным” и для них» [Schodt 2014]. То есть мангака большое значение придает именно описанию мира, утверждению его бытийности и разворачиванию его в его взаимосвязях и различных проявлениях, что во многом отвечает требованиям твердой научной фантастики [Westfahl 2008]. Но будучи зажатым в рамки жесткого нарратива, самого жанра и его требований (будь то динамичный сюжет, сексуализация главной героини, эксплуатация насилия и проч.), автор вынужден рассказывать о мире в деталях именно в пространстве постраничных сносок, обретающих статус «документальных» [Genette 1997]. Автор затормаживает действие,

чтобы акцентировать предметность самого мира, что в определенной степени позволяет Сиро: управлять вниманием зрителя. Мир обретает «тяжесть», «физичность», тактильность, наполняется вещами, которые словно существуют помимо героев.

К примеру, в сцене вживления «группы ММ» в тело пациента Сиро: дает описание демонстрируемым механизмам: «Устройство, внедряющее заряженные микромашины (ММ) при помощи силы отталкивания электрических зарядов» и «Это не лампа, а индукционная машина, которая не позволяет образовываться твердому осадку и равномерно распределяет ММ» [Сиро: 2020а, с. 192]. Тем самым классическая футуристическая деталь, которая читателем может быть воспринята просто как неназванный элемент пространства, создающий саму суть «футуристичности», обретает функциональность и вычерчивает серию взаимосвязей ее с другими элементами сцены, которые не были определены в тексте, не названы, но подразумеваемы, находятся за кадром. Или же в сцене преследования автор указывает: «Мало того что в плохую погоду тяжело вести слежку из-за неважной видимости, дождь еще и демаскирует оптический камуфляж, особенно при движении на высокой скорости» [Сиро: 2020а, с. 248]. Пояснение этой детали позволяет предотвратить автоматизм восприятия, позволяет проследить саму механику происходящего действия.

Примечательно, что пристальное и даже избыточное внимание к деталям, особенно нарративно не нагруженным, утверждает – вопреки подрыву иллюзии достоверности от факта вторжения автора в границы произведения – эффект реальности, согласно Р. Барту [Барт 1994, с. 392], который от количества этих «документальных» сносок только усиливается. Важно и то, что многие из этих деталей так или иначе актуализируют аспект телесности, тактильности и – естественно – визуальности. Например: «Череп Кусанаги сделан из титана, поэтому она может утонуть. Но среди киборгов есть и такие, которые могут свободно плавать. Эта способность становится доступной благодаря применению пористых материалов» [Сиро: 2020а, с. 280].

В этом контексте примечательны четвертая и пятая главы первого тома манги – «Машина “Мегатэк” 1. Восстание роботов» и «Машина “Мегатэк” 2. Создание киборга» [Сиро: 2020а, с. 93–102]. В небольших по объему главах Сиро: не развивает сюжеты приключений Девятого отдела, а поясняет, что такое футикома и как создается кибернетическое тело. Эти две короткие главы сопровождаются крайне подробными и обширными комментариями автора.

Художественный, диегетический мир словно утверждает себя через собственный подрыв, вторжение текста иного регистра, через момент тавтологичности, создаваемой посредством наложения вербального текста комментария на визуальный текст истории. Авторские сноски, разрушающие целостность, герметичность нарратива, становятся пространством если не конструирования мира, то описания, фиксирования его элементов.

Сиро: через комментарии, тормозящие повествование, утверждает дополнительный дискурс. Если история об операциях Отряда Особого Назначения и приключениях майора Кусанаги Мотоко, реализующаяся в манга-формате, генерирует нарративную составляющую текста, или же, если использовать понятие Ю.М. Лотмана [Лотман 2022, с. 21–25], текст-сообщение, транслирующий новую и постоянно трансформирующуюся динамическую информацию для читателя, то комментарии Сиро: Масамунэ вместе с визуальным фоном истории (который сноски и поддерживают, часто выводят из статуса фона в центр внимания) конструируют текст-код, в котором вычерчивается некоторое пространство с его разветвленной системой отношений, отличающееся условной статичностью и утверждающее некоторые границы возможностей текста-сообщения. Пространство мира – через утверждение взаимосвязей, специфик отношений между героями, механизмами, духовными, политическими, экономическими и прочими сферами – обретает в своей избыточности уже специфическую относительную автономность от автора, независимость от нарратива. Инертность описываемого мира, его самодостаточность способна определять вектор движения героев, их

возможные поступки в тех или иных ситуациях, то есть габитус (понятие П. Бурдьё). Теперь герои в их приключениях не являются залогом существования мира, но сам мир утверждает существование героев, которые – только точки входа в созданное пространство.

И в этом контексте Сиро: Масамунэ из всемогущего демиурга словно переходит в статус репортера или хроникера, не стремящегося уже к серьезным трансформациям мира, а только проясняющего его грани, словно имеющиеся до того, как на них был сделан акцент. Пример: «Я опустил ту часть, в которой вертолет и футикомы переключаются на ручной режим управления, чтобы избежать воздействия электромагнитного излучения (радиоволны, которыми переполнено воздушное пространство, способны нанести вред некоторым механизмам), а для предотвращения хакерского кибервзлома они активировали атаковую антивирусную защиту и отключили коммутаторы» [Сиро: 2020а, с. 154]. И тут же описание города, изображенного на первой панели страницы: «Берутарубе – город небоскребов, высота которых превышает два километра, из-за чего даже огромный вулкан Берутарубе (высотой 1221 метр) совершенно теряется на трехмерном изображении города. Высота насыпной горы на иллюстрации – 4500 метров над уровнем моря, а город раскинулся вокруг нее на 11–12 километров. Вот как-то так» [Сиро: 2020а, с. 154].

Мангака только проясняет мир, его детали, а порой просит прощения у читателей за невозможность некоторых сцен, упущенные детали и так далее. Пространство как код словно начинает управлять автором. К примеру, описывая последствия взрыва в квартире майора, Сиро: пишет: «В реальности эти двое должны были бы превратиться в сморщенные головешки: не осталось бы ни волос, ни одежды, ни кожи, но я махнул рукой, потому что это запутало бы дальнейшее повествование. Чтобы оправдаться, я нарисовал аквариум в комнате у самого выхода в коридор (прямо рядом с парнем майора) и ванную комнату, где Кусанаги и спряталась (обычно же у нас ванная сразу около входа в квартиру). Хотя этого, конечно, недостаточно, простите...» [Сиро: 2020а, с. 199].

И в этом контексте сцены, где Сиро: прямо заявляет, что не стал их рисовать по той или иной причине, мыслятся уже как существующие – от факта созданного пространства, обретающего собственную глубину, инерцию. Эти сцены лишь не были отмечены хроникером – по его несостоятельности, невнимательности, лени.

Таким образом, установка на тотальное комментирование позволяет выйти за рамки классического фрейма на листе манги, она словно заменяет сообщение об истории на шум пространства, шум города, утверждает тотальность, стабильность мира, чьи уникальные законы в одинаковой мере применимы для каждой сцены и для каждого героя. К тому же Сиро: приводит фантастический мир, который принципиально является чем-то новым, информационно нагруженным, – через все ту же тотальность и избыточность – к некоторой обыденности, банальности, в которой существуют герои и которую начинают разделять читатели-зрители. Сиро:, замороженный этим миром, транслирует свою замороженность вовне, предлагает каждому читателю-зрителю оказаться в ситуации а-нарративности и просто оглядеться по сторонам, начать рассматривать дизайн костюма майора, конструкцию футиком, городскую улицу и т. д. Автор утверждает мир в его самостоятельности, открытый, свободный от диктата одного человека. Это может проявляться и в заявлении автора о непричастности к изображаемому: «Плечо безымянного “возлюбленного” майора перевязано не простой тканью, а останавливающей кровь коллагеновой повязкой... Похоже, повязка немного съехала. (Наверное, стоило бы её зафиксировать?)» [Сиро: 2020а, с. 231]. Примечательно, что в одном интервью Сиро: даже говорит о желании дать героям «самостоятельность и индивидуальность и позволить им самим начать действовать» [Young Magazine Editorial Department 2023a].

Стоит отметить, что в своем предупреждении на одном из форзацев тома 2 и тома 1.5 Сиро:, утверждая фиктивность истории, все же подчеркивает: «Автор не несет ответственности за возможный ущерб, полученный в результате неправильного применения технологий

и приспособлений, которые были выдуманы специально для этой истории» [Сиро: 2020б], таким образом словно позволяя элементам описанного мира выйти за пределы художественного пространства.

И само положение Сиро: Масамунэ как автора, демиурга, репортера теперь мыслится как своеобразное со-присутствие, со-причастность. Мир хоть и создан им, но начинает существовать самостоятельно, автору остается лишь комментировать, пояснять или говорить о своем (подобное можно наблюдать в работах Асано Хитоси «Поездка за покупками в Йокогаму», «Котонаба-драйв» с его «уголками автора», в манге «Атака титанов» и др.). В интервью Сиро: Масамунэ часто отмечает, что ему больше интересно именно моделирование мира, прояснение его пространств, создание «пакетов “сделай сам” из различных кусочков, таких как дизайн механики и персонажей, а также основные сюжетные линии», с которыми впоследствии довольно свободно могут взаимодействовать другие авторы, имеющие уже довольно четкое, прописанное в аспекте «физики», правил, пространство [Dark Horse interview with Masamune Shirow 1995; Masamune Shirow, Interviewed by Trish Ledoux 1993; Schodt 2014; Toren Smith Interview 1993; Young Magazine Editorial Department 2023б].

Подобное отстранение автора и утверждение автономности пространства позволяют существовать в созданной кодовой системе и другим историям (в том числе разворачивающимся параллельно оригинальной истории, переписывающим многие моменты), другим текстам, принадлежащим не только Сиро: Масамунэ, отличающимся по подходам и развивающим новые темы и идеи, способствует самому факту ликвидности историй, имеющих возможность «переходить» из одного медиума в другой без минимальных семантических потерь.

Примечательно, что сама по себе франшиза *Ghost in the Shell*, помимо оригинальной манги, уже насчитывает несколько вариаций: от классического аниме-фильма 1995 г. (режиссер Осии Мамору), ряда телевизионных аниме-адаптаций (*Ghost in the Shell: Stand Alone Complex*, 2002–2006; *Ghost in the Shell: Arise*, 2013–2015; *Ghost in the Shell: SAC_2045*, 2020–2022), голливудской экранизации 2017 г. – и до прямого продолжения оригинальной манги за чужим авторством, видео-игр, ряда артбуков и проч. Конечно, в этих произведениях многие философские концепции, на которых Сиро: Масамунэ стремился сделать акцент, отходят на второй план, но общее пространство, существующее по уже сформулированным законам, словно позволяет этим тезисам Сиро: косвенно, опосредованно проявлять себя в новых контекстах.

Заключение

Авторские комментарии в виде постраничных сносок в манге «Призрак в доспехах» Сиро: Масамунэ формируют метатекстовое восприятие манги как книги, подрывают иллюзию реальности происходящего, отстраняют читателя от сюжетного движения и позволяют ему самому моделировать стратегию чтения, тем самым словно приглашая последнего к процессу самого разворачивания действия. Комментарии также становятся манифестацией присутствия автора в тексте; при этом они позволяют ему не только создать эссе, в котором Сиро: рассуждает о науке, религии, взаимодействии человека с технологией, но и перевести акцент на пространственное окружение, сам мир, в котором существуют сотрудники Девятого отдела. Подробное описание деталей, определение ролей не-нарративных вещей, пространств через комментарии способствует утверждению автономности диегетического мира от героев манги. Генерируя текст-код, Сиро: выстраивает сеть отношений между героями и вещами, вещами и пространствами, что порождает собственные принципы отношений, законы бытования, которые уже – исходя из принципов твердой фантастики – распространяются на все прочие элементы диегетической истории. Такое внимание к миру,

выраженное в подробных комментариях, способствует ликвидности сюжетов, их трансляции в другие медиа. Тем самым комментарии предстают как крайне продуктивная стратегия генерирования мира и смыслов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. Москва: Прогресс. 1994.
- Зенкин С. Теория литературы: проблемы и результаты. Москва: Новое литературное обозрение. 2018.
- Лотман Ю. Три функции текста. Внутри мыслящих миров. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус. 2022. С. 17–30.
- Сиро: М. Призрак в доспехах 1. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус. 2020.
- Сиро: М. Призрак в доспехах 2. Человеко-машинный интерфейс. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус. 2020.
- Степин Е. Обзор манги «Призрак в доспехах 1,5. Процессор с человеческой погрешностью». *GeekCity*. 19.07.2022. <https://geekcity.ru/obzor-mangi-prizrak-v-dospexakh-15-processor-s-chelovecheskoj-pogreshnostyu/> (дата обращения: 17.07.2024).
- Цыркун Н. А. Комикс и кинематограф: общий генетический код. Артикульт. 2013. № 9 (1). С. 4–10.
- Шмид В. Нарратология. Москва: Языки славянской культуры. 2008.

REFERENCES

- Barthes, R. (1994). *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress. (In Russian).
- Lotman, Yu. (2022). Tri funktsii teksta [Three Functions of the Text]. In Yu. Lotman, *Vnutri myslyashchikh mirov* [Inside Thinking Worlds] (pp. 17–30). Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus. (In Russian).
- Schmid, W. (2008). *Narratologiya* [Narratology]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russian).
- Shirō, M. (2020). *Prizrak v dospekhakh 1* [Ghost in the Shell 1]. Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus. (In Russian).
- Shirō, M. (2020). *Prizrak v dospekhakh 2. Cheloveko-mashinnyi interfeis* [Ghost in the Shell 2: Man-Machine Interface]. Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus. (In Russian).
- Stepin, E. (2022). Obzor mangi «Prizrak v dospekhakh 1,5. Protsessor s chelovecheskoi pogreshnost'yu» [Review of the Manga “Ghost in the Shell 1.5: Human-Error Processor”]. *GeekCity*. Retrieved July 17, 2024, from <https://geekcity.ru/obzor-mangi-prizrak-v-dospexakh-15-processor-s-chelovecheskoj-pogreshnostyu/> (In Russian).
- Tsyркun, N. (2013). Komiks i kinematograf: obshchii geneticheskii kod [Comics and Cinema: A Common Genetic Code]. *Artikul't* [Artikult], 9 (1), 4–10. (In Russian).
- Zenkin, S. (2018). *Teoriya literatury: problemy i rezul'taty* [Theory of Literature: Problems and Results]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

* * *

- Dark Horse interview with Masamune Shirow. (1995). *Listification*. Retrieved July 17, 2024, from <https://listification.blogspot.com/2016/03/dark-horse-interview-with-masamune.html>
- Genette, G. (1997). *Paratexts: Thresholds of Interpretation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Green, S. (2007). AICN Anime-Sci-Fi Reviews of Ghost in the Shell 1.5 and Freedom (Featuring Design by Akira's Katsuhiro Otomo). *Ain't It Cool News*. Retrieved July 17, 2024, from <http://legacy.aintitcool.com/node/33925>.

- Masamune Shirow, Interviewed by Trish Ledoux (1993). *Listification*. Retrieved July 17, 2024, from <http://listification.blogspot.com/2015/05/masamune-shirow-interviewed-by-trish.html>.
- Rose, Ch. (2018). An Interview With David Foster Wallace. *YouTube*. Retrieved July 17, 2024, from <https://www.youtube.com/watch?v=GopJ1x7vK2Q>.
- Schodt, F. (2014). An Interview With Masamune Shirow. *World of Frederik L. Schodt*. Retrieved July 17, 2024, from <http://www.jai2.com/MSivu.htm>.
- Steinberg, M. (2012). *Anime's Media Mix. Franchising Toys and Characters in Japan*. Minneapolis, London: University of Minnesota Press (In English).
- Suvilay, B. (2017). L'âme des machines dans *The Ghost in the Shell* [The Soul of the Machines in The Ghost in the Shell]. *ReS Futurae*, 10(10). Retrieved July 17, 2024, from <https://journals.openedition.org/resf/1134> (In French). <https://doi.org/10.4000/resf.1134>
- Toren Smith Interview, Manga Maina Magazine. (1993). *MotorBaller*. Retrieved July 17, 2024, from <http://www.motorballer.org/shirow/toren.html>.
- Westfahl, G. (2008). Hard Science Fiction. In D. Seed, *A Companion to Science Fiction* (pp. 195–198). Malden: Blackwell Publ.
- Young Magazine Editorial Department. (2023). Gensaku-sha shirōmasamune ga kataru “kōkakukidōtai” # 02 [Original Author Shirow Masamune Talks About “Ghost in the Shell” #02]. *The Ghost in the Shell*. Retrieved July 17, 2024, from https://theghostintheshell.jp/feature/interview01_2 (In Japanese).
- Young Magazine Editorial Department. (2023). Gensaku-sha shirōmasamune ga kataru “kōkakukidōtai” # 03 [Original Author Shirow Masamune Talks About “Ghost in the Shell” #03]. *The Ghost in the Shell*. Retrieved July 17, 2024, from https://theghostintheshell.jp/feature/interview01_3 (In Japanese).

Поступила в редакцию: 17.07.2024

Received: 17 July 2024

Принята к публикации: 26.01.2025

Accepted: 26 January 2025

DOI: 10.55105/2500-2872-2025-1-28-46

Частные юридические школы в Японии в период Мэйдзи

В.В. Пужаев, В.Б. Романовская

Аннотация. В статье изучается история становления и институционализации частного юридического образования в Японии в эпоху Мэйдзи. Хронологические рамки исследования обусловлены тем обстоятельством, что до революции Мэйдзи в Японии не существовало системы профессионального юридического образования, а в социальной структуре японского общества отсутствовала обособленная страта юристов.

Первые частные юридические школы открылись в Японии в 1880-е гг. Их появление, согласно расхожей точке зрения, явилось формой сопротивления японской либеральной общественности той идеологии и тем принципам, на которых строилось юридическое образование в государственных учебных заведениях (юридической школе Министерства юстиции и юридическом факультете Токийского университета). Вместе с тем небольшой объем разрозненных юридических сведений учащиеся могли получать в 1870-е гг. в частных языковых школах. Однако такая форма образования не давала никаких формальных последствий, поскольку юридической квалификации выпускникам не присваивалось. Значительно большее внимание изучению основ западного права уделялось в рамках деятельности частных учебных групп, которые создавались при ассоциациях «юридических защитников» (代官者 дайгэнся). Эти учебные группы могут быть рассмотрены в качестве предшественников организационно оформленных частных юридических школ.

В статье дается подробный обзор открытых в период Мэйдзи частных юридических школ, определяется их место в формировавшейся в те годы образовательной системе. Многие из открытых в эпоху Мэйдзи частных школ для юристов, пройдя череду организационных преобразований, в первой половине XX века приобрели официальный статус частных университетов. В статье обращено внимание на особенности «борьбы за влияние» между государственным сектором юридического образования и частными учебными учреждениями, а также на «фракционное соперничество» юридических школ, в которых преподавались разные системы западного права (французское, английское, немецкое). Рассматривается также содержание учебных программ студентов-юристов в некоторых частных школах, определяется роль «почетных нанятых иностранцев» в организации процесса обучения будущих японских правоведов. В заключении авторы приводят свои размышления относительно причин, определивших востребованность юридического образования у японцев в период Мэйдзи.

Ключевые слова: юридическое образование, рецепция права, Буассонад, Мэйдзи, университеты, история Японии, частные юридические школы.

Авторы:

Пужаев Владимир Владимирович, старший преподаватель кафедры трудового и экологического права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (адрес: 603105, г. Нижний Новгород, ул. Ашхабадская, 4). ORCID: 0000-0001-6818-8116; E-mail: puzhaev_vl@mail.ru

Романовская Вера Борисовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (адрес: 603105, г. Нижний Новгород, ул. Ашхабадская, 4). ORCID: 0000-0002-7938-5171; E-mail: vera_borisovna@mail.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Пужаев В.В., Романовская В.Б. Частные юридические школы в Японии в период Мэйдзи // Японские исследования. 2025. № 1. С. 28–46. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-1-28-46

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-011-00034 «Правовые воззрения Гюстава Буассонада де Фонтараби и рецепция французского права в Японии».

Private law schools in Japan during the Meiji period

V.V. Puzhaev, V.B. Romanovskaya

Abstract. The article examines the history of the formation and institutionalization of private legal education in Japan during the Meiji era. The chronological framework of the study is determined by the fact that, before the Meiji Revolution, there was no system of professional legal education in Japan, and there was no separate stratum of lawyers in the social structure of Japanese society.

The first private law schools were established in Japan in the 1880s. According to a widely accepted opinion, their appearance was a form of resistance of the Japanese liberal public to the ideology and principles on which legal education was based in state educational institutions (the Law School of the Ministry of Justice and the Faculty of Law of the University of Tokyo). At the same time, a small amount of fragmented legal information was available to Japanese students in the 1870s in private language schools, where foreign languages were taught. However, this form of education did not confer any formal privileges, as graduates were not awarded legal qualifications. Much attention was paid to the study of Western law through the activities of private study groups set up by legal associations of “advocates” (代官者 *daigensha*). These study groups can be seen as the predecessors of organized private law schools.

The article provides a detailed overview of the private law schools that opened during the Meiji period and defines their place in the educational system developed in those years. Many of the private law schools opened during the Meiji period underwent a series of organizational changes and acquired the official status of private universities in the first half of the 20th century. The article draws attention to the “struggle for influence” between the public sector of legal education and private institutions, as well as to the “factional rivalry” between law schools that taught different systems of Western law (French, English, German). The article also examines the content of law students’ curricula at some private schools, identifying the role of “honorary hired foreigners” in organizing the education process of future Japanese lawyers. In conclusion, the authors express their own opinions on the reasons that determined the demand for legal education among the Japanese during the Meiji period.

Keywords: legal education, reception of law, Boissonade, Meiji, universities, history of Japan, private law schools.

Authors:

Puzhaev Vladimir V., Senior Lecturer at Department of Labor and Environmental Law, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. ORCID: 0000-0001-6818-8116; E-mail: puzhaev_vl@mail.ru

Romanovskaya Vera B., Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. ORCID: 0000-0002-7938-5171; E-mail: vera_borisovna@mail.ru

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Puzhaev, V.V., Romanovskaya, V.B. (2025). Chastnye yuridicheskie shkoly v Yaponii v period Meidzi [Private law schools in Japan during the Meiji period]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 1, 28–46. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-1-28-46

Acknowledgments. The study was funded by RFBR, project No. 20-011-00034 «Legal views of Gustave Boissonade de Fontarabie and the reception of French law in Japan».

Введение

Частное образование было распространенной практикой в Японии и до революции Мэйдзи. В конце эпохи Эдо существовало множество частных школ (私塾 *сидзюку*), которые значительно отличались от подобных институций в европейских странах. Частные школы эпохи Эдо в организационном отношении больше походили на обособленные сообщества учеников, объединившихся вокруг личности просвещенного учителя. Отношения между учителем и учениками фактически имели доверительный характер. Если учитель по каким-либо причинам уходил из школы или умирал, то созданная им школа, как правило, прекращала свою деятельность [Hayashi 2016, p. 198–199]. Право не входило в число дисциплин, изучаемых в таких школах. В лучшем случае некоторые китайские законы, принятые в Японии еще в VIII в., могли изучаться во время школьных занятий, однако их анализ осуществлялся скорее с литературной точки зрения, чем с позиции профессионального юридического толкования и разбора [Appert 1896, p. 528; Hayashi 2016, p. 200].

В 1870-х гг., на «волне интереса» ко всему западному, в Японии массово открывались школы по изучению иностранных языков. Большинство из них были частными и по охвату слушателей довольно небольшими. В некоторых подобных школах ученики не только овладевали знаниями в области английского или французского языков, но также имели возможность познакомиться с произведениями западной литературы и науки. Содержание программ обучения в частных школах зависело от способностей и возможностей учителей, так что в отдельных случаях слушатели языковых школ могли посещать лекции на правовую тематику. К примеру, в 1874 г. известный японский философ, один из лидеров Движения за свободу и народные права по имени Накаэ Тёмин (1847–1901), имея за плечами опыт учебы во Франции, открыл частную школу французского языка, где он «читал лекции по политике, юриспруденции, истории и философии» [Лим 2000, с. 276]. Несколько частных школ английского языка знакомили своих учеников с английскими текстами по юриспруденции. Среди них можно назвать школы под руководством Гвидо Вербека (1830–1898) и Га Норуюки (1840–1923) [Hayashi 2016, p. 200].

И все же это были языковые, а не юридические школы: выпускникам не присваивалось юридической квалификации, а получаемые ими юридические знания были весьма скромны в сравнении с систематическим образованием, обычно приобретаемым в специализированных школах.

Значительно большее внимание изучению основ западного права уделялось в рамках деятельности частных учебных групп, создаваемых при коммерческих объединениях «поверенных по юридическим делам» (代官者 *дайгэнся* – *ходатай, юридический защитник, адвокат*¹). Учредителями подобных ассоциаций были выходцы из самурайского сословия, которые в условиях изменившихся внутривосточных обстоятельств ставили перед

¹ В западной исторической литературе для их обозначения используются различные переводные эквиваленты, которые, если их привести на русском языке, значили бы следующее: «солиситор», «нелицензированный адвокат», «юрисконсульт», «поверенный по судебным делам», «дайгэннин», «юридический представитель», «частнопрактикующий юрист», «юридический защитник».

собой цель изменения социального и политического значения права в японском обществе. Они рассматривали юридическую практику как путь к реализации своих политических идей и амбиций, выступали в поддержку искового производства как средства разрешения возникающих споров. В каждой такой ассоциации обучение праву соседствовало с основным видом деятельности – оказанием платных юридических услуг населению.

Одна из первых учебных групп была создана в 1874 г. уроженцем провинции Тоса, бывшим чиновником Министерства юстиции по имени Симамото Накамити (1833–1893). Он покинул свой пост в связи с разгоревшимися в правительстве политическими дебатами относительно целесообразности военного вторжения в Корею. Предназначение создаваемой учебной группы Симамото видел в том, чтобы преподавать право в целях расширения прав простых граждан. 15 июня 1874 г. Симамото основал в Осаке адвокатскую фирму и организовал при ней учебную группу под общим названием *Хокусю:ся* (北洲舎). Дела шли успешно, и вскоре были открыты филиалы фирмы в Токио и Хиросиме, а в 1875 г. новые отделения появились также в Сакаи, Киото и Оцу [Hayashi 2016, p. 202–203].

В 1875 г. уроженец провинции Бунго по имени Мотода Наоси (1834–1916) основал в Токио ассоциацию по изучению права под названием *Хо:рицугакуся* (法律学舎). К тому времени Мотода уже имел опыт работы в Министерстве юстиции, где оказывал содействие Мицукури Ринсё: (1846–1897) в работе над переводом на японский язык французских кодексов. После того как опальный министр юстиции Это: Симпэй ушел в отставку, Мотода решил оставить государственную службу и посвятить себя юридической практике и преподаванию права. Заручившись поддержкой единомышленников, он привлек под свое начало группу молодых японцев, которые и стали первыми учениками. Церемонию открытия *Хо:рицугакуся* удостоил своим присутствием иностранный советник Министерства юстиции, французский юрист Гюстав Буассонад де Фонтараби [Flaherty 2013, p. 151–152]. Буассонад не только был почетным гостем на открытии ассоциации, но время от времени посвящал себя чтению лекций по французскому праву ученикам *Хо:рицугакуся*.

Основным направлением работы *Хо:рицугакуся* было оказание юридических услуг, так что члены ассоциации, помимо преподавания, вели юридическую практику, а состоявшие при ассоциации студенты, несмотря на почти ежедневные напряженные занятия, должны были изыскивать время для помощи в работе с клиентами. Это обстоятельство вылилось в недовольство со стороны некоторых учеников. Один из них, по имени Иидзука Гинъя, в 1875 г. обратился к Мотода с просьбой сократить объемы выполняемой студентами в пользу ассоциации юридической работы. Последовавший за этим отказ спровоцировал уход из школы семи студентов, которые спустя некоторое время основали собственную юридическую ассоциацию. Поскольку юридические знания открыли для членов адвокатских ассоциаций двери для новых политических возможностей, а юридическая практика приносила им вполне неплохой доход, ассоциации правозащитников стали процветать [Flaherty 2013, p. 152]. Их число множилось в крупных и средних японских городах, то есть там, где имелся устойчивый спрос на юридические услуги (Токио, Осака, Иокогама и др.). Поскольку до 1876 г. закон не требовал регистрации и лицензирования деятельности таких ассоциаций, их общее число в этот период доподлинно неизвестно. В 1876 г. был издан первый в Японии нормативный акт, регулирующий профессиональную аттестацию адвокатов. В результате в Японии появилась категория так называемых лицензированных адвокатов. В последующие несколько лет эти новоиспеченные адвокаты, именовавшиеся *дайгэннин*², были вынуждены делить

² Термин «дайгэннин» (代言人), являвшийся прямым переводом французского слова «*avocat*» (адвокат), официально использовался в Японии примерно с 1872 г. до начала 1890-х гг. С принятием в 1893 г. нового законодательства об адвокатской деятельности, для обозначения соответствующей юридической профессии был принят термин «бэнгоси» (弁護士), который в западной литературе обычно представляется как японский эквивалент английского слова «*barrister*» (барристер).

рынок юридических услуг с «нелицензированными» юридическими представителями. Важно отметить, что преподавание западного права в учебных группах всегда отличалось практической направленностью, однако со временем оно все более походило на подготовку слушателей к экзаменационным испытаниям для прохождения профессиональной аттестации в соответствии с Положением об адвокатах [Hayashi 2016, p. 206].

В мае 1880 г. правительством было принято новое Положение об адвокатах, согласно которому автономные адвокатские образования, включая действовавшие при них учебные группы, были запрещены. Во исполнение этого запрета юридические ассоциации начали массово закрываться, а сформированные при них учебные группы были распущены. Запретив деятельность многочисленных правозащитных ассоциаций, японское правительство преследовало цель ограничить влияние политически неблагонадежных «юристов-самураев» на студентов, состоявших учениками при ассоциациях, и тем самым ослабить Движение за свободу и народные права [Hayashi 2016, p. 207–208].

Таким образом, частные учебные группы, существовавшие при юридических ассоциациях *дайгэнся*, следует признать предшественниками организационно оформленных частных юридических школ.

Частные юридические школы в период Мэйдзи: общая характеристика

Открытие в Японии юридических школ частного типа, многие из которых впоследствии смогли приобрести статус частных университетов (*私立大学 сиринцу дайгаку*), приходится только на начало 1880-х гг. Появление в Японии подобных учебных институций в западной литературе принято считать формой сопротивления японской либеральной общественности той идеологии и тем принципам, на которых строилось юридическое образование в государственных учебных заведениях, находящихся в ведении правительства [Al-Khaizaran 2011, p. 157]. Выступая за расширение народных прав и свобод, многие представители «либерального блока» были недовольны тем, что выпускники государственных учебных учреждений, составлявшие основу новой технократической элиты Японии, проявляли лояльность по отношению к существовавшему государственному режиму и спорным решениям правительства относительно путей дальнейшего развития страны. Значительной популярностью в этом контексте пользовались взгляды японского просветителя Фукудзава Юкити (1835–1901), который в 1883 г. выступил с критикой государственной политики в сфере университетского образования, заявив, что наука и политика должны быть разделены [Marshall 1977, p. 386].

Государственные юридические «школы» – школа Министерства юстиции (1872–1884) и юридический факультет Токийского университета – являли собой учебные заведения, в которых обучающиеся были выходцами из знатных слоев населения. Как справедливо отметил А.Ф. Прасол, высшее образование в Японии долгие годы было «сосредоточено в единственном столичном университете и продолжало оставаться привилегией узкого круга потомственных аристократов, чиновников и военных. Никаких специальных мер по расширению доступа к высшему образованию [в те годы – В. II., В. Р.] не предпринималось» [Прасол 2002, с. 125]. Напротив, частные юридические школы принимали слушателей из неаристократических буржуазных семей, выпускали не только будущих адвокатов, но и местных политических деятелей, участников либерального Движения за свободу и права народа, деловых людей, преподавателей, то есть слой местных влиятельных лиц [Лим 2000, с. 277].

По своему официальному статусу частные правовые школы сильно уступали императорским университетам: в период Мэйдзи только императорские университеты

считались учебными заведениями высшего образования, тогда как частные юридические школы довольствовались положением повышенных средних школ. Таким образом, уровень образования выпускников частных юридических школ считался более низким по сравнению с выпускниками Токийского университета.

Ориентация частных юридических школ на изучение той или иной системы западного права определялась учредителями таких школ самостоятельно. По вполне понятным причинам она соответствовала профессиональной специализации учредителей [Jaluzot 2021, р. 238]: юристы, получившие образование в Англии и США, открывали частные школы по изучению англо-американского права; те, кто проходил обучение во Франции или же окончил курс юридической подготовки во франкоязычной школе Министерства юстиции Японии (яп. *Сихо:сё: хо:гакко:*), следовали по пути создания школ французского права.

В отличие от правовой школы Министерства юстиции и Токийского университета, частные юридические школы не имели финансовой поддержки со стороны государства и могли полагаться исключительно на денежные средства, вносимые учениками в качестве платы за обучение. Как правило, в частных школах устанавливались два типа платежей: единовременный вступительный взнос (взимался при зачислении в школу) и ежемесячная плата за обучение.

Преподаватели в частных школах обычно получали меньшее жалование в сравнении с коллегами из учебных заведений, находящихся под эгидой государства. Вместе с тем частные школы были более свободны в решении внутренних организационных вопросов. Например, они могли предложить своим преподавателям гибкий график работы, что позволяло последним совмещать чтение лекций с практической трудовой деятельностью или параллельным преподаванием в государственных школах, университете.

Для того чтобы поддерживать необходимый уровень финансовой устойчивости, руководство частных школ было заинтересовано в увеличении контингента учащихся, что не всегда положительно сказывалось на качестве подготовки (случалось, что количество принятых на обучение лиц не соответствовало фактическим организационным возможностям таких школ). Но подобные проблемы возникали редко, поскольку посещаемость учебных занятий в частных школах была далека от идеала, о чем свидетельствуют воспоминания современников тех событий [Wigmore 1893].

К началу 1890-х гг. в частных юридических школах Токио обучалось подавляющее большинство будущих юристов. Следует признать, что в вопросах количества абитуриентов эти школы успешно конкурировали с государственным Токийским университетом не только потому, что в них было легче поступить, но и потому, что они больше учитывали интересы и запросы студенческого сообщества. Доступ в частные юридические школы, как правило, не предполагал вступительных экзаменов, а плата за обучение была сравнительно невысока. Учеба в частных правовых школах предполагала минимальные ограничения свободы для учеников в сравнении с правилами внутреннего распорядка, обязательными для воспитанников-пансионеров Токийского университета [Wigmore 1893, р. 23; Appert 1896, р. 533; Япония и японцы 1901, с. 71]. В 1873 г. в Японии по примеру западных стран была введена воинская повинность, но студенты и преподаватели государственных учебных заведений были освобождены от призыва на военную службу [Мещеряков 2009; Al-Khaizaran 2011, р. 160]. В этом отношении частные школы для юристов проигрывали государственным образовательным учреждениям. Впоследствии некоторые частные школы были включены Министерством юстиции в специальный перечень так называемых одобренных школ, что позволило им предоставить своим воспитанникам аналогичную привилегию по освобождению от призыва. С включением в этот перечень частные школы также получали право отправлять своих кандидатов на экзамены для поступления на государственную службу. Нельзя сказать, что все частные юридические школы стремились приобрести статус «одобренных», поскольку в обмен на полученные правительственные «милости», они должны были согласиться на

определенные ограничения в отношении учебных программ, на проведение в отношении них проверок, что стесняло руководство таких школ в принятии независимых управленческих решений [Wigmore 1893, p. 32].

Поскольку в период Мэйдзи функционировало множество частных юридических школ, ниже мы приводим обзор наиболее известных из них, ограничившись указанием тех, которые оставили значительный след в истории правовой системы Японии. При этом в качестве исходного критерия распределения правовых школ по группам мы будем использовать тип доминирующей системы западного права, которая предлагалась к изучению студентам таких школ в рамках образовательного процесса. На этом основании все частные школы распределены нами на три условные группы: а) школы французского права; б) школы англо-американского права; в) школы немецкого права. Внутри каждой из групп перечисление школ осуществляется в хронологической последовательности, исходя из времени их создания.

Школы французского права

В апреле 1880 г. в токийском квартале Канда, в Суругадай, совместными усилиями Канамару Маганэ (Канэмару Тэцу, 1852–1909), Ито: Осаму (1855–1920), Сатта Масакуни (1856–1897) и некоторых других японских юристов была открыта первая в Японии частная школа права, получившая название Токийское общество права (東京法学社 *То:кё: хо:гакуся*). Год спустя название было изменено на более подходящее для учебного заведения: Токийская школа права (東京法学校 *То:кё: хо:гакко:*).

Поскольку большинство основателей школы были учениками и последователями взглядов парижского профессора, советника японского правительства Гюстава Буассонада, нетрудно догадаться, что школа сосредоточилась на преподавании французского права, выступив за распространение в Японии постулатов философии юснатурализма. В сентябре 1883 г. школу возглавил лично Гюстав Буассонад, заняв пост директора и одновременно закрепив за собой преподавание курса французского гражданского права.

В 1889 г. Токийская школа права была объединена с Токийской школой французских исследований (東京仏学校 *То:кё: фуцу гакко:*) и переименована в связи с этим в Токийскую школу японского и французского права (*То:кё: вафуцу хо:рицу гакко:*). Главой школы стал Мицукури Ринсё: (1846–1897) – видный юрист, переводчик текстов наполеоновских кодексов. Впоследствии пост первого президента юридической школы *Вафуцу* занимал бывший ученик Буассонада, обладатель степени доктора права, присвоенной Лионским университетом (Франция), один из составителей Гражданского кодекса 1898 г. – Умэ Кэндзиро: (1860–1910).

В 1903 г. школа *Вафуцу* была переименована в *Хо:сэй дайгаку* (法政大学), став первой из частных юридических школ, получивших право именоваться университетом. Это обстоятельство отнюдь не свидетельствовало об уравнивании ее в статусе с императорскими университетами, которые на протяжении всей эпохи Мэйдзи стояли выше в иерархии образовательных учреждений, являя собой завершающую (высшую) ступень образования.

В апреле 1920 г. *Хо:сэй дайгаку*, наряду с некоторыми другими частными университетами, был включен в перечень учебных заведений, которые выдавали диплом государственного образца [Dictionnaire historique... 1982, p. 98].

В образовательном процессе школы *Вафуцу* активно участвовали иностранные профессора. Помимо Буассонада, в штате сотрудников в разное время значились французы Жорж-Виктор Аппер (1850–1934), Ипполит Огюстен Ревильо (1859–1927) и итальянец Алессандро Патерностро (1852–1899). Самыми известными лекторами из числа японцев были профессор Тоии Масааки(ра) (1858–1935), Тэрао То:ру (1859–1925) и Томитани Сё:таро: (1856–1936).

Значительная роль в развитии юридического образования в Японии принадлежит юридической школе Мэйдзи (明治法律学校 *Мэйдзи хо:рицу гакко:*). Ее основатели – Кисимото Тацуо (1851–1912), Мияги Ко:дзо: (1852–1893), Ясиро Мисао (1852–1892) – изучали французское право под руководством Буассонада в правовой школе Министерства юстиции, где они были одними из первых слушателей лекций французского профессора [Лим 2000, с. 283; Лим 2014, с. 209].

По окончании школы пути всех трех юристов временно разошлись. Кисимото и Мияги отправились во Францию, чтобы продолжить свое профессиональное обучение. Вернувшись на родину в 1880 г., оба сумели достичь значительных высот на профессиональном поприще: Кисимото получил должность судьи, а Мияги построил успешную карьеру прокурора и одновременно внес важный вклад в развитие науки уголовного права Японии, за что был прозван современниками «восточным Ортоланом»³. В свою очередь, Ясиро получил должность в совете старейшин (*Гэнро:ин*), а также некоторое время преподавал в юридической школе *Ко:хо:гакуся*, основанной буддийским священником Китабатакэ До:рю: (1820–1907). Несмотря на различные сферы деятельности, все трое разделяли общее стремление создать в Японии центр современного юридического образования, где студенты могли бы пройти полноценную юридическую подготовку в области французского права. Реализация намеченных планов ускорилась после того, как ряд учеников школы *Ко:хо:гакуся*, недовольных административной политикой руководства школы, в знак протеста решили покинуть учебное заведение. Около дюжины из них, сформировав инициативную группу, обратились к Кисимото и Мияги (поскольку они читали отдельные учебные курсы в *Ко:хо:гакуся* и пользовались уважением в студенческой среде) с предложением об открытии новой правовой школы⁴. Призвав на помощь своего старого друга Ясиро Мисао, Кисимото и Мияги вместе обратились в правительство с прошением разрешить создание частной юридической школы, которая должна была сосредоточиться на преподавании французского права.

Новая юридическая школа была готова принять первых слушателей уже в январе 1881 г. Изначально школа располагалась в токийском районе Кодзимати, а в 1886 г., когда старые помещения уже не могли вместить всех желающих в связи с увеличением числа обучающихся, она была перемещена в Суругадай, в район Канда [Dictionnaire historique... 1988, p. 58]. Будучи открытой в самый разгар деятельности Движения за свободу и права народа, юридическая школа Мэйдзи в качестве философской основы предлагаемого образования избрала либеральные принципы французской правовой системы (где свобода и гражданские права рассматривались как неотъемлемые, руководящие начала общественной жизни)⁵.

Поступить в школу Мэйдзи мог любой японец не моложе шестнадцати лет (к поступлению допускались только лица мужского пола). В первое время школа была рассчитана на пребывание не более пятисот студентов, обучением которых занимались всего семь преподавателей. Школа пользовалась популярностью, что позволило в последующем увеличить контингент обучающихся и штатную численность преподавателей более чем в два раза. По данному показателю со школой Мэйдзи могла конкурировать только частная школа английского права.

В рядах учителей школы Мэйдзи состояли как сами основатели заведения, так и привлеченные специалисты со знанием французского права, которые разделяли правовые и политические взгляды учредителей школы. Кисимото Тацуо преподавал торговое право,

³ Отсылка к имени французского правоведа, специалиста в области уголовного права – Жозефа Луи Этьеара Ортолана (1802–1873). Примечательно, что Ортолан был одним из главных учителей и вдохновителей Буассонада в период работы последнего в стенах Парижского юридического факультета.

⁴ История Университета Мэйдзи. Адрес для доступа: <https://www.meiji.ac.jp/cip/english/about/history/index.html> (дата обращения: 18.03.2023).

⁵ История Университета Мэйдзи. Адрес для доступа: <https://www.meiji.ac.jp/cip/english/about/history/index.html> (дата обращения: 18.03.2023).

Мияги Ко:дзо: – японское уголовное и уголовно-процессуальное право, Ясиро Мисао сосредоточился на преподавании французского гражданского кодекса.

Занятия по французскому конституционному и административному праву проводил вернувшийся из Франции выпускник Сорбонны и будущий премьер-министр Сайондзи Киммоти (1849–1940). Во Франции Сайондзи изучал юриспруденцию, был учеником одного из основателей пацифистской Лиги мира и свободы, французского правоведа Эмиля Аколлы (1826–1891). Заинтересовавшись во время учебы идеологией французского либерализма, молодой аристократ Сайондзи, по возвращении на родину примкнул к сторонникам Движения за свободу и народные права. Параллельно с педагогической работой в школе Мэйдзи, совместно с Накаэ Тёмин (1847–1901) – крупным просветителем эпохи Мэйдзи – он учредил и некоторое время редактировал оппозиционную газету «То:ё: дзю: симбун» («Восточная свободная газета»), на страницах которой публиковались материалы либеральной направленности. Вскоре Сайондзи была передана записка от имени императора Муцухито с требованием покинуть пост президента газеты, и он покорно последовал волеизъявлению микадо. В 1882 г. он прекратил преподавание в школе Мэйдзи в связи с получением назначения в официальную комиссию по разработке проекта Конституции Японии и отбытием с Ито: Хиробуми (1841–1909) в Европу для предварительного изучения опыта политического устройства западных монархий.

В целом образовательная программа школы Мэйдзи предусматривала трехлетнюю подготовку с разбивкой по семестрам, каждый из которых включал двадцать недель. Наполнение учебной программы будущих юристов представлено в таблице 1.

Таблица 1. Программа обучения в юридической школе Мэйдзи

Год обучения	Семестр	Преподаваемые дисциплины
первый	первый (13 часов в неделю)	французское гражданское право (общие вопросы гражданских правоотношений); японское уголовное право
	второй	французское гражданское право (раздел о собственности); японский уголовный кодекс
второй	третий (13 часов в неделю)	французское гражданское право (вопросы наследования и завещания); гражданско-процессуальное право Франции
	четвертый (12 часов в неделю)	французское гражданское право (доказательственное право; договорное право); гражданско-процессуальное право Франции; менеджмент
третий	пятый (12 часов в неделю)	французское гражданское право (брачный договор, договор мены, лизинг, корпорации); французское торговое право (закон о корпорациях, векселя и чеки, страхование); французское конституционное право
	шестой	французское гражданское право (обязательственное право, условные сделки, представительство, мировое соглашение); специальное право залога; французское торговое право; закон о банкротстве; закон о торговых судах; французское административное право; экономика

Источник: Yoshiaki Yoshida Meiji University's one hundred years. The history of the School of Law // Meiji Law Journal. 1994. No. 1. P. 1–23.

За время своего существования школа Мэйдзи неоднократно подвергалась дискриминации со стороны государственных чиновников в рамках реализации политики правительства по ограничению влияния частных школ. Причиной конфронтации была не только независимая политическая позиция основателей и учителей школы, но и приверженность последних преподаванию французского права, в то время как на официальном уровне поддержкой пользовались сторонники изучения английского, а впоследствии немецкого права.

В начале 1890-х гг. в юридическом сообществе Японии разгорелись споры по вопросу о принятии проекта Гражданского кодекса, текст которого опирался на проект Буассонада и в основном следовал положениям Кодекса Наполеона. В этом противоборстве между сторонниками французского права и сторонниками английского права, известном в истории под названием «ссоры из-за кодекса», в полной мере отразился дух фракционного соперничества юридических школ, в которых изучались разные системы западного права. Разумеется, преподаватели школы Мэйдзи выступили за скорейшее принятие профранцузского проекта Гражданского кодекса, однако их голос не был услышан. Под влиянием реакционных настроений в японском обществе и политическом истеблишменте возобладала точка зрения, согласно которой «проект Буассонада» имел слишком европеизированный характер, а его принятие грозило стране уничтожением традиций сыновней почтительности и попранием национальных традиций.

Несмотря на все финансовые и организационные трудности, школа Мэйдзи смогла отстоять свою самостоятельность. В 1903 г. она была включена в список специализированных профессиональных училищ (яп. *сэммон гакко:*), сменив прежнее название на *Мэйдзи дайгаку* (明治大学), а в 1920 г. получила статус полноправного университета. В 1929 г. Университет Мэйдзи стал первым учебным заведением в Японии, предоставившим возможность получения юридического и экономического образования японкам [Dictionnaire historique...1988, p. 58]. В настоящее время Университет Мэйдзи, продолжая оставаться частным учебным заведением, входит в число наиболее престижных университетов Японии.

В числе первых студентов Буассонада состояли и будущие основатели Университета Кансай, история которого началась в ноябре 1886 г., когда в Осаке усилиями группы судебных чиновников, юристов и предпринимателей была открыта юридическая школа Кансай. В создании школы важную роль сыграла поддержка данной идеи со стороны Кодзима Корэката (1837–1908)⁶ – председателя местного Апелляционного суда, и президента городской торговой палаты по имени Дои Митио (1837–1917). Основателями школы явились юристы Иноуэ Мисао (1847–1905), Огура Хисаси (1851 или 1852–1906), Хотта Масатада (1859 или 1860–1938), Тэдзука Таро: (1862–1932), а также активист Движения за свободу и права народа Ёсида Исси (Кадзуси) (1858–1891), ставший первым директором школы. Они считали важным осуществлять распространение в Японии западной концепции естественных прав человека, с положениями которой Иноуэ, Огура и Хотта ознакомились на уроках Буассонада еще во время своей учебы. Также они поддерживали западную идею разделения властей, воплощение которой требовало обеспечения независимости судебной власти.

Весомый вклад в становление юридической школы Кансай также внесли японские судьи О:сима Садатоси (1839–1918) и Цуруми Мориёси (1858–1939), адвокат Сунагава Кацутака (Кацутоси) (1860–1933) и прокурор Итиносэ Ю:дзабуро: (1855–1932).

Летом 2018 г. в рамках сотрудничества университетов Хо:сэй, Мэйдзи и Кансай была проведена тематическая музейная выставка «Буассонад и его бывшие ученики». Экспозиция рассказывала о заслугах Буассонада, профессиональной карьере его студентов и об истории перечисленных частных университетов, основанных во второй половине XIX в. бывшими

⁶ Более известен под именем Кодзима Икэн; в 1891–1892 годах он занимал пост председателя Верховного суда Японии.

учениками Буассонада. В анонсе мероприятия о Буассонаде говорилось как об «отце современного японского права»⁷, который «вложил свое сердце и душу» в подготовку первого поколения японских юристов.

В 1889 г. Ямада Акиёси (1844–1892), занимавший в те годы пост министра юстиции, совместно с группой судей и прокуроров основал частную юридическую школу Нихон (с 1903 г. – *Нихон дайгаку*). Первым директором школы стал будущий министр юстиции, граф Канэко Кэнтаро: (1853–1942).

Большинство отцов-основателей школы Нихон также были учениками и последователями правовых идей Буассонада. Следуя его философии права, обучение в школе строилось не только вокруг практических вопросов, требовавших знания текущего японского и западного законодательства, но также было направлено на изучение фундаментальных проблем юридической науки, в особенности проблем социальной справедливости, независимости судебной власти и обеспечения естественных прав человека.

Об открытии частной юридической школы всерьез задумывался и сам профессор Буассонад. О своих намерениях учредить собственную школу для японцев Буассонад поведал в интервью журналистам одной из японских газет перед своим временным отъездом во Францию в 1889 г. Вернувшись в Японию спустя полгода, он так и не осуществил свою мечту, поскольку большую часть его повседневного времени занимало участие в обсуждении проекта Гражданского кодекса [Ikeda 1996, p. 90], на составление которого Буассонад потратил почти десять лет.

Школы англо-американского права

Наш обзор школ англо-американского права следует начать с указания учебного заведения, которое открылось еще в период *бакумацу*, и поначалу не было связано ни с преподаванием английского права, ни с английским языком как таковым. Просветитель Фукудзава Юкити (1835–1901) начал преподавать в княжеской школе в Эдо в 1858 г. В первые годы своего существования она специализировалась на преподавании голландского языка и изучении голландских книг, единственно доступных в те времена, когда Япония была закрыта от остального мира. После открытия первых японских портов для иностранцев Фукудзава осознал, что наиболее распространенным в мире является отнюдь не голландский, а английский язык, и с 1863 г. сосредоточился на преподавании английского языка. Спустя пять лет, уже после крушения сёгуната, Фукудзава открыл частную школу, которая получила название Кэйо (по девизу правления императора Комэй).

В 1890 г. к школе было добавлено университетское отделение, и Кэйо стал первым частным университетом в Японии. Кэйо превратился в полноформатный учебный комплекс: начальная школа (6 лет обучения), средняя школа (5 лет) и университет (5 лет). Собственно, университетский курс включал три отделения: юридическое, политико-экономическое и филологическое.

Годовая плата за обучение в 1890-х гг. составляла тридцать иен, а вступительный взнос при поступлении устанавливался в три иены. По сравнению с другими школами, это были значительные суммы. Юридическое отделение школы было немногочисленно. Серьезным сдерживающим фактором была сложность вступительных экзаменов, и по этому показателю школа Фукудзава выделялась на фоне остальных частных школ.

⁷ Выражение «Буассонад – французский отец современного японского права» получило распространение в конце 1970-х – начале 1980-х гг. благодаря публикациям японского историка права из Нагойского университета по имени О:кубо Ясуо (род. в 1937).

Выпускники *Кэйо: гидзюку*, в значительной части, трудились в сферах журналистики и бизнеса [Wigmore 1893, p. 32].

Наиболее значительной фигурой из числа иностранных профессоров на юридическом отделении был американский юрист Джон Генри Вигмор (1863–1943), который в течение трех лет (1889–1892) заведовал преподаванием англо-американского права. Прибыв в Японию в молодом возрасте, будущий видный правовед США хорошо изучил японский язык и обратил свой взор к изучению старых обычаев Японии. Уже по возвращении домой он опубликовал солидные работы по истории японского права, которые принесли ему известность в академических кругах.

В стенах школы в разные годы преподавали известные японские юристы со специализацией в области западного права: Томитани Сё:таро: (1856–1936), Кавамура Дзё:дзабуро: (1859–1930), Мотода Хадзимэ (1858–1938).

В 1920 г. Кэйо: гидзюку был первым (наряду с Васэда) аккредитован как полноценный университет, выдававший дипломы государственного образца [Мещеряков 2024, с. 161].

В 1879 г. из США вернулась группа японских студентов, включавшая: Со:ма Нагатанэ (1850–1924) и Тадзири Инадзиро: (1850–1923) – выпускников Йельского университета; Мэгата Танэтаро: (1853–1926) – выпускника Гарвардской школы права; Комай Сигэтада (1853–1901), который изучал экономику в Ратгерском университете. Вскоре после возвращения они решили объединить свои усилия и открыть в Японии первую в истории страны частную специализированную школу на японском языке, в структуру которой вошли факультеты права и экономики (известна в истории под именем колледжа Сэнсю (яп. *Сэнсю: гакко:*). Преподавание на японском языке было революционным методом обучения, поскольку во всех существовавших тогда правовых школах занятия проходили на иностранных языках (с синхронным переводом или без такового). Первоначально данное учебное заведение функционировало как двухгодичная вечерняя школа, предлагавшая будущим студентам курсы по экономике и праву. В 1883 г. срок обучения был увеличен до трех лет, но уже в 1893 г. набор на юридический факультет был временно прекращен.

Колледж Сэнсю является историческим предшественником современного Университета Сэнсю (専修大学 *Сэнсю: дайгаку*), который располагается в токийском районе Тиёда.

В октябре 1882 г. основатель Партии конституционных реформ О:кума Сигэнобу (1838–1922) в сотрудничестве с однопартийцем Оно Адзуса (1852–1886) основали Токийскую специализированную школу (東京専門学校 *То:кё: сэммон гакко:*), где были организованы отделения политической экономии, права, английского языка, и отделение естественных наук (впоследствии упразднено) [Dictionnaire historique... 1995, p. 52].

В первые годы существования школы широко использовались и другие названия: «*Васэда гакко:*» или «*Тоцука гакко:*». Юридическое отделение включало две секции: в одной обучались студенты, желавшие в будущем поступить на государственную службу, в другой – студенты, получавшие общее юридическое образование. Для всех обучающихся читались лекции по частному праву, но с разделением по языковому принципу: в одних классах обучение велось только на японском языке, в других – на занятиях использовали учебники на английском языке, а чтение лекций возлагалось на западных преподавателей.

В соответствии с указом о специализированных школах от 1906 г., школа Сэммон, сменившая чуть ранее название на Васэда дайгаку (早稲田大学), получила статус университета, а в 1920 г. Васэда дайгаку был включен в общенациональную университетскую сеть.

Содержание программы подготовки в школе Сэммон включало основные юридические дисциплины, и было подчинено классической логике обучения от общих основ права к частным предметным блокам (таб. 2).

Таблица 2. Программа обучения в юридической школе Сэммон

Год обучения (курс)	Дисциплины
первый	Основы права Гражданский кодекс (раздел о собственности) Договоры (английское право) Гражданско-процессуальный кодекс Уголовный кодекс Логика Деликты (английское право) Гражданский кодекс (раздел о лицах)
второй	Гражданский кодекс (вопросы приобретения собственности, доказывание) Торговый кодекс Кодекс уголовного следствия Учебные судебные процессы
третий	Гражданский кодекс (раздел об обязательствах) Гражданско-процессуальный кодекс Английское право справедливости Торговый кодекс Изучение судебной практики Международное публичное право Международное частное право Римское право Административное право Конституционное право Бухгалтерский учет Учебные судебные процессы

Источник: *Wigmore J. H. Legal Education in Modern Japan // The Green Bag. An Entertaining Magazine for Lawyers / Ed. by Horage W. Fuller. 1893. Vol. 5. Issue 1.*

В 1885 г. группой японских юристов, включая известных правоведов эпохи Мэйдзи, таких как Масудзима Рокуитиро: (1857–1948), Ходзуми Нобусигэ (1855–1926), Окуда Ёсито (1860–1917) и Кикүти Такэо (1854–1912), в токийском местечке Канда-Нисикитё была открыта частная школа английского права *Игирису хо:рицу гакко:* (イギリス法律学校).

Общий срок обучения составлял три года. В 1886 г. в структуре школы было сформировано два отдела: в одном студенты занимались по английским учебникам, в другом преподавание велось полностью на японском языке.

В 1889 г. школа сменила название на *То:кё: хо:гакуин* (Токийский правовой колледж), а уже в 1903 г. за школой закрепилось новое официальное название – *То:кё: хо:гакуин дайгаку* (Токийский юридический университет). В 1905 г. после образования в его структуре экономического факультета учебное заведение приобрело название, под которым оно известно и сегодня – *Университет Тю:о:* (中央大学), что в буквальном переводе означает «центральный университет». С 1920 г. Университет Тю:о: получил официальное признание государства в качестве частного университета. Тогда же в структуре университета было образовано три факультета (права, экономики, торговли), отдел последиplomного образования и подготовительный колледж.

С момента основания главным направлением деятельности школы английского права было изучение английского общего права (англ. *common law*), имевшего тесную связь с социальной реальностью и, по мнению основоположников школы, соответствовавшего потребностям общества эпохи Мэйдзи более, чем изучение французского (по существу – «книжного») права. Школа пользовалась популярностью у молодых японцев, что позволило

за первые два года увеличить общую численность обучающихся более чем в шесть раз (с 97 до более чем 600 студентов)⁸.

Немалую роль в повышении престижа и популярности школы среди молодежи сыграл Масудзима Рокуитиро:, занимавший пост первого президента заведения. Образовательный процесс в разные годы осуществляли многие известные японские юристы, выпускники Токийского университета, среди которых можем назвать следующие имена: Ямада Киносукэ (Тэннан, 1859–1913), Кикүти Такэо и др.

Школа немецкого права

Если в начале периода Мэйдзи основными системами западного права, к которым обратили свой взор японцы, являлись французское и английское право, то уже в 1880-е гг. отчетливо обозначился интерес к рецепции достижений немецкой юриспруденции. Немалую роль в этом вопросе сыграл Ито: Хиробуми – один из наиболее влиятельных японских политиков того времени. Поездка Ито: в Германию в 1881 г. произвела на него благоприятное впечатление, что послужило стимулом к развитию в Японии преподавания немецкого языка в рамках языковой школы *Дойцу-гаку кё:кай гакко:* (школа Общества немецких исследований). В 1885–1886 гг. были открыты специализированные предметные курсы по праву и политологии. Для поступления требовалось хорошее владение немецким языком, что ограничивало круг возможных учеников выпускниками немецкой языковой школы, которая фактически приобрела статус подготовительного отделения правовой школы [Wigmore 1893, p. 27–28].

В сравнении с другими частными учреждениями немецкая школа права могла похвастаться высоким покровительством, которое ей оказал принц Китасиракава Ёсихиса (1847–1895). Пост президента школы занял один из зачинателей германоведения в Японии, известный правовед Като: Хироюки (1836–1916), который в те же годы занимал должность президента государственного Императорского университета. Пост директора учебного заведения занял Ямаваки Гэн (1849–1925), доктор права, постигавший азы юриспруденции в Берлинском, Лейпцигском и Гейдельбергском университетах. По состоянию на 1893 г., преподавание было возложено на семерых преподавателей, трое из которых были иностранными специалистами: юристы Людвиг Герман Лёнхольм (1854–?) и Отфрид Ниппольд (1864–1938), а также экономист Йоханнес Вернике [Wigmore 1893, p. 27–28].

Немецкая языковая школа впоследствии выступила основой для создания частного Университета Доккё: (1963 г.) в городе Со:ка префектуры Сайтама. Вместе с тем еще в 1895 г. отделение немецкого права было поглощено Токийским императорским университетом, «усилив» сектор немецкого права юридического факультета.

По мере увеличения популярности немецкого права в Японии, соответствующие учебные курсы стали открываться в некоторых частных школах, описанных выше (Васэда, Нихон).

Политика японского правительства в отношении частных юридических школ

Правительство Мэйдзи настороженно отнеслось к деятельности частных юридических школ, видя в них возможную угрозу политической стабильности, считая их местом распространения нежелательного политического инакомыслия. «В период Мэйдзи – верно

⁸ История Университета Тюо:о:. Адрес для доступа: <https://www.chuo-u.ac.jp/english/aboutus/history/> (дата обращения: 27.04.2022).

заметила С.Ч. Лим, – существовала определенная дискриминация со стороны государства по отношению к частным университетам» [Лим 2014, с. 196]. Опасения государственных чиновников были отнюдь не беспочвенны. Многие из частных школ права (впоследствии – университетов) имели тесные связи с адвокатскими ассоциациями, которые выступали против некоторых принимаемых на высшем уровне государства решений, выдвигали требования, идущие вразрез с курсом правительства. Собственно говоря, некоторые руководители и основатели частных юридических школ открыто выражали свою антиправительственную позицию, являлись политическими активистами, вовлеченными в деятельность Движения за свободу и народные права.

Столкнувшись с проблемой роста числа частных юридических школ, правительство решило всерьез заняться перекройкой усложнившегося «школьного ландшафта» [Jaluzot 2021, p. 238]. Действуя на опережение, оно предприняло ряд сдерживающих мер, призванных ограничить как дальнейшее увеличение числа частных школ права, так и политическую активность уже существующих образовательных организаций. Вводимые изменения стали частью проводимой руководством страны политики, направленной на дальнейшую централизацию и бюрократизацию системы образования [Бугаева 1978, с. 153]. В частности, в 1880 г. был принят правительственный указ, согласно которому юристы, не имевшие соответствующей государственной регистрации и подтверждения сдачи квалификационного экзамена, могли быть наказаны за занятие адвокатской практикой [Ikeda 1996, p. 104]. Очевидно, что данное ограничение было направлено против выпускников негосударственных образовательных учреждений, поскольку выпускникам юридической школы Министерства юстиции и юридического факультета Токийского университета не требовалось сдавать квалификационный экзамен для занятия адвокатской деятельностью [Зибольд 1905, с. 63]. Вместе с тем адвокатура, как направление выстраивания профессиональной карьеры, в первое время не пользовалось среди выпускников государственных учебных заведений особой популярностью, так как считалось малоперспективным в сравнении с трудоустройством в высшие органы исполнительной власти, судебные учреждения, прокуратуру [Miyazawa, Otsuka 2000, p. 4]. Исключение составляли лишь выпускники Токийского университета, получившее образование по профилю английского права, из которых сформировалось основное звено японской адвокатуры.

В апреле 1880 г. вышел указ о запрете на проведение политических собраний и ассоциаций. «Отныне публичные выступления и дискуссии на политические темы объявлялись вне закона» [Прасол 2002, с. 119]. Это обстоятельство весьма затруднило существование общественных объединений и частных школ. Все учебники подлежали цензурному контролю. В соответствии с изданными правилами о специальном регулировании частных юридических школ государство поставило себе целью контролировать содержание и качество образования, предлагаемого в частных школах. В сложившихся условиях единственным способом выживания частных юридических школ оказалось движение в сторону деполитизации образовательной деятельности [Ikeda 1996, p. 104].

В 1888 г. были приняты новые правила относительно регулирования статуса частных юридических школ, которыми были ужесточены требования, регламентировавшие допуск выпускников частных школ к сдаче квалификационного экзамена для поступления на службу в органы судебной власти. В 1890-е гг. официально оформилась так называемая привилегия выпускников юридического отделения Императорского университета. Согласно закону о судостроительстве 1890 г., выпускникам императорских университетов было позволено проходить стажировку на должности помощников судей или прокуроров без дополнительного подтверждения квалификации. После успешного прохождения стажировки они могли быть допущены к сдаче экзамена на должность судьи. Новый закон об адвокатах (*Бэнго:си хо:*) 1893 г. воспринял правило о безэкзаменационном доступе к статусу адвоката для выпускников

императорских университетов и юридической школы Министерства юстиции [Hayashi 2016, p. 219–220].

Несмотря на то, что все частные правовые школы подвергались определенной дискриминации со стороны государства, некоторые из перечисленных учебных заведений испытали на себе более ошутимое давление властей. В частности, в отношении школы *Мэйдзи*, ставшей предметом особой неприязни со стороны ряда правительственных чиновников, предпринимались попытки поставить ее под прямой контроль Императорского университета. Не меньшее давление было оказано на школу *Сэммон*.

На фоне заметного увеличения числа частных школ права чувство соперничества между государственным сектором юридического образования и частными заведениями резко обострилось, что нашло отражение в решениях правительства о кадровом обеспечении преподавания. Правительственным актом от февраля 1884 г. судьям и преподавателям Токийского университета было официально запрещено осуществлять чтение лекций в частных юридических школах [Ikeda 1996, p. 104]. Это привело к закрытию некоторых небольших юридических школ, которые испытали трудности с набором достаточного количества квалифицированных преподавателей. Вместе с тем более крупные школы смогли отстоять свое право на существование, продолжив вести образовательную деятельность в новых стесненных условиях.

Заключение

Представленный обзор частных юридических школ свидетельствует о высокой востребованности юридического образования в Японии в эпоху Мэйдзи. Проявленный населением спрос на юридическое просвещение удовлетворялся постепенно. Уже в начале XX в. общее число частных юридических школ (училищ правоведения, юридических колледжей) только в Токио достигло двадцати двух. Однако большая часть из них имела небольшой контингент учащихся. Лишь шесть институций преодолели отметку в одну тысячу студентов (Кэйо:, Мэйдзи, Васэда, Хо:сэй, Тю:о: и Нихон).

В географическом отношении юридическое образование не имело повсеместного распространения, поскольку наиболее крупные центры изучения права были сосредоточены в столице японской империи. Вместе с тем в некоторых крупных японских городах открывались специализированные курсы для подготовки юристов. Не считая организационно оформленных и штатно укомплектованных школ (наподобие рассмотренной юридической школы Кансай в Осаке), можно отметить так называемые юридические лектории для повышения квалификации судей местных судов, которые время от времени проводились иностранными юристами, нанятыми Министерством юстиции Японии. Чтение лекций для них было побочным занятием, совмещаемым с основной работой в судах в должностях консультантов по правовым вопросам. Из числа таких юристов можно назвать Альбера Бене (фр. *Albert Beinet*) и Роберта Липпманна, чья деятельность была связана с апелляционными судами в Осака, Кобэ, Киото [Appert 1896, p. 531; Gorai 1904, p. 783–784].

Если попытаться выявить причины популярности юридического образования в японском обществе периода Мэйдзи, то можно, на наш взгляд, обозначить два определяющих момента. С одной стороны, стремление японской молодежи к постижению юридических наук было обусловлено прагматическими соображениями. В период Мэйдзи профильное юридическое образование считалось отличным «трамплином» для быстрого карьерного роста, для занятия желаемого высокого места в формирующейся японской бюрократической системе, политике и бизнесе. Обученные на западный манер молодые японские юристы находились в заведомо выигрышной позиции в сравнении с представителями старой

японской бюрократии, поскольку рецепция западного права на многие годы стала официальным курсом правительственной политики. Однако формирование первых поколений японских юристов сопровождалось выстраиванием определенной «статусной иерархии» внутри юридического сообщества. Так, государственная школа *Сихо:сё: хо:гакко:* и Токийский императорский университет были основной кузницей судебных, прокурорских и высших управленческих кадров, новой политической элиты империи Мэйдзи. Частные юридические школы в те годы не пользовались особой благосклонностью японского правительства, а их выпускники, как правило, пополняли ряды адвокатуры или находили себя на политическом поприще.

С другой стороны, популярность юридического образования среди японцев могла быть обусловлена их возможным желанием стать сведущими в той области знаний, которая позволила западным державам в период *бакумацу* «продемонстрировать свое превосходство» над их страной, навязав Японии неравноправные договоры. Как иногда подчеркивается в современной литературе, для молодых амбициозных японцев изучение западного права и западных правовых систем было направлено не только на пересмотр неравноправных договоров, но и на получение свободы и равного к себе обращения в соответствии с правом [Hayashi 2016, p. 202]. Схожие комментарии высказывали современники тех событий. К примеру, профессор Токийского императорского университета Бэзил Холл Чемберлен (1850–1935) писал, что «изучение юридических наук положительно вошло теперь в моду у современной японской молодежи. Их считают не только полезными и необходимыми в смысле дальнейшей карьеры, но к ним испытывают, насколько можно судить, также и совершенно бескорыстное влечение. Это станет, конечно, вполне понятным, если вспомнить, что все столь поразительные успехи Японии обуславливались изменениями в законодательстве и управлении страны» [Ранцов 1904, с. 123–124; Федоров 1905, с. 98–99].

Резюмируя итоги проведенного исследования, следует подчеркнуть, что правовые школы в Японии периода Мэйдзи явились важными центрами изучения и распространения знаний об особенностях западного права и о возможностях его практического использования для нужд ускоренной модернизации национальной правовой системы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бугаева Д.П. Японские публицисты конца XIX века. Москва: Наука. 1978. 164 с.
- Зибольд А. Эпоха великих реформ в Японии / барон А. фон Зибольд; пер. с фр. А. Мезиерь. Санкт-Петербург. 1905. 82 с.
- Лим С.Ч. История образования в Японии (конец XIX – первая половина XX века). Москва: Институт востоковедения РАН. 2000. 368 с.
- Лим С.Ч. Особенности становления японского студенчества в период Мэйдзи // Диалог со временем. 2014. №48. С. 194–215.
- Мещераков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония. Москва: Наталис. 2009.
- Мещераков А.Н. Японский мыслитель Фукудзава Юкити: трансформации образа // Вопросы философии. 2024. № 2. С. 156–168.
- Прасол А.Ф. Японское образование в эпоху Мэйдзи (1868–1912). Владивосток: Дальнаука. 2002. 353, [4] с.
- Ранцов В.Л. Государственное устройство Японии // Япония и ее обитатели. С приложением очерка «Корея и корейцы». Санкт-Петербург. 1904. С. 109–143.
- Федоров М. Япония и японцы. Санкт-Петербург. 1905. 168 с.
- Япония и японцы. Москва: Ред. журн. «Русская мысль». 1901. 178, II с.

REFERENCES

- Bugaeva, D. P. (1978). *Yaponskie publitsisty kontsa XIX veka* [Japanese Publicists of the Late 19th Century]. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Fedorov, M. (1905). *Yaponiya i yaponsy* [Japan and the Japanese]. Saint Petersburg. (In Russian).
- Lim, S. Ch. (2000). *Istoriya obrazovaniya v Yaponii (konets XIX – pervaya polovina XX veka)* [History of Education in Japan (Late 19th – First Half of the 20th Century)]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN. (In Russian).
- Lim, S. Ch. (2014). Osobennosti stanovleniya yaponskogo studenchestva v period Meidzi [The Emergence of the Japanese Students in the Meiji Era]. *Dialog so vremenem* [Dialogue With Time], 48, 194–215. (In Russian).
- Meshcheryakov, A. N. (2009). *Imperator Meidzi i ego Yaponiya* [Emperor Meiji and His Japan]. Moscow: Natalis. (In Russian).
- Meshcheryakov, A. N. (2024). Yaponskii myslitel' Fukudzava Yukiti: transformatsii obraza [Japanese Thinker Fukuzawa Yukichi: Transformations of His Image]. *Voprosy Filosofii* [Questions of Philosophy], 2, 156–168. (In Russian).
- Prasol, A. F. (2002). *Yaponskoe obrazovanie v epokhu Meidzi (1868–1912)* [Japanese Education in the Meiji Era (1868–1912)]. Vladivostok: Dal'nauka. (In Russian).
- Rantsov, V. L. (1904). Gosudarstvennoe ustroistvo Yaponii [State Structure of Japan]. In: *Yaponiya i ee obitateli. Sprilozheniem ocherka "Koreya i koreitsy"* [Japan and Its Inhabitants. With the Essay "Korea and Koreans"] (pp. 109–143). Saint Petersburg. (In Russian).
- Siebold, A. (1905). *Epokha velikikh reform v Yaponii* [The Era of Great Reforms in Japan]. Translated from French by A. Mezier. Saint Petersburg. (In Russian).
- Yaponiya i yaponsy* [Japan and the Japanese]. (1901). Moscow: "Russkaya mysl" Journal Editorial Office. (In Russian).

* * *

- Al-Khaizaran, H. Y. (2011). The Emergence of Private Universities and New Social Formations in Meiji Japan, 1868–1912. *History of Education*, 40 (2), 157–178.
- Appert, G. (1896). De l'influence des lois françaises au Japon. *Journal du droit international privé et de la jurisprudence comparée*, 23, 515–538. (In French).
- Dictionnaire historique du Japon*. (1982). Vol. 8. Lettre H (2). (In French).
- Dictionnaire historique du Japon*. (1988). Vol. 14. Lettres L et M (1). (In French).
- Dictionnaire historique du Japon*. (1995). Vol. 20. Lettres U, V, W, X, Y et Z. (In French).
- Flaherty, E. Darryl. (2013). *Public Law, Private practice: Politics, Profit, and the Legal Profession in Nineteenth-Century Japan*. Series: Harvard East Asian Monographs. Vol. 348. Retrieved June 21, 2024, from https://books.google.ru/books?id=tP_7EAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false
- Goraï. (1904). L'influence du Code civil français sur le Japon. *Le Code civil. Livre du centenaire. T. II*. (pp. 781–790). Paris: A. Rousseau. (In French).
- Hayashi, M. (2016). *Constructing the Legal Profession in Modern Japan*. PhD thesis. SOAS University of London. Retrieved April 25, 2023, from https://eprints.soas.ac.uk/26667/1/4464_Hayashi.pdf
- Ikedo, M. K. (1996). *French Legal Advisor in Meiji Japan (1873–1895): Gustave Emile Boissonade de Fontarabie*. Diss. Ann Arbor, UMI., Michigan.

- Jaluzot, B. (2021). The Meiji Era: When Japanese Law Became Positivized. In B. Dupret, J.-L. Halpérin (Eds.), *State Law and Legal Positivism: The Global Rise of a New Paradigm* (pp. 215–249). Leyden: Brill.
- Marshall, B. K. (1977). The Tradition of Conflict in the Governance of Japan's Imperial Universities. *History of Education Quarterly*, 17 (4), 385–406.
- Miyazawa S., Otsuka H. (2000). Legal Education and the Reproduction of the Elite in Japan. *Asian-Pacific Law & Policy Journal*, 1, 1, 1–72.
- Wigmore, J. H. (1893). Legal Education in Modern Japan. *The Green Bag. An Entertaining Magazine for Lawyers*, 5 (1), 17–33.
- Yoshiaki, Y. (1994). Meiji University's One Hundred Years. The History of the School of Law. *Meiji Law Journal*, 1, 1–23.

Поступила в редакцию: 21.07.2024

Received: 21 July 2024

Принята к публикации: 26.01.2025

Accepted: 26 January 2025

DOI: 10.55105/2500-2872-2025-1-47-61

Дракон «Когай» в XXI веке: состояние окружающей среды в Японии

А.И. Банчева

Аннотация. В конце прошлого века Японии удалось выйти из серьезного экологического кризиса и значительно улучшить качество окружающей среды и качество жизни населения, решив многие экологические проблемы. В основном этот кризис, обозначавшийся японским термином *когай*, касался химического и физического загрязнения природных сред. В настоящее время при обсуждении экологической повестки все чаще приоритет отдается таким глобальным темам, как изменение климата (и создание низкоуглеродного общества), сокращение биоразнообразия (и проблемы трансформации наземного покрова), а также управление отходами (создание общества с устойчивым материальным циклом). При этом некоторые из «классических» экологических проблем, «традиционных» для охраны окружающей среды в XX в. – а в контексте Японии это проблемы *когай*, – до сих пор остались в некоторой степени актуальны или приобрели новые аспекты и направления. Цель данного исследования – оценка современного состояния окружающей среды в Японии, основанная, прежде всего, на количественных показателях: данных японской национальной статистики и экологического мониторинга. Рассматриваются загрязнение воздуха, вод и почв в Японии, а также вибрационное и шумовое загрязнение, оседание грунта и неприятные запахи. Сделан вывод о том, что, несмотря на значительный прогресс, актуальными для Японии сегодня остаются такие проблемы, как загрязнение воздуха мелкодисперсными частицами и фотооксидантами, загрязнение поверхностных вод диоксинами и органическими загрязняющими веществами, загрязнение почв кадмием. Не решена проблема шумового загрязнения и проблема неприятных запахов в городах. Также рассмотрены положительные аспекты в решении перечисленных проблем и инструменты экологической политики (налаженная система мониторинга, открытый доступ к данным, участие в международной экологической политике, активная позиция местного правительства и ответственность бизнеса), позволяющие Японии двигаться по заданному курсу к целям устойчивого развития.

Ключевые слова: экологические проблемы, Азия, Япония, экологическая политика, загрязнение, окружающая среда, геоэкология, природопользование.

Автор: Банчева Александра Ивановна, кандидат географических наук, старший научный сотрудник кафедры физической географии мира и геоэкологии географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, 1). ORCID: 0000-0001-5845-2833; E-mail: ban-sai@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Банчева А.И. Дракон «Когай» в XXI веке: состояние окружающей среды в Японии // Японские исследования. 2025. № 1. С. 47–61. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-1-47-61

Благодарности. Исследование выполнено в рамках темы государственного задания географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова № 121040100322-8.

Kogai in the 21st century: Environmental issues in Japan

A.I. Bancheva

Abstract. At the end of 20th century, Japan successfully overcame an environmental crisis and improved the citizens' quality of life. The crisis, referred to as *kogai* in Japanese, primarily comprised physical and chemical pollution issues. Nowadays, priorities on both global and national environmental agenda usually include the climate change issue (such as creating a low-carbon economy), biodiversity concerns (and problems of land cover changes), and waste and resources management (such as implementing a circular economy, or Sound Material-Cycle Society in Japan). However, some pollution-related challenges have not yet been fully resolved. The aim of this research is to assess the quality of environment in Japan based on national statistics and monitoring data. The problems considered are as follows: air pollution, water pollution, soil pollution, vibration, urban noise, land subsidence, and offensive odors. It has been found out that, despite Japan having made significant progress in solving these problems, there still remain such issues as pollution of air with fine particles and photo-oxidants, pollution of lakes and ponds with organic pollutants and of all types of surface waters with dioxins, cadmium soil pollution. The problems of noise and offensive odors in cities have not been solved. The article also features the achievements on the way towards solving the stated problems and instruments of environmental policy (an established monitoring system, open data access, active participation in international environmental policies, active engagement of local government, and responsibility of businesses). These instruments, when used in conjunction with others, allow Japan to successfully move towards the goals of sustainable development.

Keywords: environmental issues, Asia, Japan, environmental policy, pollution, geocology, monitoring, regulatory policy.

Author: Bancheva Alexandra I., PhD (Geography), senior research fellow, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Department of World Physical Geography and Geoecology (address: Leninskiye Gori, 1, Moscow, 119991). ORCID: 0000-0001-5845-2833; E-mail: ban-sai@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Bancheva, A.I. (2025). Drakon «Kogai» v XXI veke: sostoyanie okruzhayushchei sredy v Yaponii [*Kogai* in the 21st century: Environmental issues in Japan]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 1, 47–61. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-1-47-61

Acknowledgements. The research is accomplished under the state task theme of the MSU Faculty of Geography (No. 121040100322-8).

Введение

В середине прошлого века Япония столкнулась с сильнейшим экологическим кризисом, ставшим негативным последствием послевоенного экономического чуда. Существенные ухудшения качества жизни японцев и, более того, массовые заболевания, вызванные загрязнениями окружающей среды, привели к росту озабоченности граждан и правительства экологическими проблемами. Возник термин *когай*, буквально обозначающий «общественный вред», который позже стал известен мировому научному сообществу экологов и японоведов как термин для обозначения экологических проблем и антропогенного нарушения природной среды в Японии [Иванов, Мельник, Шепеленко 1991, с.5].

Согласно Основному закону об охране окружающей среды Японии *когай* (яп. 公害) означает ситуацию, в которой здоровью людей или любым другим живым организмам в результате промышленной или другой человеческой деятельности нанесен ущерб

загрязнением воздуха, воды или почв, шумами, вибрацией, оседанием грунта или воздействием веществ с резким запахом, проявившихся на обширной территории¹.

В русскоязычной литературе о проблеме *когай* писали О.В. Иванов, Л.Г. Мельник и А.Н. Шепеленко. В монографии «В борьбе с драконом «Когай»: опыт природопользования в Японии» [Иванов, Мельник, Шепеленко 1991] авторы дают полный и систематично представленный обзор проблемы охраны окружающей среды в стране, поочередно рассматривая семь экологических проблем (объединяя их аллегорическим заголовком «Сколько голов у дракона “Когай”?»), а также предпринимаемые действия для их решения, достигнутые успехи и сложности.

Выстроенная система экологической политики и ряд принятых, начиная с середины 1960-х гг., мер вывели Японию из экологического кризиса и существенно улучшили состояние окружающей среды по многим аспектам *когай*, однако говорить, что все проблемы решены до конца было бы преувеличением, т.к. хоть и менее масштабно, но некоторые из них проявляются и в настоящее время. Кроме того, как и в других странах, в Японии возникают новые экологические проблемы, связанные как с новыми загрязняющими веществами, так и с более глубоким пониманием некоторых природно-антропогенных процессов, неизвестных или малоизученных в середине-конце прошлого века.

Цель данного исследования – дать оценку современного состояния семи экологических проблем, относимых к *когай*, проанализировать количественные характеристики загрязнения окружающей среды по каждой из проблем и обозначить их актуальные аспекты.

Актуальность исследования заключается в необходимости современного обзора экологических проблем Японии, а также в том, что накопившийся за более чем полвека опыт этой страны может быть полезен для других стран, в т.ч. находящихся на предыдущем этапе геоэкологического перехода [Kaneko 2011, p. 261; Алексеева, Лопатников, Банчева 2024].

Основой для написания статьи послужили научные статьи, отчеты Министерства по состоянию окружающей среды Японии (Белые книги) и Организации по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР), национальные статистические ежегодники 2014–2024 гг. и историческая статистика Японии (1970–2004 гг.), мониторинговые и справочные данные научных институтов (National Institute for Environmental Studies, Japan (NIES)) и агентств (Environmental Restoration and Conservation Agency, Japan (ERCA)).

Качество воздуха

Основными загрязняющими воздух веществами в Японии 1950–1960-х гг. были *диоксид серы* и *оксиды азота*. Благодаря ряду мер экологической политики [2; Тихоцкая 2016; Банчева 2018] уже в 1970-х гг. Японии удалось сократить данные выбросы и снизить их концентрации в воздухе. Снижение загрязнения осуществлялось при сохранении роста экономики, что говорит о реальной эффективности реализованных мер экологической политики – создания и совершенствования законодательной и нормативной базы, а также внедрения технологических и социальных инноваций [Банчева 2018]. Это подтверждается и данными ОЭСР: интенсивность загрязнения³ в Японии оценивается как одна из самых низких среди всех стран ОЭСР [Botta, Yamasaki 2020].

¹ Ministry of the Environment. The Basic Environment Law. <https://www.env.go.jp/en/laws/policy/basic/ch1.html> (дата обращения: 11.07.2024).

² Kankyōmondai no rekishi [History of environmental problems in Japan] // Environmental Restoration and Conservation Agency of Japan. <https://www.erca.go.jp/yobou/taiki/rekishi/02.html> (дата обращения: 11.07.2024).

³ Интенсивность загрязнения оценивается как отношение объема выбросов к ВВП.

Согласно национальной статистике⁴, последние 20 лет (2000–2021) характеризуются снижением загрязнения по указанным веществам: продолжается тренд, обозначившийся в 1970-х гг. (рис. 1). В 1965 г. концентрация сернистого ангидрида в воздухе составляла 0,057 ppm⁵ [Иванов, Мельник, Шепеленко 1991, с. 26], в 1985 г. уже в 10 раз меньше (0,006 ppm), а в 2021 г. – 0,001 ppm (при установленном значении предельно допустимых концентраций (ПДК) 0,04 ppm).

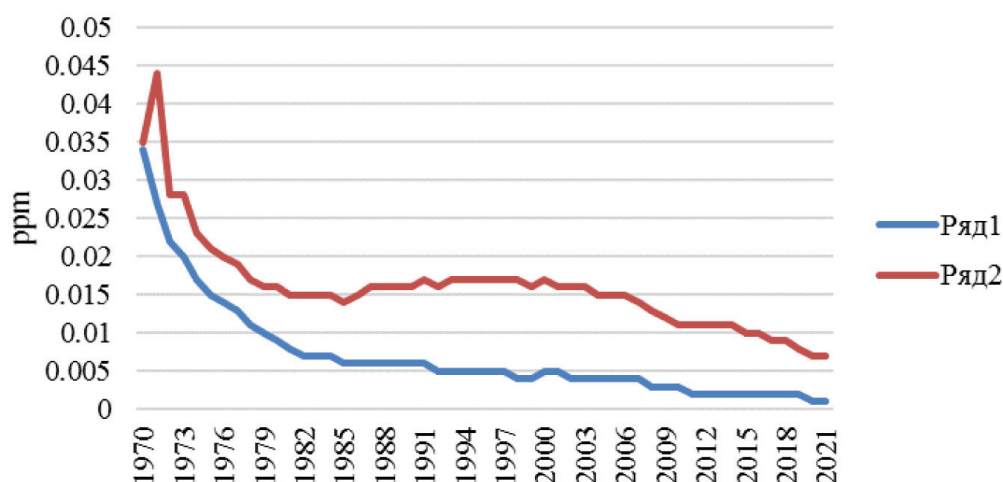

Рис. 1. Концентрации диоксида серы и диоксида азота в воздухе, среднегодовые значения за 1970-2021 гг. (ряд 1 – диоксид серы, ряд 2 – диоксид азота).

Однако при низких средних значениях (т.е. осредненных по всем мониторинговым станциям по стране), для фактического улучшения ситуации на местах в большинстве регионов потребовалось больше времени. Так, в начале 1970-х гг. при уже относительно невысоких значениях концентрации диоксида серы в воздухе в среднем по стране (около 0,022 ppm) доля станций, фиксирующих нормативное состояние на наблюдаемой территории, составляла лишь 33%⁶ – настолько велик разброс значений по станциям. А вот к 1980 г. доля таких станций составила уже 98%. По диоксиду азота в 1980-е гг. доля станций, фиксирующих удовлетворявшие нормативам показатели, составляла лишь 45% [Иванов, Мельник, Шепеленко с. 27], однако за последние 40 лет ситуация значительно улучшилась. В настоящее время показатели удовлетворяют нормативам на 99,8% фоновых станций мониторинга по диоксиду серы и на 100% станций по диоксиду азота. Концентрации по обоим загрязняющим веществам на порядок ниже ПДК⁷. Примечательно, что из-за устойчивой благоприятной ситуации в течение длительного времени количество станций по мониторингу диоксидов серы и азота постепенно сокращают: за 20 лет в 1,8–1,2 раза (станции автоматического мониторинга контролируют качество воздуха в Японии с 1965 г. [Иванов, Мельник, Шепеленко 1991, с. 26]).

Аргументом в пользу того, что проблему можно считать решенной, являются ежегодные отчеты Министерства по вопросам окружающей среды Японии, Белые книги, где, начиная с середины 2010-х гг. (в т.ч. и в 2023 г.), разделы по загрязнению воздуха диоксидом

⁴ Statistics Bureau of Japan. Japan Statistical Yearbook 2024. <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/index.html> (дата обращения: 11.07.2024).

⁵ Здесь и далее ppm – parts per million, единица измерения концентрации загрязняющего вещества в воздухе.

⁶ Environmental Policy Bureau, Ministry of the Environment. Historical statistics.

⁷ Statistics Bureau of Japan. Japan Statistical Yearbook 2024. <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/index.html> (дата обращения: 11.07.2024).

серы и оксидами азота не представлены. Подтверждением служат и данные мониторинга Национального института исследований окружающей среды (NIES)⁸. Ни на одной мониторинговой станции концентрации по диоксиду серы значения не превышают 0,02 ppm (категория «менее 0,02» выделена для отражения наименьшей степени загрязнения), среднее значение по станциям за 2021 г. составляет 0,001 ppm.

Однако не по всем загрязняющим веществам наблюдается столь благоприятное положение дел. Так, в рамках мониторинга в последние годы особое внимание уделяется *фотооксидантам, взвешенным мелкодисперсным частицам* (SPM и PM2.5) и *неметановым летучим органическим соединениям* (ЛОС) – как основным загрязняющим веществам в настоящее время⁹. Об опасности данных веществ говорится и в Белой книге, и в отчетах ОЭСР, где указывается, что основные проблемы современной Японии по части загрязнения воздуха – это загрязнение мелкодисперсными частицами и фотохимический смог [¹⁰; Botta, Yamasaki 2020].

По *мелкодисперсным частицам*, которые вызывают респираторные заболевания, мониторинг ведется с 2010 г. К настоящему времени их концентрация в воздухе снизилась с 16,5 до 8,5 мкг/м³. Это существенно ниже уровня ПДК (15 мкг/м³), а доля станций, на которых измеренные показатели удовлетворяют нормативам, достигла 100% (при доле 32% в 2010 г.¹¹). При этом стоит отметить два аспекта: во-первых, национальные данные не согласуются со статистикой, предоставляемой ОЭСР (по ним концентрации PM2.5 растут, хотя присутствует оговорка о том, что данные носят оценочный характер); во-вторых, в Японии ПДК установлены на достаточно высоком уровне (ПДК, установленные Всемирной организацией здравоохранения, составляют 10 мкг/м³, рекомендуемый уровень концентраций – не выше 5 мкг/м³).

Ситуация с *фотохимическими смогами* также не столь благополучна. Проблема обсуждается еще с конца прошлого века, ее рассматривали и авторы указанной выше монографии (с. 27), отмечая, что к концу 1980-х гг. успехов добиться не удалось. С того времени было существенно увеличено количество станций мониторинга (с 696 до почти 1200), проводятся исследования механизмов образования смога, достигнуты успехи в сокращении выбросов оксидов азота¹², однако до сих пор проблему нельзя назвать решенной.

По статистическим данным за 2021 г. концентрации фотооксидантов в воздухе относительно невысоки и составляют 0,047 ppm (это осредненное за год максимальное часовое значение, полученное в дневное время суток). Однако при этом показатели на почти всех станциях (99,8%!) не удовлетворяют установленным нормативам¹³ ввиду того, что существенны различия концентраций и по станциям, и по месяцам. Подробные данные с показателями концентрации по каждой станции можно найти на портале NIES¹⁴:

⁸ Kankyō GIS [Environmental GIS] // National Institute for Environmental Studies. <https://tenbou.nies.go.jp/gis/> (дата обращения: 11.07.2024).

⁹ Nihon no taiki kankyō raito-ban [Japan's Atmospheric Environment Light Edition] // National Institute for Environmental Studies. <https://tenbou.nies.go.jp/gisplus/> (дата обращения: 11.07.2024).

¹⁰ Ministry of the Environment, Annual Report on the Environment, the Sound Material-Cycle Society and Biodiversity in Japan 2023. <https://www.env.go.jp/en/wpaper/index.html> (дата обращения: 16.07.2024)

¹¹ Statistics Bureau of Japan. Japan Statistical Yearbook 2014, Japan Statistical Yearbook 2024. <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/index.html> (дата обращения: 11.07.2024).

¹² В образовании смога участвуют оксиды азота и летучие органические соединения, поэтому важен мониторинг данных веществ.

¹³ Statistics Bureau of Japan. Japan Statistical Yearbook 2024. <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/index.html> (дата обращения: 11.07.2024).

¹⁴ Возможности веб-картографирования на портале позволяют не только просмотреть данные, но и использовать их в исследовательских целях: отфильтровать по требуемым параметрам, получить математическую статистику, построить онлайн карту и скачать.

из более 1000 представленных за 2021 г. значений в 193 случаях концентрация составила более 0,12 ppm – преимущественно в столичном регионе (рис. 2), и во всех случаях – более 0,06 ppm¹⁵. ПДК по этому показателю составляет 0,06 ppm, а уровень, при котором объявляется опасность – 0,12 ppm¹⁶.

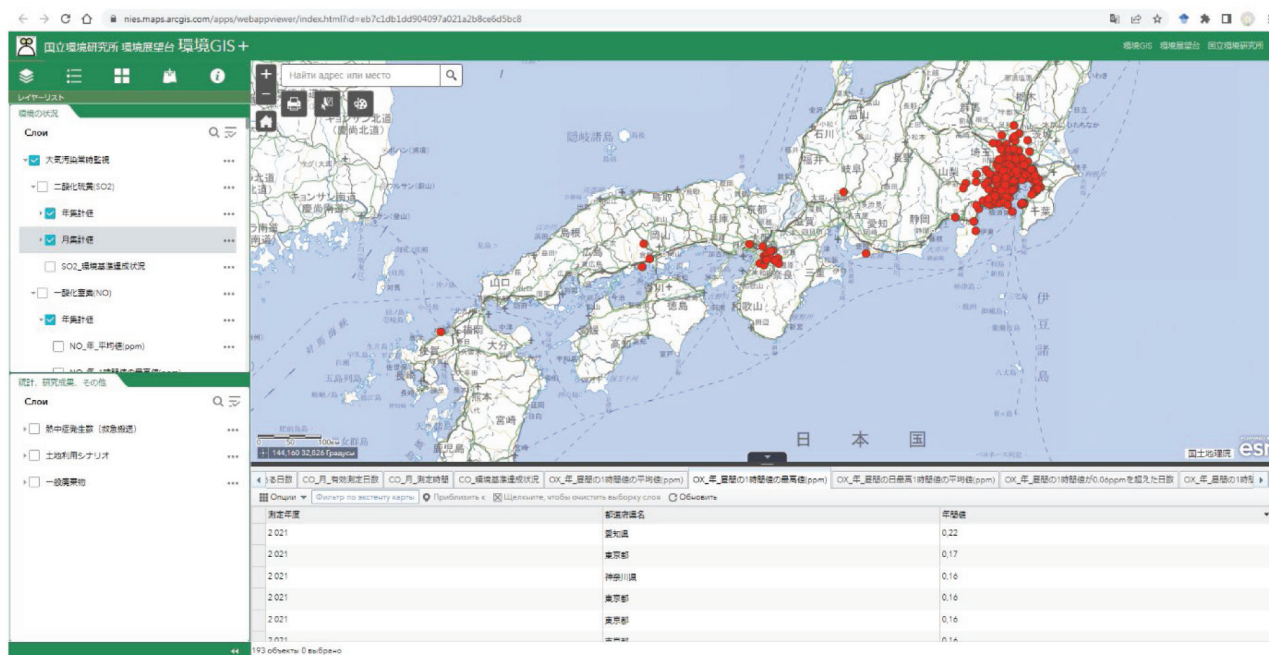

Рис. 2. Данные мониторинга о концентрациях фотооксидантов в воздухе, 2021 г. (максимальное часовое значение, полученное в дневное время суток, осредненное за год по каждой станции, ppm).

Красными точками представлены станции, где значения превышают 0,12 ppm.

Источник: портал NIES «Экологическая ГИС+»

При этом важно, что в образовании фотохимических смогов имеют значение не только концентрации веществ в воздухе, но и особые погодные условия (высокая интенсивность солнечной радиации), поэтому при анализе ситуации здесь можно также опираться на принятый показатель – «количество дней, когда были объявлены предупреждения о смоге». Таких дней, как правило, существенно меньше, чем дней с концентрациями выше 0,12 ppm. Так, в Токио, для которого была поставлена амбициозная цель «0 дней с фотохимическим смогом» к 2020 г. [Botta, Yamasaki 2020], в 2021 г. были объявлены предупреждения в течение 6 дней¹⁷.

О наличии нерешенных проблем может свидетельствовать и статистика ОЭСР по смертности населения, связанной с загрязнением воздуха. В Японии, в отличие от стран ЕС, США и России, данный показатель с 2010 г. растет. В 2019 г. он составил 313 человек на 1 млн жителей (для периода 1990–2010 г. он составлял около 230–240 чел/млн, что было ниже, чем в среднем по странам ОЭСР)¹⁸. Под данным ВОЗ тот же показатель для Японии

¹⁵ Nihon no taiki kankyō raito-ban [Japan's Atmospheric Environment Light Edition] // National Institute for Environmental Studies. <https://tenbou.nies.go.jp/gisplus/> (дата обращения: 11.07.2024).

¹⁶ Ministry of the Environment. Quality of the Environment in Japan 1996. https://www.env.go.jp/en/wpaper/1996/eae250000000005.html#3_2_1 (дата обращения: 11.07.2024).

¹⁷ Kankyō GIS [Environmental GIS] // National Institute for Environmental Studies. <https://tenbou.nies.go.jp/gis/> (дата обращения: 11.07.2024).

¹⁸ OECD data. Air pollution effects. <https://data.oecd.org/air/air-pollution-effects.htm#indicator-chart> (дата обращения: 16.07.2024).

еще выше (48 чел/100 тыс.¹⁹). Однако нельзя исключать связь данного тренда и с успехами диагностики.

Для улучшения ситуации с качеством воздуха Япония продолжает последовательно принимать ряд мер. Так, для сокращения выбросов летучих органических соединений, ведущих к образованию смогов, правительство Японии в значительной степени опирается на такой инструмент, как добровольные действия предприятий (Voluntary Action Plans), который доказал свою эффективность в контексте решения других экологических проблем. Последние меры в области контроля качества воздуха касаются таких инструментов, как ОВОС (Оценка воздействия на окружающую среду) и ОРВ (Оценка регулирующего воздействия). С 2012 г. в поправках к Закону об ОВОС утверждена необходимость проведения общественных слушаний и публикация документации онлайн.

Для дальнейшего улучшения качества воздуха в стране необходимо установление более жестких нормативов по концентрации PM_{2.5} и фотохимическим оксидантам в воздухе, продолжение исследований механизма образования фотохимического смога [Huang 2021], рассмотрение возможности применения инструмента экономической оценки последствий загрязнения воздуха [Botta, Yamasaki 2020; Nishitatenno 2021]. Важно также продолжать мониторинг *новых опасных веществ* (акрилонитрил, ацетальдегид, винилхлорид, хлороформ, оксид этилена и другие), который ведется в Японии с 2000 г.²⁰

Качество воды

Качество воды в природной среде можно рассматривать с позиции «здоровья» экосистемы в целом (как места обитания всех живых организмов) и с позиции охраны здоровья человека. В каждом подходе используется ряд общепринятых показателей²¹.

Сравним ситуацию по показателям, представленным в открытом доступе, для конца 1980-х гг. и для настоящего времени. Одним из них является «*биохимическое потребление кислорода*» (БПК), который отражает загрязнение водной экосистемы органическими веществами – что важно как с точки зрения качества воды при использовании ее человеком, так и с точки зрения существования в среде живых организмов. Эти показатели рассматриваются также в Белой книге (2023 г.).

В монографии «В борьбе с драконом «Когай»...» авторы сообщают, что в 1986 г. 70% исследуемых гидрологических объектов²² отвечали стандартам по индексу БПК [Иванов, Мельник, Шепеленко 1991]. В настоящее время мы видим улучшение ситуации: в 2000 г. доля таких объектов выросла до 79%, а в 2021 г. – до 88%. Однако при этом, представленные в статистике данные²³ свидетельствуют о сохранении проблем с качеством воды в стоячих водоемах: только половина озер и прудов (54% в 2021 г.) соответствует стандартам, что представляется достаточно низким показателем для современной Японии.

Ситуация по другим загрязняющим веществам в статистическом ежегоднике не представлена, однако, как и в случае с качеством воздуха, в открытом доступе есть данные по

¹⁹ World Health Organization. Air quality database. <https://www.who.int/data/gho/data/themes/air-pollution/who-air-quality-database> (дата обращения: 11.07.2024).

²⁰ Yūgai taiki osen busshitsu chōsa kekka dēta no setsumei [Explanation of survey data on hazardous air pollutants]. <https://tenbou.nies.go.jp/gis/explain/hzdsair/index.html> (дата обращения: 11.07.2024).

²¹ Mizu, dojō kankyō gyōsei no aramashi [Overview of environmental problems with water and soil] // Ministry of the Environment. https://www.env.go.jp/water/water_pamph/index.html (дата обращения: 12.07.2024).

²² Реки, озера, пруды и прибрежные воды.

²³ Statistics Bureau of Japan. Japan Statistical Yearbook 2024. <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/index.html> (дата обращения: 12.07.2024).

мониторингу водных экосистем, проводимом институтом NIES. Согласно этой информации для современной Японии актуально загрязнение водных экосистем *диоксинами*. Они относятся к группе стойких органических загрязнителей и особенно опасны ввиду высокой токсичности и способности к накоплению в компонентах экосистем и в организмах животных, увеличиваясь в концентрациях по пищевой цепочке от продуцентов к консументам. В ряде водных объектов общего пользования по всей стране (реки, озера, прибрежные воды, оросительные каналы и другие водоемы и водотоки, исключая систему канализации) в 2021 г. были обнаружены концентрации, превышающее ПДК, т.е. свыше 1 пг-ТЭ/л²⁴: в регионах Канто (префектуры Токио, Сайтама, Тиба, Ибараки), Тохоку (Мияги), Тюбу (Ниигата, Айти, Гифу), Кинки (Мие, Нара), Тюгоку (Коти). Обнаружены также единичные превышения ПДК по диоксинам в донных илах (более 150 пг-ТЭ/г). Грунтовые воды соответствуют нормативам.

Содержание *кадмия* в прибрежных водах (Токийский залив и др.) согласно данным мониторинга не превышает 0,5 мкг/л, *ртути* – 25 нг/л, что на несколько порядков ниже ПДК²⁵.

Об осуществленных мерах для улучшения качества воды в стране сообщает Министерство по вопросам окружающей среды Японии: за последние 40 лет оптимизирована нормативная база и расширена мониторинговая сеть водных объектов. Нормативы по содержанию загрязняющих веществ устанавливаются в зависимости от типа использования водного объекта (всего восемь типов) и от размера и расположения объекта (для локальных объектов их устанавливают префектуры). Мониторинговая сеть в настоящее время включает более 9 тысяч водных объектов (в 1986 г. их было около 3 тысяч)²⁶.

Загрязнение почв

Для страны с высокой плотностью населения, а также высокой значимостью агропроизводственного сектора (обеспечение продовольственной безопасности) вопросы загрязнения почв и деградации земель чрезвычайно важны. В 1980-х гг. наибольшее внимание уделялось загрязнению тяжелыми металлами (кадмием, медью и ртутью) и сельскохозяйственными химикатами.

Согласно информации Министерства по вопросам окружающей среды Японии²⁷ в 2020 г. общая площадь сельскохозяйственных земель, где отмечено превышение допустимого уровня содержания опасных веществ, составила 7592 га. На данных территориях префектурные власти проводят соответствующие мероприятия по контролю и снижению загрязнения, однако тенденции к сокращению площади загрязненных земель не наблюдается (**Таб. 1**). Основным загрязняющим веществом (обуславливающим загрязнение на большинстве участков общей площадью более 6 тыс. га) является *кадмий*, далее следуют медь и мышьяк.

Одним из источников кадмиевого загрязнения сельскохозяйственных почв являются минеральные удобрения, и здесь наблюдаются позитивные тенденции. Количество вносимых

²⁴ Kankyō GIS. Daiokishin-rui chōsa kekka raito-ban [Environmental GIS. Dioxin Survey Results Light Edition] // National Institute for Environmental Studies. <https://nies.maps.arcgis.com/apps/dashboards/b347d8d6f7764391b61a372cec91eb1d> (дата обращения: 12.07.2024).

²⁵ Kankyō GIS. Kaiyō kankyō monitoringu mappu raito-ban [Environmental GIS. Marine Environment Monitoring Map Light Edition]. <https://experience.arcgis.com/experience/7ed7df4248464ed2bb1b5376b8a80948/> (дата обращения: 12.07.2024).

²⁶ Mizu, dojō kankyō gyōsei no aramashi [Overview of environmental problems: water and soil] // Ministry of the Environment. https://www.env.go.jp/water/water_pamph/index.html (дата обращения: 12.07.2024).

²⁷ Nōyōchi dojō osen ni kakaru saimitsu chōsa kekka oyobi taisaku no gaiyō [Detailed survey results and countermeasures for agricultural soil contamination] // Ministry of the Environment. <https://www.env.go.jp/water/nouyo-dojo/survey.html> (дата обращения: 12.07.2024).

минеральных удобрений в последние десятилетия значительно сократилось: с 400 кг/га пахотных земель в 1970-х гг. до 220 кг/га в 2021 г. Это по-прежнему выше, чем в среднем по странам ОЭСР, однако ниже, чем в ряде активно развивающихся стран (Китай, Малайзия, ОАЭ, Кувейт и др.) и в среднем по Восточной Азии²⁸.

Таблица 1. Загрязнение почв сельскохозяйственных угодий
в Японии в 1986–2020 гг.

	1986 г.	2000 г.	2010 г.	2020 г.
Площадь с загрязнением почв сельскохозяйственных угодий, га	7030	7166	7575	7592

Источник: Nōyōchi dojō osen ni kakaru saimitsu chōsa kekka oyobi taisaku no gaiyō [Detailed survey results and countermeasures for agricultural soil contamination] // Ministry of the Environment. <https://www.env.go.jp/water/nouyo-dojo/survey.html> (дата обращения: 12.07.2024).

Что касается *пестицидов*, то в последние десятилетия контроль за использованием сельскохозяйственных химикатов в целом и пестицидов в частности был значительно ужесточен²⁹: введены в действие ряд стандартов по регистрации пестицидов и система контроля за содержанием этих веществ в почве, воде и продуктах. В результате произошел переход к менее токсичным и стойким препаратам. В 2002 г. Япония подписала международную конвенцию по ограничению производства и использования стойких органических загрязнителей (СОЗ), куда входят 12 веществ, в т.ч. инсектициды, а также вещества, содержащие диоксины и фураны³⁰. В отчете Министерства по вопросам окружающей среды сообщается о том, что в значительной степени проблему загрязнения почв пестицидами можно считать решенной³¹.

Кроме проблем, обозначенных выше, в настоящее время актуальны и некоторые другие. Прежде всего, это борьба с загрязнением почв *диоксинами*. В отчете Министерства подчеркивается опасность данного загрязнителя ввиду способности накопления в почвах и других средах и обращается особое внимание на необходимость осуществления постоянного мониторинга как почв, так и подземных вод. В 2006 г. было обнаружено четыре территории в стране с превышением содержания диоксинов в почве более 1000 пг-ТЭ/г³², однако в последующие годы (2010, 2015, 2020, 2021) превышения не наблюдалось ни в одной точке мониторинга³³.

Кроме того, в настоящее время для Японии, как, впрочем, и для многих других стран, актуальна проблема использования *стимуляторов роста* (гормонов) и *антибиотиков*, которые также накапливаются в средах. Озабоченность властей вызывает и увеличение числа случаев загрязнений городских и пригородных почв в целом³⁴.

²⁸ World bank. Food and Agriculture Organization data on fertilizer consumption. <https://databank.worldbank.org/metadataglossary/world-development-indicators/series/AG.CON.FERT.ZS> (дата обращения: 12.07.2024).

²⁹ Nōyaku taisaku kankei [Pesticide control] // Ministry of the Environment. <https://www.env.go.jp/water/noyaku.html> (дата обращения: 12.07.2024).

³⁰ Mizu, dojō kankyō gyōsei no aramashi [Overview of environmental problems: water and soil] // Ministry of the Environment. https://www.env.go.jp/water/water_pamph/index.html (дата обращения: 12.07.2024).

³¹ Mizu, dojō kankyō gyōsei no aramashi [Overview of environmental problems: water and soil] // Ministry of the Environment. https://www.env.go.jp/water/water_pamph/index.html (дата обращения: 12.07.2024).

³² Mizu, dojō kankyō gyōsei no aramashi [Overview of environmental problems: water and soil] // Ministry of the Environment. https://www.env.go.jp/water/water_pamph/index.html (дата обращения: 12.07.2024).

³³ Kankyō GIS. Daiokishin-rui chōsa kekka raito-ban [Environmental GIS. Dioxin Survey Results Light Edition] // National Institute for Environmental Studies. <https://nies.maps.arcgis.com/apps/dashboards/b347d8d6f7764391b61a372cec91eb1d> (дата обращения: 12.07.2024).

³⁴ Mizu, dojō kankyō gyōsei no aramashi [Overview of environmental problems: water and soil] // Ministry of the Environment. https://www.env.go.jp/water/water_pamph/index.html (дата обращения: 12.07.2024).

Оседание грунта

В 1960–1970-е гг. в крупных городах Японии (прежде всего, в Токио) остро стояла проблема оседания грунта, которое происходило со скоростью до 20 см/год. Последующие исследования привели к заключению, что основной причиной данной проблемы являлся забор воды для промышленных нужд, и благодаря ряду законодательных и организационных мер уже к началу 1980-х гг. темпы оседания грунта существенно замедлились. Это видно и по статистике, приводимой О.В. Ивановым с соавторами, и по японским отчетам и статьям [Sato 2006, р. 405; Tōkyōto 2023]. В настоящее время это неблагоприятное явление практически не наблюдается (скорость оседания грунта составляет менее 2 см/год). За счет снижения доли подземных вод в водозаборе (в настоящее время менее 20%) отмечается восстановление их запасов и подъем уровня [Sato 2006; Furuno 2015; Kaneko 2011].

Однако последствия серьезных проблем 1960-х гг. наблюдаются до сих пор. Так, например, значительные территории центральной и северной части Токио (районы Кото и Эдогава) по-прежнему находятся на уровне моря или ниже и подвержены опасности наводнений, хотя они и защищены рядом специально выстраиваемых с 1980-х гг. укреплений, стен [Furuno 2015; Esteban 2019]. Кроме того, в крупных городах до конца не решены проблемы истощения артезианских вод, питающих водоемы и водотоки, и загрязнения подземных вод хлорорганическими соединениями, нитратами и нитритами [Sato 2006; Отчет Tōkyōto 2023].

Научно-практические проблемы оседания грунта активно изучаются и в настоящее время, в том числе исследуются такие явления, как деформации земной коры в связи с землетрясениями и цунами (в частности, землетрясениями в Тохоку в 2011 г. и Ибури в 2018 г.) [Imakiire 2012; Na 2021]. Результаты таких исследований и японский опыт могут быть очень полезны для других стран и особенно для плотно населенных и активно развивающихся азиатских городов (в т.ч. Манилы, Джакарты, Хошимина).

Степень шумового загрязнения

Для борьбы с шумовым и вибрационным загрязнением в Японии была разработана нормативная база касательно работы заводов, строительных работ, использования громкоговорителей, аудиооборудования, работы авиационного, авто- и железнодорожного транспорта, включая скоростные поезда синкансэн; внедрены новые технологии (линейный двигатель [Chen 2014]). Однако согласно данным мониторинга в Токио к настоящему времени проблему шумового загрязнения до конца решить не удалось. В 2022 г. на линии синкансэн в шести точках измерений из 11 зафиксированы случаи превышения допустимого уровня шума³⁵ (в Японии норматив варьирует от 50 до 70 дБА в зависимости от функциональной зоны города и других условий, для сравнения: в России предельно допустимый уровень шума днем составляет 55 дБА, в Китае – 75 дБА [Нао 2022]).

Подтверждают нерешенность проблемы и данные мониторинга национального института NIES по шуму от автотранспорта: на ряде улиц города Токио³⁶ фиксируется превышение значения 80 дБА в дневное время – что однозначно выше всех установленных норм. Хотя стоит отметить, что подобные проблемы в той ли иной степени являются неотъемлемой частью жизни большинства крупных городов многих стран мира.

³⁵ Sōon, shindō, akushū [Noise, vibration and odors] // Tokyo Metropolitan Government, Bureau of Environment. <https://www.kankyo.metro.tokyo.lg.jp/noise> (дата обращения: 12.07.2024).

³⁶ Измерения проводятся на расстоянии 50 м от дороги.

Также состояние проблемы шумового загрязнения оценивается по числу жалоб от населения. В 1980-х гг. ежегодно фиксировалось около 20 тыс. жалоб, в основном на предприятия и строительные работы, в т.ч. в ночное время [Иванов, Мельник, Шепеленко 1991] – это треть (!) всех жалоб на состояние окружающей среды в те годы [Smith 2023, p. 118]. В 2010–2020 гг. ежегодно поступало около 15–19 тыс. жалоб³⁷. Считается, что ввиду высокой плотности застройки городов и особенностей японской культуры (например, выкрики продавцов с тележками или звуки от торговых автоматов) проблема шумового загрязнения – одна из типичнейших проблем Японии, которая наблюдается в японских городах уже не одно десятилетие. Это нашло свое отражение и в высказываниях современных японских философов, согласно одному из которых японцы «маринуются в городском шуме» [Smith 2023].

Вибрация

Очевидно, что ввиду очень высокой плотности застройки решить проблему сильных вибраций, оказывающих негативное влияние на население, также чрезвычайно сложно. Однако благодаря активной экологической политике по этому вопросу (Япония первая в мире приняла закон о снижении вибрации (Vibration Limit Law, 1976) [Chen 2014]) в настоящее время можно говорить о значительном улучшении ситуации. По данным мониторинга в Токио величины вибрации от синкансэн не превысили норму ни на одной из станций измерений (2018–2022 гг.). И хотя эта проблема до сих пор вызывает беспокойство населения, количество жалоб на вибрацию в целом (от всех источников, включая железнодорожный транспорт, строительные работы, промышленные предприятия, автомобильный транспорт) также снизилось: с 3,1 тыс. в конце 1980-х гг. [Иванов, Мельник, Шепеленко 1991] до 2,3 тыс. в 2021 г. (а в 2010 г. – 1,7 тыс.)³⁸.

Неприятные запахи

Как отмечает О.В. Иванов с соавторами, во второй половине XX в. этому фактору в Японии уделяли самое серьезное внимание. Действительно, проблема неприятных запахов, существовавшая в плотно населенных городах по ряду причин (животноводческие фермы, индустрия сервиса, промышленные предприятия, плотное соседство, канализация [Иванов, Мельник, Шепеленко 1991]), имела большое значение для японцев. Важным фактором в решении данной проблемы можно считать прогресс в сфере управления отходами, который наблюдается с начала 1980-х гг. [Тихоцкая 2015].

Данные о количестве жалоб населения за 1980-е гг. в открытом доступе, к сожалению, отсутствуют, но при анализе показателей за последние два десятилетия наблюдается отрицательная динамика, хотя их количество все еще очень велико: 14 тыс. в 2000 г., 10,4 тыс. в 2021 г. Высока также и величина разброса от года к году, и, по-видимому, проблема все еще далека от стопроцентного решения. Правительство Токио отмечает, что проблемы в японской столице с неприятными запахами во многом связаны с работой канализации³⁹.

³⁷ Statistics Bureau of Japan. Japan Statistical Yearbook 2024. <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/index.html> (дата обращения: 12.07.2024).

³⁸ Statistics Bureau of Japan. Japan Statistical Yearbook 2024. <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/index.html> (дата обращения: 12.07.2024).

³⁹ Akushū taisaku [Measures against Odor] // Tokyo Metropolitan Government. Bureau of Environment. https://www.kankyo.metro.tokyo.lg.jp/noise/offensive_odors (дата обращения: 12.07.2024).

В таблице 2 сведены данные по рассмотренным семи проблемам *когай*: основные показатели⁴⁰, их количественные значения во временной динамике, а также новые, современные, аспекты проблемы.

Таблица 2. Экологические показатели состояния окружающей среды по проблемам когай в Японии, 1960-е – 2020-е гг.

Одна из проблем когай	Показатели	Количественные значения			Новые аспекты, связанные с данной проблемой
		1960-е	1980-е	2020-е	
Загрязнение воздуха	SO ₂ , ppm	0,06	0,006	0,001	Высокие концентрации фотооксидантов, мелкодисперсных частиц (PM2.5), новых опасных загрязняющих веществ
	NO _x , ppm	0,04	0,02	0,007	
	PM2.5, мкг/м ³	нд	нд	8,5	
	Фотооксиданты, количество предупреждений о смоге в год	более 300 (1970-е гг.)	243	29	
Загрязнение вод	Соответствие водных объектов нормативам по БПК, %	70%	79%	88%	Низкая доля озер с соответствующим нормативам качеством воды; высокие концентрации диоксинов
Загрязнение почв	Площадь загрязненных с.-х. земель, га	нд	7030	7592	Загрязнение кадмием
Оседание грунта	Скорость оседания, см/год	20	2	менее 2	Не выявлены
Шум	Количество жалоб от населения	нд	20 тыс.	17 тыс.	Автотранспорт, большое количество жалоб
Вибрация	Количество жалоб от населения	нд	3,1 тыс.	2,3 тыс.	Жалобы населения
Неприятные запахи	Количество жалоб от населения	нд	14 тыс. (2000 г.)	10 тыс.	Канализация, большое количество жалоб

Составлено автором на основе: Иванов О.В., Мельник Л.Г., Шепеленко А.Н. 1991. В борьбе с драконом «Когай»: Опыт природопользования в Японии. Москва: Мысль; Tōkyō no chika suishitsu chōsa kekka [Tokyo Underground Waters Survey Results] // Tokyo Metropolitan Government. Bureau of Environment. <https://www.kankyo.metro.tokyo.lg.jp/water/groundwater/investigation> (дата обращения: 16.07.2024); Statistics Bureau of Japan. Japan Statistical Yearbook 2024. <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/index.html> (дата обращения: 11.07.2024); Kankyō GIS [Environmental GIS] // National Institute for Environmental Studies. <https://tenbou.nies.go.jp/gis/> (дата обращения: 11.07.2024); Nōyōchi dojō osen ni kakaru saimitsu chōsa kekka oyobi taisaku no gaiyō [Detailed survey results and countermeasures for agricultural soil contamination] // Ministry of the Environment. <https://www.env.go.jp/water/nouyo-dojō/survey.html> (дата обращения: 12.07.2024).

⁴⁰ Для таблицы выбраны, прежде всего, те показатели, которые упоминаются О.В. Ивановым с соавторами – для возможности сравнения данных во времени. Осредненные количественные значения концентраций и такой косвенный показатель как «Количество жалоб от населения» безусловно вносят большие ограничения для оценки, но все же могут, на наш взгляд, отразить основные тенденции и позволяют сделать осторожные выводы общего характера. В тексте, следующим за таблицей, для полноты обзора приводится также характеристика и некоторых других показателей по каждой из проблем.

Таким образом, по основным проблемам загрязнения окружающей среды *когда* в настоящее время в Японии наблюдается следующая ситуация. Содержание таких загрязнителей *в воздухе* как диоксиды серы и азота, высокие концентрации которых беспокоили Японию в конце прошлого века, удалось существенно снизить. Однако угрозой последних десятилетий стали мелкодисперсные частицы и фотохимический смог. Тенденции по концентрациям PM_{2.5} в воздухе противоречивы (согласно национальной статистике, наблюдается их снижение, а по международным оценочным данным – рост), требуются дальнейший мониторинг и реализация мер экополитики. По смогам тенденции также противоречивы: несмотря на сокращение числа предупреждений снижение концентраций фотооксидантов в воздухе не наблюдается. Кроме того, согласно данным ОЭСР и ВОЗ с 2010 г. в Японии растет смертность от загрязненного воздуха, что, однако, может быть следствием успехов диагностики.

Также несмотря на существенное сокращение выбросов SO₂ и NO_x остается актуальной проблема выпадения кислотных дождей, особенно в западной Японии⁴¹, что связывают с трансграничным загрязнением из Китая.

Качество *воды* в водоемах существенно улучшилось по таким показателям как БПК (кроме озер и прудов – качество воды в них, по-прежнему, часто не соответствует нормативам) и тяжелые металлы (кадмий, ртуть). Однако в последнее время вызывают опасения отмеченные в ряде префектур высокие концентрации диоксинов, особенно в поверхностных водах.

В *почвах* превышения диоксинов в последние годы не наблюдается, однако не удалось до конца решить проблему загрязнения кадмием, также становится более актуальной проблема загрязнения почв в городах. Загрязнение сельскохозяйственных почв пестицидами и повышенными дозами минеральных удобрений в настоящее время ликвидировано, проблема в значительной степени решена.

Удалось также решить серьезнейшую проблему *оседания грунта* в крупных городах (скорости оседания грунты сведены до менее 2 см/год), хотя такой постоянный фактор, как землетрясения обуславливает, по мнению многих специалистов, необходимость продолжения работы мониторинговой системы.

Проблема *вибрационного загрязнения* также в большой степени решена: превышений нормативов в последние годы не наблюдается, хотя до сих пор сильная вибрация является фактором беспокойства части населения. Также существенно снижает качество жизни современных японцев *шумовое загрязнение* и *проблема неприятных запахов*, по которым очевиден существенный прогресс, но проблемы, к сожалению, нельзя назвать решенными до конца, т.к. каждый год регистрируется большое число жалоб от населения.

Помимо обозначенных выше проблем в XXI в. Япония столкнулась с проблемами *светового загрязнения*⁴², *теплового стресса*⁴³, необходимостью развития *зеленой инфраструктуры*⁴⁴ – вопросами, актуальными для многих мегаполисов мира и требующими решения наряду с традиционными экологическими проблемами XX в.

⁴¹ Sansei ame chōsa kekka raito-ban. [Acid Rain Survey Results Light Edition] // National Institute for Environmental Studies. <https://nies.maps.arcgis.com/apps/dashboards/a21f4f7e14d246b094b3a790aba60879> (дата обращения: 12.07.2024).

⁴² Например, см. инициативу Министерства окружающей среды Японии по наблюдению за звездами. <https://www.env.go.jp/air/life/hoshizorakansatsu/index.html> (дата обращения: 16.07.2024).

⁴³ Например, индекс жары, рассчитываемый институтам NIES. <https://experience.arcgis.com/experience/60c57443954d4d27be1824abd6eald88/> (дата обращения: 16.07.2024).

⁴⁴ Например, см. новости на сайте Министерства окружающей среды Японии по развитию зеленой инфраструктуры (реализуемые проекты, финансовые инструменты и пр.). https://www.env.go.jp/press/press_03146.html (дата обращения: 16.07.2024).

Заключение

Анализ количественных данных о загрязнении природных сред в Японии позволяет сделать вывод о нерешенности некоторых из проблем *когай*, наиболее актуальными из которых можно считать загрязнение воздуха мелкодисперсными частицами и фотооксидантами, загрязнение озер и прудов органическими веществами и всех типов поверхностных вод диоксинами, загрязнение почв кадмием, шумовое загрязнение и проблема неприятных запахов. Однако проблемы проявляются не столь масштабно как раньше, и Япония подходит к их решению с солидным багажом опыта и набором инструментов экологической политики. Во-первых, это создание обширной сети мониторинга качества воздуха и воды и предоставление результатов ее работы в открытом доступе (по примеру платформы Института NIES – Environmental GIS), а также широкое экологическое образование и просвещение (например, научно-популярные видеоматериалы об истории проблемы загрязнения воздуха на сайте Агентства по восстановлению и охране окружающей среды). Сеть мониторинговых станций постоянно совершенствуется (уменьшается число станций для мониторинга одних загрязняющих веществ и увеличивается для других). Во-вторых, это активная позиция граждан и местных властей: принятие указов для решения какой-либо проблемы в конкретном районе или ужесточение национальных экологических стандартов в тех префектурах, где это необходимо. В-третьих, это ответственность бизнеса (добровольные действия предприятий – инструмент, показавший в Японии исключительную эффективность), которая в настоящее время развивается и в других странах, в том числе, в рамках концепции «Экологическое, социальное и корпоративное управление» (*Environmental, Social, Governance, ESG*). В некоторых случаях действенным оказывается участие в международных конвенциях. Перечисленные меры и подходы в решении экологических проблем представляются полезными и эффективными как для Японии, так и для других стран мира, когда загрязнение окружающей среды остается одной из главных глобальных экологических проблем, включенных ООН в «тройной планетарный кризис».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеева Н.Н., Лопатников Д.Л., Банчева А.И. Изменение экологических характеристик стран – экономических гигантов Азии в контексте геоэкологического перехода // *Вестник Московского университета. Серия 5: География*. 2024. №2. С. 31–42. DOI: 10.55959/MSU0579-9414.5.79.2.3
- Банчева А.И. Геоэкологическое состояние ландшафтов острова Хоккайдо (Япония): дис. ... канд. геогр. наук. Москва. 2018. 130 с.
- Иванов О.В., Мельник Л.Г., Шепеленко А.Н. В борьбе с драконом «Когай»: Опыт природопользования в Японии. Москва: Мысль. 1991.
- Тихоцкая И.С. Японская инновационная концепция рециклирования ресурсов и создание общества с устойчивым материальным циклом // *Региональные исследования*. 2015. № 2. С. 61–66.
- Тихоцкая И.С. Экологические проблемы Японии: между прошлым и будущим // *Японские исследования*. 2016. №1. С. 59–71.

REFERENCES

- Alekseeva, N., Lopatnikov, D., Bancheva, A. (2024). *Izmenenie ekologicheskikh kharakteristik stran – ekonomicheskikh gigantov Azii v kontekste geoeologicheskogo perekhoda* [Changes of Environmental Characteristics of the Asian “Economic Giants” in the Context of the Geoecological Transition]. *Lomonosov Geography Journal*, 2, 31–42. DOI: 10.55959/MSU0579-9414.5.79.2.3 (In Russian).
- Bancheva, A. I. (2018). *Geoekologicheskoe sostoyanie landshaftov ostrova Khokkaido (Yaponiya)* [Geoecological Assessment of the Hokkaido Island Landscapes (Japan)]. PhD Thesis in Geography. Moscow. (In Russian).

- Ivanov, O., Melnik, L., Shepelenko, A. (1991). *V bor'be s drakonom «Kogai»: Opyt prirodopol'zovaniya v Yaponii* [Fighting the “Kogai” Dragon: The Japanese Experience in Nature Management]. Moscow: Mysl'. (In Russian).
- Tikhotskaya, I. (2015). Yaponskaya innovatsionnaya kontseptsiya retsiklirovaniya resursov i sozдание obshchestva s ustoichivym material'nym tsiklom [Japanese Innovative Concept of Resources Recycling and Formation of the Sound Material Cycle Society]. *Regional'nye issledovaniya* [Regional Studies], 2, 61–66. (In Russian).
- Tikhotskaya, I. (2016). Ekologicheskie problemy Yaponii: mezhdru proshlym i budushchim [Ecological problems in Japan: between past and future]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 1, 59–71. (In Russian).
- * * *
- Botta, E., & Yamasaki, S. (2020). *Policies, regulatory framework and enforcement for air quality management: The case of Japan*. OECD environment working papers. <https://dx.doi.org/10.1787/b2de0bc1-en>
- Chen, C. H., & Peng, L. Y. (2014). The Laws and Measurements Analysis About Urban Rail Transit Noise and Vibration Reduction. *Applied Mechanics and Materials*, 548, 1839–1843. doi:10.4028/www.scientific.net/AMM.548-549.1839
- Esteban, M., Takagi, H., Jamero, L., Chadwick, C., Avelino, J. E., Mikami, T., ... & Shibayama, T. (2020). Adaptation to Sea Level Rise: Learning From Present Examples of Land Subsidence. *Ocean & Coastal Management*, 189, 104852. DOI: 10.1080/03088839.2019.1634845
- Furuno, K., Kagawa, A., Kazaoka, O., Kusuda, T., & Nirei, H. (2015). Groundwater Management Based on Monitoring of Land Subsidence and Groundwater Levels in the Kanto Groundwater Basin, Central Japan. *Proceedings of the International Association of Hydrological Sciences*, 372(372), 53–57.
- Hao, Y., Qi, H., Liu, S., Nian, V., & Zhang, Z. (2022). Study of Noise and Vibration Impacts to Buildings Due to Urban Rail Transit and Mitigation Measures. *Sustainability*, 14 (5), 3119. <https://doi.org/10.3390/su14053119>
- Huang, H., Akustu, Y., Arai, M., & Tamura, M. (2001). Analysis of Photochemical Pollution in Summer and Winter Using a Photochemical Box Model in the Center of Tokyo, Japan. *Chemosphere*, 44 (2), 223–230.
- Imakiire, T., & Koarai, M. (2012). Wide-Area Land Subsidence Caused by “the 2011 Off the Pacific Coast of Tohoku Earthquake”. *Soils and Foundations*, 52 (5), 842–855. <http://dx.doi.org/10.1016/j.sandf.2012.11.007>
- Kaneko, S., & Toyota, T. (2011). Long-Term Urbanization and Land Subsidence in Asian Megacities: An Indicators System Approach. In M. Taniguchi (ed.), *Groundwater and Subsurface Environments: Human Impacts in Asian Coastal Cities* (pp. 249–270). Springer. DOI: 10.1007/978-4-431-53904-9_13
- Na, T., Kawamura, Y., Kang, S. S., & Utsuki, S. (2021). Hazard Mapping of Ground Subsidence in East Area of Sapporo Using Frequency Ratio Model and GIS. *Geomatics, Natural Hazards and Risk*, 12 (1), 347–362. <https://doi.org/10.1080/19475705.2021.1873198>
- Nishitaten, S., & Burke, P. J. (2021). Willingness to Pay for Clean Air: Evidence From Diesel Vehicle Registration Restrictions in Japan. *Regional Science and Urban Economics*, 88, 103657. <https://doi.org/10.1016/j.regsciurbeco.2021.103657>
- Sato, C., Haga, M., & Nishino, J. (2006). Land Subsidence and Groundwater Management in Tokyo. *International Review for Environmental Strategies*, 6 (2), 403–424.
- Smith, M. D. (2023). The ‘Hell of Modern Sound’: A History of Urban Noise in Modern Japan. In I. Haukamp, C. Hoene, & M. D. Smith (Eds.), *Asian Sound Cultures. Voice, Noice, Sound, Technology* (pp. 101–123). Taylor & Francis. DOI: 10.4324/9781003143772-8
- Tōkyōto chō. Kankyō kyoku [Tokyo Metropolitan Government. Bureau of Environment]. *Tōkyō no chika suishitsu chōsa kekka* [Tokyo Underground Waters Survey Results]. Retrieved July 16, 2024, from <https://www.kankyo.metro.tokyo.lg.jp/water/groundwater/investigation> (In Japanese).

Поступила в редакцию: 25.07.2024

Received: 25 July 2024

Принята к публикации: 26.01.2025

Accepted: 26 January 2025

DOI: 10.55105/2500-2872-2025-1-62-76

Трансформация образа американских японцев на страницах газет в США: от атаки на Перл-Харбор до указа об интернировании

Е.Л. Зберовская, В.В. Замахаяев

Аннотация. Статья посвящена трансформации образа японцев – жителей Соединенных Штатов Америки в американской прессе после вступления страны во Вторую мировую войну и до начала их интернирования. В качестве основных источников были избраны средства массовой информации, оказывающие влияние на формирование общественного мнения: пресса западных штатов, где проживало большинство японцев, и газета общенационального масштаба – The New York Times. В ходе исследования были изучены опубликованные редакторские статьи, выступления политиков, чиновников различных рангов, представителей общественных объединений и групп. Контент-анализ публикаций газеты The New York Times позволил интерпретировать количественные характеристики содержания статей.

В различных изданиях периодической печати образ японцев, проживавших в США, был схожим, но на западе имел свою специфику. В западных штатах история взаимодействия различных этносов, в том числе после начала иммиграции из азиатского региона, содержала гораздо больше противоречий, чем на остальной территории Соединенных Штатов. Агрессивные действия Японии на Тихом океане обострили отношение жителей прибрежных районов к представителям «вражеской нации». Публикации приобретали форму явной антипатии, что отличало их тональность в прессе западных штатов и более умеренной The New York Times.

Анализ прессы позволил выявить последовательное изменение образа американских японцев на страницах газет в период с декабря 1941 г. по февраль 1942 г.: первоначально – это «лояльные жители страны, не связанные с политикой милитаристской Японии», в феврале 1942 г. – «потенциальные подрывные элементы, способные к диверсионной деятельности и предательству интересов США». На основании проведенного исследования, работ отечественных и зарубежных авторов был сделан вывод о существовании комплекса причин, повлиявших на данную трансформацию образа японцев, проживавших в стране, после вступления США во Вторую мировую войну.

Ключевые слова: японцы, американцы, интернирование, Вторая мировая война, образ врага, трансформация.

Авторы: Зберовская Елена Леонидовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Красноярского государственного педагогического университета имени В.П. Астафьева (адрес: 660049, Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89). E-mail: zberovskaya@kspu.ru

Замахаяев Владислав Владимирович, магистрант Красноярского государственного педагогического университета имени В.П. Астафьева (адрес: 660049, Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89). E-mail: zamakhaevvv@gmail.com

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Зберовская Е.Л., Замахаев В.В. Трансформация образа американских японцев на страницах газет в США: от атаки на Перл-Харбор до указа об интернировании // Японские исследования. 2025. № 1. С. 62–76. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-1-62-76

Transformation of the image of Japanese Americans in U.S. newspapers: From the raid on Pearl Harbor to the internment act

E.L. Zberovskaya, V.V. Zamakhaev

Abstract. The article is devoted to the transformation of the image of Japanese residents of the United States in the American press after the country's entry into World War II and before the beginning of their internment. The main sources chosen were the media that influenced the formation of public opinion: the press of the western states, where most Japanese lived, and The New York Times, a national newspaper. The study examined published editorials, speeches by politicians, officials of various ranks, and representatives of public associations and groups. Content analysis of The New York Times publications allowed us to interpret the quantitative characteristics of the articles' content.

In different editions of the periodical press, the image of the Japanese living in the United States was similar, but, in the West, it had its own specific features. In the western states, the history of interaction between different ethnic groups, including after the beginning of immigration from the Asian region, contained many more contradictions than in the rest of the United States. Japan's aggressive actions in the Pacific Ocean exacerbated the attitude of coastal residents towards members of the "enemy nation." Publications took on a form of outright antipathy, which distinguished their tone in the press of the western states and the more moderate The New York Times.

The analysis of the press allowed us to identify a consistent change of the image of Japanese Americans in the pages of newspapers in the period from December 1941 to February 1942. Initially, they were "loyal residents of the country, not associated with the policy of militaristic Japan," while in February 1942 – "potential subversive elements capable of sabotage and betrayal of U.S. interests." Based on the research, works of domestic and foreign authors, it was concluded that there was a set of reasons that influenced this transformation of the image of the Japanese living in the country after the entry of the United States into World War II.

Keywords: Japanese, Americans, internment, World War II, enemy image, transformation.

Authors:

Zberovskaya Elena L., Candidate of Sciences (History), Associate Professor at the Department of World History, Krasnoyarsk State Pedagogical University named V. P. Astafiev (address: 89, Ada Lebedeva St., Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation); E-mail: zberovskaya@kspu.ru

Zamakhaev Vladislav V., master's degree student, Krasnoyarsk State Pedagogical University named V.P.Astafiev (address: 89, Ada Lebedeva St., Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation). E-mail: zamakhaevvv@gmail.com

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Zberovskaya, E.L., Zamakhaev, V.V. (2025). Transformatsiya obraza amerikanskikh yaponsev na stranitsakh gazet v SShA: ot ataki na Perl-Kharbor do ukaza ob internirovani [Transformation of the image of Japanese Americans in U.S. newspapers: From the raid on Pearl Harbor to the internment act]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 1, 62–76. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-1-62-76

Введение

В годы Второй мировой войны японское население США подверглось принудительному переселению в специальные лагеря. Эта мера администрации Ф.Д. Рузвельта вызывала неоднозначную реакцию внутри страны в период ее появления и десятилетия после. Принятию закона об интернировании этнических японцев, многие из которых к этому времени были уже гражданами США, предшествовал общественный дискурс о целесообразности интернирования этих граждан, получивший отражение на страницах федеральных и региональных американских газет. Одно из самых крупных печатных изданий, *The New York Times*, публиковало различные мнения по этому поводу, комментарии представителей американского истеблишмента всех уровней. В этом смысле интерес представляет не сам процесс интернирования, а предвещающий его дискурс в отношении американских японцев.

Целью статьи является определение динамики изменения общественного мнения в США в отношении американских японцев в период с 7 декабря 1941 г. (нападение Японии на Перл-Харбор) по 21 февраля 1942 г. (публикация закона об интернировании), а также причин, обусловивших эти изменения. Анализ публикаций *The New York Times* и региональных периодических изданий позволяют проследить движение общественных настроений к принятию интернирования и изоляции американских японцев как к необходимой мере в условиях начавшейся войны с Японией. Для достижения цели использовался метод количественного контент-анализа с последующей интерпретацией результатов на основе содержания статей.

Спектр изучения проблемы интернирования довольно обширен. В США уделяют внимание данному вопросу в основном в рамках микроистории на локальном уровне, коллективной и культурной памяти, методики преподавания. Актуальным для американских исследователей остается вопрос о причинах интернирования, легитимности и необходимости данных шагов для обеспечения национальной безопасности.

С середины XX в. в американских исследовательских кругах начали звучать оценки интернирования как «акта бесчестия», сопоставимого с сегрегационными действиями по отношению к афроамериканцам. Так, Якобус тен Брук, Эдвард Барнхарт и Флойд Мэтсон пришли к выводу, что интернирование японцев в США было предпринято под влиянием «исторического, истерического и всепроникающего» расизма. По их мнению, ответственность за этот шаг лежит на американском народе в целом, а не на представителях американского истеблишмента или различных группах интересов [TenBroek, Barnhart, Matson 1958, p. 222]. Мортон Гродзинс называл основной причиной интернирования деятельность различных групп интересов, которым удалось направить общественно мнение в нужное для них русло и убедить большинство в Конгрессе в необходимости принятия данных мер [Grodzins 1949, p. 364]. Роджер Дэниелс в качестве главной причины интернирования рассматривал позицию военного руководства, отреагировавшего на общественные настроения. Вместе с тем, Дэниелс разделял мнение коллег о влиянии групп интересов, массовых предрассудках и расизме [Daniels 1971, p. 102]. Геральд Стэнли считал, что все вышеперечисленные причины являются вторичными. В качестве триггера, спровоцировавшего проявление расизма, вмешательство различных групп и деятельность военных под влиянием общественного мнения, Г. Стэнли рассматривал неспособность федерального правительства разрешить «японский вопрос», сдержать свои обещания по отношению согражданам японского происхождения и обуздать заинтересованные в ущемлении прав японцев группы [Stanley 1992, p. 197–198].

В отечественной историографии «японскому вопросу», как правило, уделяется второстепенное внимание в рамках изучения истории США в период Второй мировой войны. В некоторых публикациях рассматривается сам процесс интернирования и условия проживания японцев в лагерях, и в меньшей степени говорится о причинах, приведших к такому решению, и общественных настроениях [Суржик 2016]. Образ интернированных

японцев в художественном произведении рассматривает Е.С. Хованская на основе романа Джулии Оцука «Когда император был Богом» [Хованская 2017].

Таким образом, изучение поступательного изменения настроений американского общества в отношении японцев, проживавших в США после атаки Японии на Перл-Харбор, позволят уточнить причины поворота американцев в пользу изоляции сограждан японского происхождения и резидентов, чему в историографии пока не уделено достаточного внимания.

На территории США в годы второй мировой войны проживало 110 тыс. японцев, в т.ч. 2/3 родились в США и были гражданами страны [Александр 1995, с. 311]. По данным переписи 1940 г. 90% проживали в западных штатах¹. Многие из них не поддерживали связи с исторической родиной.

В американском общественном дискурсе образ японцев, проживавших в стране в начале 1940-х гг., претерпел изменения: от потенциальных врагов и представителей «пятой колонны» во время участия США во Второй мировой войне, до жертв военного времени и недемократических мер правительства – после ее окончания в середине XX в.

В сравнении с такими консервативными изданиями западных штатов, как Imperial Valley Press (Калифорния), The Tacoma Times (штат Вашингтон) и The Kennewick Courier-Reporter (штат Вашингтон), The New York Times более подробно рисует для читателя образ японцев. Вместе с тем, прослеживается общая тенденция, характерная для прессы западных штатов и The New York Times: образ «миролюбивого и лояльного японца» заменяется образом «внутреннего врага». В изданиях западных штатов и в The New York Times публикуются материалы о череде арестов жителей США японского происхождения. В феврале 1942 г. обостряется вопрос появления «пятой колонны» в прибрежных штатах.

Несмотря на схожесть риторики по отношению к этническим японцам в США в местной и федеральной прессе, на страницах The New York Times уделяется больше внимания организационным аспектам интернирования, а также предпосылкам для реализации этой политики.

Совсем иное видение «японского вопроса» отражено в газете либеральной направленности The Northwest Enterprise (штат Вашингтон), где японцы представлены как лояльные и законопослушные жители страны, жертвы расовых предрассудков и массовой военной истерии, преобладающих на тот период в американском обществе². Однако такими японцы представлены лишь в первых выпусках газеты. По мере приближения к процессу интернирования упоминания о японцах, проживавших в стране, носили единичный характер в рамках обыденных новостных сводок.

В Таблице 1 приведены результаты контент-анализа образа японцев на страницах The New York Times.

Таблица 1. Характеристики японцев, проживающих в США в The New York Times (декабрь 1941 – февраль 1942 г.)

	декабрь 1941 г. (с 07.12)	январь 1942 г.	февраль 1942 г. (до 21.02)	весь период
<i>I</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
Alien (чужак, иностранец, иностранный)	53	128	66	247
Enemy alien (alien enemy) (вражеский иностранец, чужак)	45	70	35	150

¹ Hamilton, T. Japanese seizure ordered by Biddle // The New York Times. December 8, 1941. <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1941/12/08/105167931.html?pageNumber=6> (дата обращения: 15.07.2024).

² Let Us Keep Our Record Clear // The Northwest Enterprise. December 12, 1941 <https://www.loc.gov/resource/sn87093377/1941-12-12/cd-1/?sp=1> (дата обращения: 15.07.2024).

1	2	3	4	5
Citizen(s), non-citizen(s) citizenship (гражданин, негражданин, гражданство)	28	37	35	100
Proof of loyalty, loyalty loyal, disloyal (доказательство лояльности, лояльность, лояльный, преданный, нелояльный)	18	13	8	32
Fifth column, fifth columnist (пятая колонна)	1	7	5	13
Jap(s) (япошка)	8	-	-	-

Составлено по: The New York Times (1851 – current, ISSN: 0362-4331).

Можно видеть, что термин *alien* в качестве существительного и прилагательного употреблялся наиболее часто за весь анализируемый период. Как правило, он использовался по отношению к японцам, немцам и итальянцам. Увеличение частоты употребления наблюдается при обострении дискурса вокруг иностранцев-выходцев из стран «оси».

Словосочетание *enemy alien* употреблялось даже чаще, чем слово *alien*, и имело более негативный контекст, выделяя принадлежность «чужака» к державам «оси». Словосочетание постоянно употреблялось в январе 1942 г., когда обстановка в обществе вокруг «японского вопроса» накалилась.

Сразу после 7 декабря 1941 г. проводилось четкое разграничение между гражданами США японского происхождения и резидентами. В большинстве статей граждане – этнические японцы были представлены как патриоты. Приводилась в качестве примера их служба в армии, публиковались заверения в верности президенту и стране. Но уже в январе-феврале 1942 г. возникают обсуждения установления на законодательном уровне возможности лишения гражданства. В конце анализируемого периода граница между гражданами и иностранцами японского происхождения практически нивелирована.

Вопрос лояльности японцев, проживавших преимущественно в западных штатах, судя по содержанию статей, был наиболее важен для представителей американской общественности и истеблишмента в декабре 1941 г. Первоначально японцев оценивали как лояльных американским идеалам и ценностям, а также государству в целом. Однако, по мере приближения к началу интернирования, лояльность жителей США японского происхождения все больше ставилась под сомнение.

В декабре 1941 г. словосочетание *fifth column* (*fifth columnist*) использовалось в качестве нарицательного для определенной категории жителей Гавайских островов, которые подозревались в разведывательной деятельности в преддверии налета японских императорских сил на Перл-Харбор. Позднее данный термин был употреблен в статьях, в которых высказывались опасения относительно принадлежности к «пятой колонне» японцев, проживавших на территории западных штатов, которые могли бы стать потенциальным плацдармом для наступления японских войск.

Термин *jap* (грубое, пренебрежительное обозначение японцев) встречается в изданиях на первых этапах формирования общественного мнения и несет исключительно негативный смысл. Как правило, использование данного выражения встречается в военных сводках для обозначения солдат японской императорской армии и флота. В нашем исследовании ведется подсчет и анализ употреблений в отношении японцев, относящихся к гражданскому населению США.

Сдержанная риторика властей по отношению к японцам

В первые дни после 7 декабря 1941 г. на страницах газеты The New York Times граждан США японского происхождения представляли достаточно лояльными. Мэр города Нью-Йорк Ла Гуардия 22 декабря призывал сограждан «не брать закон в свои руки». По его мнению, это могло привести к общественной истерии и замешательству, а также к падению уровня национальной морали. Также Ла Гуардия призывал японцев, как и всех выходцев из стран «оси», вести себя в соответствии с законом, гарантировав при этом невмешательство в их личную жизнь³.

Изначально под стражу было взято менее 1% иностранцев, за которым длительное время (до вступления США в войну) велось наблюдение сотрудниками правоохранительных органов. На страницах The New York Times писали о службе некоторых граждан японского происхождения в вооруженных и военно-морских силах США. В декабрьских выпусках генеральный прокурор Френсис Биддл выступал в защиту граждан и резидентов японского происхождения. Он предостерегал работодателей от несправедливых увольнений японцев (по принципу расовой принадлежности) и призывал предоставлять им возможность трудоустройства даже на оборонные предприятия (через допуск военного министерства)⁴. Все действия в отношении иностранцев, а тем более граждан японского происхождения, планировалось проводить исключительно в рамках правового поля под контролем министерства юстиции. Однако, данный факт не отменял экономических и имущественных ограничений в отношении японских резидентов, введенных практически сразу после нападения на Перл-Харбор.

Администрация Ф.Д. Рузвельта первоначально отвергла «британский план» массового интернирования. Под арест и последующее интернирование сразу попали только те японцы, в отношении которых уже были подозрения – еще до вступления США во Вторую мировую войну – и которые были определены как представляющие опасность для национальной безопасности⁵. На страницах газеты встречаются тезисы о полезности и необходимости японского фермерского труда для экономики и продовольственного рынка западных штатов. Японские фермеры даже были освобождены от уплаты налога, введенного в отношении всех «вражеских иностранцев». *Нисэй* (дети японских иммигрантов, родившиеся в США) и другие иностранцы, в свою очередь, всячески демонстрировали свою верность правительству.

Обострение дискурса вокруг «японского вопроса»

28 декабря 1941 г. министерство юстиции обязало сдавать всех «вражеских иностранцев» оружие, коротковолновые радиоприемники, бинокли, фото и кинокамеры в местное отделение полиции под роспись на хранение до конца войны. За отказ от добровольной сдачи запрещенных предметов впервые упоминается такая мера наказания, как интернирование⁶. В этом же выпуске упоминаются убийства японцев и филиппинцев и призывы Японской ассоциации к защите японцев после вторжения императорских войск на Филиппины⁷. Приведенные факты

³ Fairness is urged for enemy aliens // The New York Times. December 22, 1941. <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1941/12/22/105412999.html?pageNumber=21> (дата обращения: 15.07.2024).

⁴ Short-wave sets of aliens curbed // The New York Times. December 28, 1941. <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1941/12/28/99265935.html?pageNumber=4> (дата обращения: 15.07.2024).

⁵ Hamilton, T. Japanese seizure ordered by Biddle // The New York Times. December 8, 1941. <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1941/12/08/105167931.html?pageNumber=6> (дата обращения: 15.07.2024).

⁶ Short-wave sets of aliens curbed // The New York Times. December 28, 1941. <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1941/12/28/99265935.html?pageNumber=4> (дата обращения: 15.07.2024).

⁷ Davies, L. California police protect Japanese // The New York Times. December 28, 1941. <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1941/12/28/99265943.html?pageNumber=5> (дата обращения: 15.07.2024).

свидетельствует об ухудшении межэтнической обстановки в западных штатах и нарастании антияпонских настроений в стране.

В газетах западных штатов после 7 декабря 1941 г. прослеживается схожая с The New York Times риторика, хотя и с некоторыми оговорками. В одном из самых крупных изданий западного побережья, Imperial Valley Press, в начале декабря граждане японского происхождения репрезентируются как лояльные. Преданность же не имеющих американского гражданства японских резидентов, проживающих в США, ставилась под сомнение и требовала доказательств. Однако уже 10 декабря высказывается сомнение в лояльности всех граждан японской национальности, поскольку «кровные узы» связывают всех японцев⁸. В то же время на страницах газеты публикуются «клятвы верности» правительству США от представителей японской диаспоры Калифорнии. 22 декабря японцы высказывают опасение о перемещении всех представителей их национальности вглубь страны⁹. 29 декабря в Imperial Valley Press пишут о возможном интернировании¹⁰.

В газете The Tacoma Times (Washington) также начала меняться риторика в отношении японцев, и 22 декабря была опубликована редакторская статья, в которой впервые звучат призывы к бдительности в отношении японского населения, проводится идея о «кровных узах» и высказываются сомнения в преданности японцев-военнослужащих в рядах армии США¹¹.

В начале января 1942 г. в отношении японских резидентов устанавливаются меры контроля за их перемещением. Иностранцы из стран «оси» обязаны уведомлять местные власти о своем перемещении как минимум за неделю¹². Позднее стала происходить бюрократическая и организационная неразбериха, которая привела к необходимости разъяснения данного указа. В случае несоблюдения требований прибегали к интернированию. В это же время термин *japs* впервые употребляется (в редакторской статье) вне военных сводок, в отношении японских резидентов¹³.

7 января 1942 г. в Южном округе Нью-Йорка прокурором Матиасом Ф. Корреа издается разъяснение указа об ограничении перемещений «вражеских иностранцев», которое облегчает перемещение выходцев из Германии, Италии и Австрии. Генеральный прокурор Френсис Биддл на своей пресс-конференции заявляет о планах введения удостоверений личности для резидентов стран фашистского блока. Также остро встал вопрос об установлении процедуры лишения гражданства натурализованных граждан, чья преданность США подвергается сомнениям, и кто находится под подозрением. Власти были серьезно обеспокоены двойным гражданством некоторых категорий иностранцев¹⁴.

Ограничительные меры имели негативные экономические последствия: в январе 1942 г. представители законодательного собрания штата Калифорния сообщили, что рыбная промышленность в штате была практически уничтожена с началом войны. Большинство «вражеских иностранцев» (в основной массе – японцы) являлись фермерами, рыбаками,

⁸ Loyalty is in the heart // Imperial Valley Press. December 10, 1941. <https://www.loc.gov/resource/sn92070146/1941-12-10/ed-1/?sp=6> (дата обращения: 15.07.2024).

⁹ Japanese Meetings Banned in Sonora // Imperial Valley Press. December 22, 1941. <https://www.loc.gov/resource/sn92070146/1941-12-22/ed-1/?sp=9> (дата обращения: 15.07.2024).

¹⁰ Capital talks by Peter Edson // Imperial Valley Press. December 29, 1941. <https://www.loc.gov/resource/sn92070146/1941-12-29/ed-1/?sp=4> (дата обращения: 15.07.2024).

¹¹ Pulse of the public // The Tacoma Times. December 22, 1941. <https://www.loc.gov/resource/sn88085187/1941-12-22/ed-1/?sp=2> (дата обращения: 15.07.2024).

¹² Controls set up for alien travel // The New York Times. January 3, 1942. <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1942/01/03/85014219.html?pageNumber=10> (дата обращения: 15.07.2024).

¹³ Mr. La Guardia's two jobs // The New York Times. January 3, 1942. <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1942/01/03/85014338.html?pageNumber=18> (дата обращения: 15.07.2024).

¹⁴ New alien listing planned by Biddle // The New York Times. January 8, 1942. <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1942/01/08/85016940.html?pageNumber=19> (дата обращения: 15.07.2024).

оптовым поставщиками и импортерами. После запрета на определенные виды деятельности, в том числе рыбную ловлю, некоторые отрасли промышленности пришли в упадок. В связи с этим прозвучали предложения организовать специальный надзор за японскими фермерами на Тихоокеанском побережье. В случае угрозы национальным интересам предлагалось их эвакуировать¹⁵. Положительные в целом оценки американских японцев соседствуют с радикальными высказываниями относительно желтого цвета кожи и разреза глаз¹⁶.

В январе 1942 г. встречаются короткие публикации о волонтерской деятельности японцев – граждан США: сбор денежных средства на покупку зенитного орудия¹⁷ или донорство крови¹⁸. 19 января в издании публикуется статья, в которой высказывается недоумение тем фактом, что лояльные иностранцы не заслуживают права сражаться за Америку¹⁹.

10 января 1942 г. генеральный директор Управления производства Уильям Кнудсен и его заместитель Сидни Хиллман выступили с призывом (после аналогичного заявления Ф. Рузвельта и Ф. Биддла) к работодателям о недопущении дискриминации в отношении трудоустройства иностранцев из стран-агрессоров²⁰. Быстрый рост промышленного производства стимулировал спрос на рынке труда, поэтому главы различных ведомств, комитетов и объединений периодически выступали с требованиями приема на работу «вражеских иностранцев», которые до сих пор в большинстве своем оценивались, в целом, как лояльные.

11 января 1942 г. президент Рузвельт выступил с инициативой «пересмотра функций информационных служб правительства в целях координации механизма распространения новостей и поддержания морального духа нации»²¹. Данная мера может быть связана с различными проявлениями предрассудков в отношении иностранцев из стран «оси», которые, как правило, возникали и в отношении японцев.

14 января 1942 г. Палата представителей проголосовала за законопроект, вносивший поправки в Закон о гражданстве 1940 г., который позволил аннулировать документы о натурализации и тем самым лишил правовой защиты лиц, заподозренных в «подрывной деятельности, особенно в военное время». В новой редакции закона в два раза сократился срок обжалования заявлений на натурализованных иностранцев (до 30 дней). Однако данный законопроект облегчил процесс натурализации иностранцев в возрасте 50 лет и старше, которые проживали в США длительное время, но не могли соответствовать требованиям по уровню образования²². Таким образом, американский истеблишмент предпринял попытку вмешательства в один из столпов демократического режима – институт гражданства, что, в свою очередь, могло быть оправдано необходимостью обеспечения национальной безопасности. Смягчение требований для предоставления гражданства лицам старше 50 послужило

¹⁵ Davies, L. California to keep Japanese farming // The New York Times. January 9, 1942. <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1942/01/09/85197461.html?pageNumber=10> (дата обращения: 15.07.2024).

¹⁶ The Japanese in America // The New York Times. January 9, 1942. <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1942/01/09/85197289.html?pageNumber=20> (дата обращения: 15.07.2024).

¹⁷ Japanese aid our fight // The New York Times. January 10, 1942. <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1942/01/10/85504783.html?pageNumber=4> (дата обращения: 15.07.2024).

¹⁸ Aliens meet here as blood donors // The New York Times. January 11, 1942. <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1942/01/11/85505975.html?pageNumber=22> (дата обращения: 15.07.2024).

¹⁹ Foreigners would serve // The New York Times. January 19, 1942. <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1942/01/19/85510027.html?pageNumber=16> (дата обращения: 15.07.2024).

²⁰ Knudsen and Hillman want aliens to work // The New York Times. January 10, 1942. <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1942/01/10/85505024.html?pageNumber=18> (дата обращения: 15.07.2024).

²¹ Reston, J. Aims to coordinate government news // The New York Times. January 12, 1942. <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1942/01/12/85201497.html?pageNumber=10> (дата обращения: 15.07.2024).

²² Bill hits treason by alien citizens // The New York Times. January 14, 1942. <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1942/01/14/85204275.html?pageNumber=8> (дата обращения: 15.07.2024).

определенным условием достижения компромисса между представителями либерального и консервативного крыла внутри комитета Дикштейна (по иммиграции и натурализации).

В соответствии с новыми правилами, вступившими в силу 15 января 1942 г., каждый немецкий, итальянский или японский резидент в возрасте 14 лет и старше был обязан носить при себе удостоверение личности с фотографией, подписью и отпечатком пальца. Тогда же вступили в силу поправки в Закон о гражданстве 1940 г. В случае нарушения новых правил виновник подлежал интернированию²³.

Росту антияпонских настроений в конце января 1942 г. способствовали агрессивные действия самой Японии в Юго-Восточной Азии и Тихом Океане, где она теснила США. 29 января начали звучать открытые призывы к интернированию представителей «пятой колонны». Предлагалось очистить сферу государственных и городских служб от лиц японской национальности. Исключение не предусматривалось даже для граждан. Пока еще рассматривалось только перемещение японцев из прибрежной военной зоны. Мэр Лос-Анджелеса Боурон призвал «ради безопасности города уволить всех сотрудников, имеющих связи с Японией». По его мнению, «многие из них имели доступ к важным городским записям, картам и прочим ценным документам». В это же время появляются заявления представителей ВМС США о том, что им нужен остров Терминал, который населяли 2100 японцев, что свидетельствовало о скором начале их переселения. Дэн Галлахер, исполняющий обязанности президента Наблюдательного совета Сан-Франциско, выступил с заявлением, призывающим ввести эмбарго на ввоз сельскохозяйственной продукции японских фермеров. В этом же выпуске впервые публикуется информации о задержании шести человек японской национальности (трое граждан и трое резидентов) обвиненных в осуществлении японской пропаганды и нарушении Закона о регистрации иностранных агентов 1938 г.²⁴

29 января 1942 г. издается указ о выселении «вражеских иностранцев» из жизненно важных областей Сан-Франциско и Лос-Анджелеса в срок до 24 февраля. Данный шаг, как заявил Генеральный прокурор Ф. Биддл, был предпринят в соответствии с рекомендациями военного министерства²⁵. Можно наблюдать, как образовалась перспектива перехода «японского вопроса» из-под юрисдикции министерства юстиции в ведомство Генри Стимсона, военного министра США.

В соответствии с заявлением прокурора Корреа от 29 января, резидентам вражеских государств не стоит опасаться какого-либо вмешательства в частную жизнь, если они ведут себя в соответствии с законодательством США. Он также пояснил, что в стране проживает лишь небольшая часть жителей, чья лояльность не подтверждена и позволяет квалифицировать их как «вражеских иностранцев». По его подсчетам, количество лиц, задержанных как потенциально опасные для безопасности государства, составляет менее трех тысяч. Он также добавил, что «обращение с иностранцами в США резко контрастирует с обращением даже с гражданами в странах, где правят диктаторы»²⁶.

31 января 1942 г. в Сан-Франциско были запланированы различные меры в отношении «вражеских иностранцев». По заявлению губернатора Калифорнии Калберта Олсона, предусматриваются меры по аннулированию профессиональных и коммерческих лицензий примерно 5 тыс. иностранцев, т.к. кампания против «потенциальных представителей

²³ Axis aliens to get cards of identity // The New York Times. January 16, 1942. <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1942/01/16/85208952.html?pageNumber=15> (дата обращения: 15.07.2024).

²⁴ Davies, L. West coast moves to oust Japanese // The New York Times. January 29, 1942. <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1942/01/29/85020540.html?pageNumber=12> (дата обращения: 15.07.2024).

²⁵ Orders aliens out of zones on coast // The New York Times. January 30, 1942. <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1942/01/30/85218221.html?pageNumber=11> (дата обращения: 15.07.2024).

²⁶ Alien status in U.S. explained by Correa // The New York Times. January 30, 1942. <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1942/01/30/85218223.html?pageNumber=11> (дата обращения: 15.07.2024).

пятой колонны набрала быстрые обороты на западном побережье». В свою очередь, Эрл Уоррен, генеральный прокурор штата, анонсировал закрытие сотен японских организаций, функционирующих в Калифорнии незаконно, пригрозив их сотрудникам штрафами и тюремным заключением. Губернатор Олсон дал указание министру сельского хозяйства аннулировать лицензии на продажу продуктов питания у всех торговцев-резидентов стран «оси» и пообещал распространить данную практику «на всех врачей, дантистов, учителей, фармацевтов, архитекторов, гражданских работников». В ходе начавшейся кампании ограничения и лишения трудовых, экономических и имущественных прав, прозвучало мнение о недопустимости владения землей японскими собственниками в соответствии с Законом штата о земле иностранцев, который гласил, что лица, не имеющие права на получение американского гражданства, не могут владеть землей сельскохозяйственного назначения. Также нападкам подверглись и частные школы иностранных языков, управляемые и финансируемые гражданами иностранных государств. Они репрезентировались как пропагандистские центры. Прозвучали призывы убрать всех «вражеских иностранцев» с постов в области гражданской обороны и запретить обучение данной категории жителей США²⁷.

1 февраля 1942 г. произошло расширение стратегических зон, полностью закрытых для «вражеских иностранцев». Однако, несмотря на принятые меры, некоторые группы продолжили настаивать на удалении резидентов стран «оси» на расстояние в 150 миль от западного побережья вглубь страны²⁸.

В начале февраля начались массовые рейды против жителей стратегических зон. Одной из первых целей стало рыбацкое поселение на острове Терминал в Лос-Анджелесе. Было произведено 200 арестов. Женщины и американцы японского происхождения не были взяты под стражу. По сообщениям агентов ФБР, в домах некоторых резидентов «были обнаружены собранные чемоданы, словно они готовили побег»²⁹.

3 февраля 1942 г. состоялась конференция в Сакраменто, на которой присутствовали: губернатор Калифорнии Калберт Олсон, глава Западного оборонного командования Джон Л. Де Витт, координатор отдела по контролю за иностранцами в данном районе Томас К. Кларк и другие официальные лица. На конференции была разработана предварительная программа защиты штата от саботажа. Подробности данной программы не были раскрыты, но губернатор Олсон сделал заявление, что к данной проблеме подошли «не только с точки зрения обеспечения должного уровня оборонных мер, но и с точки зрения защиты лояльных японских граждан от возможного ущерба из-за невозможности определения наличия у них симпатий по отношению к Японии». Он также добавил, что участники конференции хотели избежать, по возможности, «радикальных действий относительно переселения всех японцев и их размещения во внутренних районах Соединенных Штатов на время войны». По мнению Олсона, данные планы «потребуют полного содействия лояльных японских граждан в их реализации, а также дадут им возможность продемонстрировать свою преданность и решимость в помощи с разгромом Японии и других держав “оси”»³⁰. Выступления официальных лиц подводили к необходимости проведения кампании принудительного переселения японцев.

4 февраля 1942 г. была введена еще одна мера, ограничивающая свободу перемещения японцев. Были установлены зоны, в которых «вражеские иностранцы» должны находиться в

²⁷ Davies, L. Coast axis aliens face business ban // The New York Times. January 31, 1942. <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1942/01/31/85512792.html?pageNumber=8> (дата обращения: 15.07.2024).

²⁸ Davies, L. Enemy alien curb extended on coast // The New York Times. February 1, 1942. <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1942/02/01/85513879.html?pageNumber=31> (дата обращения: 15.07.2024).

²⁹ Davies, L. Japanese seized in raid on coast // The New York Times. February 3, 1942. <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1942/02/03/85221219.html?pageNumber=14> (дата обращения: 15.07.2024).

³⁰ Davies, L. Japanese seized in raid on coast // The New York Times. February 3, 1942. <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1942/02/03/85221219.html?pageNumber=14> (дата обращения: 15.07.2024).

своих домах с 9 часов вечера до 6 часов утра. Фактически был введен комендантский час, но исключительно в отношении резидентов (в большинстве своем японцев). В разработке данных мер все активнее проявляло себя военное министерство, освобождая территории в 150 миль вглубь страны в некоторых районах США. Томас Кларк заявлял, что «в настоящее время не предусмотрено никаких лагерей для тысяч интернированных людей, которые должны найти новый дом: одни – к 15 февраля, другие – к 24 февраля». Также обсуждался вопрос о создании поселений фермеров внутри страны, но руководители калифорнийского округа Импириал, находящегося на удалении от побережья, выступили резко против, заявив, что в данном округе достаточно японцев, о которых способно позаботиться руководство округа³¹.

В выпуске от 5 февраля был опубликован анонс «Желтой книги» – итогового документа о деятельности комитета Дайса, раскрывающего японскую шпионскую сеть, насчитывающую около 150 тыс. членов. По заявлению представителей комитета, им удалось получить доказательства того, что Япония обладает подробной информацией о работе городских коммунальных служб Лос-Анджелеса. По их данным, соответствующие сведения были отправлены в Токио мужчинами, трудоустроенными в местах, где был доступ к этой информации³². Это сообщение вызвало череду «облав» на лиц японской национальности, которая продолжалась вплоть до непосредственного начала процесса интернирования. У задержанных находили запрещенные материалы пропагандистского характера, бинокли, оружие, коротковолновые радиоприемники, карты и прочие «подозрительные» предметы. В сводках о задержаниях делается акцент на прошлом арестованных, будь то служба в императорской армии или работа полицейским в Японии. Авторы публикаций «подогревали» общественное мнение относительно наличия «пятой колонны», состоящей из японцев, проживавших в США.

СМИ начинают формировать образ японцев как потенциальных предателей и коллаборационистов. В статьях рассказывалось о задержанных ФБР японцах, которые говорили, что не будут сражаться против Японии: «лучше умереть, чем сражаться против Японии». Отмечалось, что задержанные были членами «закрытого «Ниппон-клуба» Сан-Франциско и японской организации “Хеймуша-кай”»³³.

15 февраля публикуется опровержение Томаса Кларка в адрес обозревателя Уолтера Липпмана, заявившего что «Тихоокеанскому побережью угрожает неминуемая опасность нападения, и что вдоль западной береговой линии осуществляется связь между подразделениями японского императорского флота на море и японскими агентами на суше». Т. Кларк заявил: «Я бы хотел, чтобы господин Липпман назвал нам имена и места, если есть сведения о лицах, передающих информацию вдоль побережья. Что касается его сообщения о том, что побережье находится в непосредственной опасности вторжения, то это сильное преувеличение. Я каждый день на связи с армией. Если господин Липпман хочет превратить Калифорнию в штат-призрак, он может продолжать писать подобные истории, которые на самом деле не имеют под собой никакого основания. Это не значит, что беспокоиться не о чем. Я думаю, что мы должны сохранять бдительность и впредь. Только так мы сможем бороться с опасностью саботажа»³⁴. Кларк не приводит весомых доказательств шпионской деятельности на западном побережье. Однако в его высказывании допускаются существенные оговорки, не предусматривающие смягчения отношения к потенциальным представителям «пятой колонны».

³¹ Davies, L. California aliens face changed way // The New York Times. February 5, 1942. <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1942/02/05/85229953.html?pageNumber=7> (дата обращения: 15.07.2024).

³² Dies will report on Japanese spies // The New York Times. February 5, 1942. <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1942/02/05/85229969.html?pageNumber=7> (дата обращения: 15.07.2024).

³³ Davies, L. Map tighter curbs on coast Japanese // The New York Times. February 14, 1942. <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1942/02/14/88102900.html?pageNumber=6> (дата обращения: 15.07.2024).

³⁴ Davies, L. Facts demanded on coast danger // The New York Times. February 15, 1942. <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1942/02/15/85515737.html?pageNumber=30> (дата обращения: 15.07.2024).

В свою очередь, Томас К. Кларк заявил, что он «намерен рекомендовать, чтобы все лица, считающиеся враждебными к США, были удалены из жизненно важных районов, уже обозначенных, а также дополнительных, которые озвучены военным и военно-морским ведомствами. Этими лицами будут и граждане, и иностранцы». Заявление Т. Кларка подтверждало, что граница между образом «вражеского иностранца» и японца – добропорядочного и лояльного гражданина США фактически отсутствует³⁵.

18 февраля палата представителей Конгресса США приняла законопроект о выделении денежных средств Государственному департаменту и министерству юстиции, а также включила в него поправку, предусматривавшую выделение 300 тыс. долларов из средств ФБР на расследование деятельности Японии на западном побережье. Данная поправка была предложена представителем от Калифорнии Картером и была принята после того, как несколько конгрессменов обвинили Генерального прокурора Ф. Биддла в неспособности устранить потенциальную японскую угрозу на западном побережье. Другой представитель от штата Калифорния, Шеппард, заявил, что «господин Биддл продвигался слишком медленно в своих мерах по отношению к иностранцам, не уделяя достаточно внимания вопросу двойного гражданства у некоторых японцев». Он также произнес: «Сейчас не время думать о гражданских свободах по отношению к японцам. Никто, обладающий хоть каким-либо знанием японской психологии, не может оценить всю значимость гражданских свобод в этом случае, поскольку это представляет собой национальную опасность. Общее число японских граждан с двойным гражданством, подавших заявление на освобождение от статуса гражданина Японии, настолько мало, что определенно указывает на их верность Японии в большинстве случаев. Угроза «пятой колонны» является одной из самых серьезных опасностей в Калифорнии»³⁶. Несмотря на то, что высказывание касается определенной категории лиц (с двойным гражданством), образ японца – внутреннего врага, пусть и гражданина, был сформирован в американском политическом дискурсе.

20 февраля 1942 г. во исполнение указа №9066 Ф. Рузвельт уполномочил военного министра Генри Стимсона начать перемещение всех граждан японского происхождения и иностранцев из обозначенных стратегических зон военного контроля. Официальные лица «намекнули», что данный указ не будет применяться в отношении немцев или итальянцев, а также где-либо, кроме Тихоокеанского побережья. В указе представителям военного командования были предоставлены самые широкие полномочия в определении стратегических зон. Генеральный прокурор Ф. Биддл отрицал введение «военного положения» на этих территориях, т.к. действие гражданских прав на этих территориях не будет приостановлено. Но все же он допустил существенную оговорку о том, что суды откажутся рассматривать вопросы нарушения прав, заявив, что это вопрос, который решает военное ведомство. Так начался процесс непосредственного интернирования всего японского населения, вне зависимости от наличия гражданства. В условиях продолжавшейся войны с Японией задача по исполнению указа была возложена на военное ведомство. Официальным поводом для подписания указа об интернировании японцев стал, как отмечала The New York Times, «растущий поток протестов на западном побережье против присутствия там граждан японского происхождения». Жители западных прибрежных штатов «считают данный факт опасным для национальной безопасности». Генеральный прокурор Френсис Биддл заявил: «этот шаг был предпринят в основном для защиты самих японцев». Также он выразил полную надежду на сотрудничество с их стороны. Безусловно, данные меры вызвали недоумение и страх среди большого количества граждан США японского происхождения, до этого не подвергавшимся

³⁵ Davies, L. Facts demanded on coast danger // The New York Times. February 15, 1942. <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1942/02/15/85515737.html?pageNumber=30> (дата обращения: 15.07.2024).

³⁶ Votes fund to FBI to track Japanese // The New York Times. February 19, 1942. <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1942/02/19/85021091.html?pageNumber=11> (дата обращения: 15.07.2024).

никаким ограничительным мерам. Несмотря на это, они выступили с заявлениями, в которых призывали к полному содействию правительству, продемонстрировав лояльность в условиях военного времени³⁷.

В публикациях газет западного побережья в январе-феврале 1942 г., как и в *The New York Times*, приводятся сводки об аресте японских резидентов, граждан японского происхождения, публикуется информация о вынужденном ограничении гражданских прав японского населения США. Непосредственно перед публикацией указа №9066 в СМИ западных штатов японцы (как граждане, так и резиденты) представлены как опасная для национальной безопасности категория жителей страны.

Анализ газетных публикаций западных штатов позволяет увидеть более агрессивную риторику калифорнийского издания *Imperial Valley Press* в отношении американских японцев, чем федеральной *The New York Times*. На наш взгляд, такая риторика была вызвана наличием межэтнических конфликтов на расовой почве, что было характерно для Калифорнии, где конфликтный потенциал между японцами и остальными жителями США начал возрастать фактически сразу же после начала японской иммиграции в XIX в. Одной из основных причин возникновения конфликтных ситуаций было восприятие трудовой деятельности японских иммигрантов в штате в качестве экономической угрозы. Для противодействия был принят Закон об иностранной земле 1913 года, который запрещал иммигрантам, не имеющим права на гражданство, покупать землю в Калифорнии, а также ограничивал срок ее аренды тремя годами. Закон об иммиграции 1924 г. предусматривал введение ограничений, допускающих только иммиграцию лиц, имеющих право на натурализацию, фактически лишив японцев права на въезд в Соединенные Штаты. Данные меры, помимо прочих целей, были направлены на ограничение переселения японцев и уменьшение конкуренции с их стороны. Таким образом, после вступления США во Вторую мировую войну межнациональные противоречия в американском обществе обострились и приобрели агрессивный характер.

Заключение

Обращение к американским СМИ военного времени, в частности, публикациям газеты *The New York Times*, позволило проследить трансформацию представлений об американских японцах в первые месяцы после вступления США во Вторую мировую войну (декабрь 1941 – февраль 1942 г.). При этом изменение общественного мнения по отношению к японскому населению Соединенных Штатов с декабря 1941 г. по февраль 1942 г. происходило в три периода:

Начальный период может быть охарактеризован как весьма умеренный, он длился с момента налета японских ВВС на Перл-Харбор и вступления США во Вторую мировую войну до конца декабря 1941 г. После 7 декабря 1941 г. на страницах анализируемых источников прослеживаются сдержанная риторика властей по отношению к японскому населению США. Также звучат призывы отделить нелояльных японцев от лояльных и провести избирательную и конституционную политику, направленную на выявление и изоляцию «вражеских иностранцев».

Второй период продлился с конца декабря 1941 г. до конца января 1942 г. Для него свойственно усиление антияпонских настроений и появление призывов к изоляции всех японцев. Уже в конце декабря наблюдаются первые высказывания о необходимости

³⁷ Wood, L. Army gets power to move citizens or aliens inland // *The New York Times*. February 21, 1942. <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1942/02/21/85271611.html?pageNumber=1> (дата обращения: 15.07.2024).

интернирования американских японцев. А в начале января в их отношении устанавливаются правовые, имущественные и трудовые ограничения. Позже начинают звучать призывы ввести процедуру лишения гражданства в отношении «вражеских иностранцев». Граница между «вражескими иностранцами» и американцами японского происхождения фактически стерта.

Заключительный период изменения общественного мнения длился с конца января до 20 февраля 1942 г. В последних числах января в прессе начинают освещаться противозаконная деятельность японцев в США, несоблюдение ими предписанных после 7 декабря 1941 г. правил поведения. На смену образу «японца-соседа» приходит образ «японца – потенциального врага». В это же время обозначаются стратегические зоны, которые должны покинуть японские резиденты. Все чаще звучат призывы к переселению всех японцев вглубь страны в специально созданные лагеря из-за невозможности идентификации лояльных граждан японского происхождения. 20 февраля решение «японского вопроса» преимущественно переходит под юрисдикцию министерства обороны. Начинается процесс массового переселения всего японского населения, проживающего на территории западного побережья США, вглубь страны на территорию специально созданных лагерей под руководством Управления по переселению во время войны.

Можно выделить комплекс взаимосвязанных причин, приведших к трансформации общественного мнения в отношении японского населения США в декабре 1941 г. – феврале 1942 г. К ним относятся: «военная истерия» в американском обществе, спровоцированная стремительным продвижением японских войск на Тихоокеанском театре военных действий и, как следствие, гибель американских солдат в сражениях с японской армией; многолетние межэтнические противоречия между японским населением и остальными жителями США на западном побережье, а также расовые предрассудки, которые существовали в американском обществе; деятельность некоторых политиков, чиновников, деятелей культуры и средств массовой информации, направленная на нагнетание антияпонских настроений; неспособность политического руководства и государственных органов обеспечить контроль общественного мнения и остановить рост агрессии по отношению к американским японцам; опасения правительства по поводу возможной подрывной деятельности со стороны представителей японского этноса в стране.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Александр Ч.С. Хорошая ли это была война для Америки? *Союзники в войне. 1941 – 1945* / под ред. А.О. Чубарьяна, У.Ф. Кимболла, Д. Рейнолдса. Москва: Наука. 1995. С. 303–325.
- Суржик Д. В. «Японский вопрос» в США в годы Второй мировой войны // *Новые исторические перспективы*. 2016. № 2 (3). С. 61–71.
- Хованская Е.С. Трагедия интернирования в годы Второй мировой войны в современном художественно-документальном японско-американском дискурсе // *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки*. 2017. №1 (159). С. 264–273.

REFERENCES

- Aleksander, C. (1995). Khoroshaya li eto byla voyna dlya Ameriki? [Was It a Good War for America?] In A. Chubar'yan, U. Kimboll, D. Reynolds (eds.), *Soyuzniki v vojne. 1941–1945* [Allies in the War. 1941–1945] (pp. 303–325). Moscow: Nauka. (In Russian).

- Hovanskaya, E. (2017). Tragediya internirovaniya v gody Vtoroi mirovoi voyny v sovremennom khudozhestvenno-dokumental'nom yaponsko-amerikanskom diskurse [The Tragedy of Internment in the Years of World War II in the Contemporary Literary and Documentary Japanese-American Discourse]. *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* [Kazan University Bulletin. Series: Humanities], 1 (159), 264–273. (In Russian).
- Surzhik, D. (2016). «Yaponskii vopros» v SShA v gody Vtoroi mirovoi voyny [«Japanese Question» in the U.S. in the Years of World War II]. *Novye istoricheskie perspektivy* [New Historical Perspectives], 2 (3), 61–71. (In Russian).

* * *

- Daniels, R. (1971). *Concentration Camps USA: Japanese Americans and World War II*. New York: Holt, Rinehart and Winston.
- Grodzins, M. (1949). *Americans Betrayed: Politics and the Japanese Evacuation*. Chicago: University of Chicago Press.
- Stanley, G. (1992). Justice Deferred: A Fifty-Year Perspective on Japanese-Internment Historiography. *Southern California Quarterly*, 2 (74). Retrieved July 15, 2024, from <http://www.jstor.org/stable/41171622>.
- TenBroek, J., Barnhart, E., Matson, F. (1958). *Prejudice, War and the Constitution*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.

Поступила в редакцию: 03.09.2024

Received: 03 September 2024

Принята к публикации: 26.01.2025

Accepted: 26 January 2025

DOI: 10.55105/2500-2872-2025-1-77-94

Политика Японии в отношении Афганистана после прихода к власти движения «Талибан»

О.А. Добринская

Аннотация. В статье освещены новейшие тенденции развития японской внешней политики в отношении Афганистана в условиях прихода к власти движения «Талибан»*. Показано, что Япония участвовала в решении проблем Афганистана еще в 1990-е гг., а после начала антитеррористической операции США в 2001 г. ее присутствие в регионе вышло на новый уровень. Вклад Японии в постконфликтное урегулирование носил многоплановый характер, в результате чего Токио не только наладил новые форматы взаимодействия с широким кругом акторов, но и выстроил устойчивые доверительные отношения с различными политическими силами в Афганистане, а также приобрел положительную репутацию среди населения этой страны, став одним из главных доноров помощи в период 2002–2021 гг. Японский опыт помощи Афганистану в 1990-е – 2020-е гг., а также ее экономическая мощь определяют интерес со стороны талибов. Реконфигурация политических сил в регионе в результате прихода новой власти в Афганистане затрагивает политические и экономические интересы Японии, несмотря на географическую отдаленность и отсутствие инвестиционных проектов до смены режима. Токио продолжает диалог с Кабулом как на официальном уровне, так и с привлечением неправительственных организаций, однако воздерживается от каких-либо значимых международных инициатив, предпочитая оказывать мягкое дипломатическое давление с акцентом на обеспечение прав человека, сочетая его с оказанием гуманитарной помощи населению страны. В условиях снижения интереса к Афганистану со стороны Вашингтона Токио ищет новые пути сотрудничества с международным сообществом по проблемам этой страны, в том числе налаживает более тесный диалог с мусульманским миром.

Автор: Добринская Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент Дипломатической академии МИД РФ (адрес: 119034, Москва, ул. Остоженка, 53/2, стр. 1), старший научный сотрудник Института Китая и современной Азии (117997, Москва, Нахимовский проспект, 32). ORCID: 0000-0002-5967-366X; E-mail: doa_78@mail.ru

Ключевые слова: Япония, Афганистан, движение «Талибан», Центральная Азия.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Добринская О.А. Политика Японии в отношении Афганистана после прихода к власти движения «Талибан» // Японские исследования. 2025. № 1. С. 77–94. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-1-77-94

Japan's Afghanistan policy after the Taliban's return to power

O.A. Dobrinskaya

Abstract. The article highlights the latest trends in the development of Japanese foreign policy towards Afghanistan in the context of the Taliban coming to power. It is shown that Japan participated in addressing the problems of Afghanistan back in the 1990s, and, after the start of the US anti-terrorist operation in 2001, its presence in the region reached a new level. Japan's contribution to post-conflict resolution was multifaceted, and, as a result of it, Japan not only established new formats of interaction with a wide range of actors, but also built stable, trusting relationships with various political forces in Afghanistan. Japan also acquired a benign reputation among the population of this country, becoming one of the main donors of aid in the period of 2002–2021. Japan's experience in assisting Afghanistan in the 1990s – 2020s, as well as its economic power, determine the Taliban's interest. The reconfiguration of political forces in the region as a result of the arrival of a new government in Afghanistan affects the political and economic interests of Japan, despite the geographical remoteness and the absence of investment projects before the regime change. Tokyo continues its dialogue with Kabul both at the official level and with the involvement of non-governmental organizations, but refrains from any significant international initiatives, preferring to exert soft diplomatic pressure with an emphasis on ensuring human rights, combining it with the provision of humanitarian assistance to the country's population. In the face of declining interest in Afghanistan on the part of Washington, Tokyo is looking for new ways of cooperation with the international community on the problems of this country, including establishment of a closer dialogue with the Muslim world.

Keywords: Japan, Afghanistan, Taliban, Central Asia.

Author: *Dobrinskaya Olga A.*, Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Diplomatic Academy of the MoFA of Russia (address: Russia, 119034, Moscow, Ostozhenka St, 53/2, Bldg. 1), Senior Research Fellow of the Institute of China and Contemporary Asia (address: Russia, 117997, Moscow, Nakhimovsky Prospekt, 32). ORCID: 0000-0002-5967-366X; E-mail: doa_78@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Dobrinskaya, O.A. (2025). *Politika Yaponii v otnoshenii Afganistana posle prikhoda k vlasti dvizheniya «Taliban»* [Japan's Afghanistan policy after the Taliban's return to power]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 1, 77–94. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-1-77-94

Введение

Ситуация в Афганистане остается серьезным вызовом для региональной безопасности. Возвращение к власти движения «Талибан» (ДТ)¹ как следствие провала попыток обеспечить устойчивость режима в Кабуле с помощью иностранных войск привело к гуманитарной катастрофе и международной изоляции нового правительства.

Ученые отмечают, что самое главное, что отличает «новый» «Талибан» от старого, – это стремление к международной легитимности, которой у прежнего «Талибана» никогда не было. [Амини 2021, с.104] Талибы находятся в активном поиске партнеров по диалогу, и хотя на момент написания статьи ни одно государство не признало правительство Афганистана, отношение в мире к новой власти неодинаково. В то время как США заморозили диалог с ДТ, ряд государств, прежде всего, соседние страны поддерживают рабочие контакты с нынешним правительством Афганистана, в стране действуют посольства 14 иностранных

¹ Организация признана террористической в Российской Федерации.

государств, а Исламский Эмират Афганистан (ИЭА, используемое талибами название) имеет диппредставительства в 38 странах. В то время как Запад придерживается подхода, ставящего во главу угла права человека, соседние страны больше озабочены вопросами безопасности и экономического взаимодействия.

С августа 2021 г. Япония ведет постоянный диалог с талибами, хотя Токио повторяет, что не намерен признавать новое правительство, а ДТ остается² в японском списке террористических организаций. В статье исследовано содержание политики Японии в отношении Афганистана на нынешнем этапе, проанализировано влияние смены власти на японские национальные интересы, а также рассмотрены перспективы участия Японии в решении проблем этой страны. Цель статьи заключается в оценке последствий смены власти в Афганистане для Японии, исследовании возможных путей развития афганского направления японской внешней политики в контексте меняющегося баланса сил в регионе, находящемся вблизи от российских границ.

Методы исследования

В процессе исследования был применен подход политического реализма, рассматривающий политику Японии в отношении Афганистана через призму политических и экономических интересов. Можно констатировать, что эта страна не является приоритетной с точки зрения жизненно важных интересов Токио в силу географической отдаленности и отсутствия общих границ. Экономическая составляющая японских национальных интересов определяется наличием минеральных ресурсов и транзитным потенциалом Афганистана. В то же время следует отметить, что до сих пор он не являлся поставщиком в Японию энергоресурсов или других критически важных для нее полезных ископаемых. Значение Афганистана как транзитного маршрута для разблокирования ресурсов Центральной Азии неоднократно подчеркивалось представителями японских политических и деловых кругов. В 1990-х – начале 2000-х гг. японские компании проявляли интерес к проекту газопровода из Туркменистана через Афганистан и Пакистан (сейчас это проект ТАПИ, Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия), а Азиатский банк развития (АБР), где Япония имеет решающий голос, с 2002 г. финансировал технико-экономическое обоснование (ТЭО) проекта. [Добринская 2020, с. 199] Японские компании участвуют в разработке месторождения Галкыныш, которое станет отправной точкой трубопровода (соответствующее соглашение было подписано в 2015 г.). В последнее время в условиях нарастания глобального геополитического противостояния Япония изучает варианты диверсификации цепочек поставок. Одним из таких вариантов является маршрут из порта Карачи в Пакистане, через Афганистан в Центральную Азию и затем в Японию³. Стабилизация положения в Афганистане, безусловно, будет способствовать продвижению проектов, представляющих для Японии интерес.

Японцы заинтересованы в сохранении стабильности в Центральной Азии, одним из условий чего является нормализация внутривосточной ситуации в Афганистане.

² テロリズム要覧2022 [Обзор по терроризму 2022]. Управление общественной безопасности Японии. <https://www.moj.go.jp/content/001375893.pdf> (дата обращения: 28.03.2025).

³ 令和6年度「国際物流の多元化・強靱化に向けた実証調査」の実証輸送参加事業者を選定しました。安定的なグローバルサプライチェーンの確保に向けて国土交通省 [Выбраны участники пилотного проекта «Экспериментальное исследование по диверсификации и укреплению международной логистики» в 2024 ф.г. На пути к обеспечению стабильных глобальных цепочек поставок]. Министерство земли, инфраструктуры, транспорта и туризма Японии. https://www.mlit.go.jp/report/press/tokatsu01_hh_000850.html (дата обращения: 19.03.2025).

Рассмотрение деятельности Японии через призму парадигмы реализма позволяет предположить, что в политическом плане ее присутствие в Афганистане после 11 сентября 2001 г. было обусловлено важностью демонстрации лояльности США, своему ключевому военно-политическому союзнику, на чью поддержку Япония рассчитывает в геополитическом противостоянии с Китаем и КНДР. После начала антитеррористической операции Япония направила Силы самообороны в Индийский океан для оказания помощи международной коалиции, а также взяла на себя существенную часть расходов на постконфликтное восстановление Афганистана.

В то же время активность Токио на афганском треке было бы неверно сводить к задачам укрепления военно-политического союза с Вашингтоном. Анализ фактов и риторики японских представителей позволяет предположить, что благодаря участию в решении проблем Афганистана Япония смогла добиться и других, более широких, целей, связанных с ее международными позициями, подкрепления ее статуса как глобальной невоенной державы, способной даже при наличии конституционных ограничений вносить вклад в обеспечение международной безопасности. Внимание Токио к гуманитарным аспектам постконфликтного восстановления подтверждает важность этого направления в международном культурном и экономическом сотрудничестве. Это обуславливает необходимость выхода за рамки реализма и обращения к неолиберальному подходу для исследования японского внешнеполитического курса в регионе.

В процессе исследования использовались исторический метод, метод сравнительного анализа, контент-анализа и ивент-анализа. В статье были рассмотрены основные японские инициативы в отношении Афганистана на международной арене, параметры содействия развитию этой страны, проанализированы выступления японских дипломатов на международных площадках, интервью, содержание встреч японских представителей с коллегами из Афганистана. В статье использовалась научная литература, в которой освещены основные проблемы Ближнего Востока и Центральной Азии после смены власти в Афганистане. В контексте рассматриваемой темы особую ценность представляют комментарии японских аналитиков, многие из которых имели опыт дипломатической работы на афганском направлении. В статье также кратко освещена история японских инициатив в отношении Афганистана, что способствует пониманию ее взаимоотношений с нынешней властью.

Проблематика японской политики в отношении Афганистана как самостоятельный предмет исследования редко фигурирует в российских научных трудах. Участие Японии в антитеррористической операции освещено в статье И.А. Латышева [Латышев 2002], анализ ее роли в восстановлении Афганистана содержится в работах О.А. Добринской [Добринская 2012, 2020; Dobrinskaya 2022], О.В. Парамонова [Парамонов 2021], однако в основном он касается японских инициатив до смены власти в Афганистане. Данная статья развивает указанную тему, рассматривая новейшие события в отношениях Токио и Кабула и анализируя их через призму истории японского присутствия в Афганистане.

Роль Японии в афганском урегулировании: итоги двадцати лет

Вклад Японии в стабилизацию ситуации в Афганистане носит многоплановый характер. Еще в 1990-е гг. Япония предпринимала попытки участвовать в межафганском примирении: в декабре 1995 г. представитель в ООН Х. Овада предложил Инициативу мира и восстановления Афганистана [Miyahara 2021]. Япония выступала посредником в переговорах между различными политическими силами в стране, оказывала содействие в реализации программ

переселения беженцев, а также предпринимала попытки спасти буддийское наследие Афганистана [Dobrinskaya 2022, p. 96–97]. Выдвинутые после сентября 2001 г. японские инициативы стали следствием начала антитеррористической операции и были продиктованы соображениями помощи Вашингтону. Япония направила Силы самообороны в Индийский океан для оказания снабженческой поддержки силам США и коалиции, проведения операций по поиску и спасению. Одновременно с этим она вела активную дипломатическую работу по разъяснению мировому сообществу сути проводимой антитеррористической операции с целью обретения поддержки и понимания со стороны других государств, а также выступила соорганизатором конференции по восстановлению Афганистана в 2002 г. [Добринская 2012, с. 12]. В то же время анализ японской активности позволяет сделать вывод о том, что она не ограничивалась поддержанием инициатив союзника.

Во-первых, Токио постарался свести к минимуму участие Сил самообороны в антитеррористической операции и отказался направлять свой персонал в составе Международных сил содействия безопасности (МССБ), сосредоточившись на невоенных аспектах восстановления в соответствии с концепцией консолидации мира, предполагавшей помощь по трем направлениям: политический процесс, безопасность и гуманитарное содействие. Япония внесла вклад в становление политической системы Афганистана после 2001 г., в частности, в разработку конституции, проведение президентских и парламентских выборов. В рамках проводимой странами Большой Семерки реформы сектора безопасности она реализовала программы по разоружению, социальной реабилитации и профессиональной переподготовке бывших боевиков (DDR и DIAG), а также содействовала укреплению сил безопасности Афганистана, что включало выплату заработной платы Афганской национальной полиции, строительство учебных центров для полиции и сотрудников пограничного контроля в Афганистане, организацию обучающих программ.

За 20 лет с 2001 г. Япония выделила около 6,9 млрд долл. в качестве помощи Афганистану, что сделало ее вторым по величине донором после США. Эта помощь имела многоплановый характер и касалась различных аспектов постконфликтного восстановления. Большую часть японского содействия составили проекты социально-экономической помощи населению, например, в сфере здравоохранения, обучения девочек, содействия развитию сельского хозяйства в афганских провинциях. Отличительной чертой работы японцев в Афганистане являлся тесный контакт с местным населением, как в плане распределения помощи, так и обеспечения рабочих мест, а также демонстрация интереса к жизни местных общин, что, по мнению сотрудников ЯАМС, позволило им успешно реализовать проекты [JICA 2012, pp. 218–219].

В процессе реализации гуманитарных проектов японские НПО сотрудничали с натовскими Группами восстановления провинций, что стало важной вехой в налаживании практического взаимодействия Японии и Североатлантического альянса. Были выделены значительные средства на инфраструктурные проекты, включающие строительство кольцевой дороги, соединяющей Кабул, Кандагар и Герат, дорог на границах Афганистана, Пакистана, Узбекистана, моста между Афганистаном и Таджикистаном и других объектов инфраструктуры в Таджикистане.

Афганский вопрос изначально присутствовал в повестке дня многостороннего диалога «Центральная Азия плюс Япония» (ДЦАЯ) – учрежденного в 2004 г. многостороннего механизма обсуждения проблем региона, целью которого является содействие внутрирегиональной интеграции. В 2006 г. Афганистан был приглашен в качестве наблюдателя на заседание министров иностранных дел ДЦАЯ. В том же году японский министр иностранных дел Т. Асо выдвинул концепцию «Коридора мира и стабильности», объединяющего Центральную Азию и Афганистан, уделив особое внимание «южному маршруту», связывающему Центральную

Азию с морем через Афганистан и Пакистан⁴. Япония неоднократно подчеркивала важность налаживания взаимодействия Афганистана и Центральной Азии, которую она воспринимает как единое пространство.

В вопросах безопасности на границе Афганистана и соседних государств Япония сотрудничала с широким кругом внешнеполитических партнеров. Совместно с Управлением ООН по наркотикам и преступности она финансировала проекты по управлению границами. Япония выступила одним из основных доноров Колледжа персонала пограничных служб ОБСЕ в Душанбе, курсы которого посещали не только сотрудники пограничных служб государств-участников, но и Афганистана, оказала поддержку проекту ОБСЕ по укреплению потенциала пограничной службы в Туркменистане, в котором также участвовали представители Афганистана⁵. Совместно с ЕС Япония с 2008 г. провела серию конференций, посвященных управлению границами Таджикистана и Афганистана и трансграничному сотрудничеству⁶.

Проблематика Афганистана стала связующим звеном между Россией и Японией. Признанием роли Японии в постконфликтном восстановлении стало приглашение ее на конференцию ШОС по Афганистану, прошедшую в марте 2010 г. в Москве [Добринская 2020, с. 125]. Результатом двустороннего сотрудничества стала программа подготовки антинаркотических кадров из Афганистана и Центральной Азии на базе Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России в г. Домодедово⁷. В рамках совместного проекта России, Японии и Управления ООН по наркотикам и преступности в сентябре 2020 г. в Кабуле началось строительство Кинологического центра Антинаркотической полиции МВД Афганистана⁸.

Возможности сотрудничества Японии и Индии по южноазиатской повестке, которая может затронуть и Афганистан, также неоднократно отмечались как японскими, так и отечественными аналитиками [Парамонов 2021]. В 2016 г. Япония проявляла интерес к модернизации порта Чабахар в Иране, который мог стать хабом торговли Индии и Афганистана, однако ввиду возобновления санкционного режима была вынуждена отказаться от этой идеи.

В 2000-е гг. Япония возобновила попытки играть роль посредника в налаживании контактов между враждующими сторонами, используя для этого неформальные каналы. В ноябре 2009 г. в Токио при поддержке МИД Японии был проведен круглый стол на тему мира и примирения, где участвовали делегаты из Афганистана, Пакистана, Саудовской Аравии и Ирана. В июне 2012 г. японский университет «Досея дайгаку» организовал конференцию, в которой участвовали советник Карзая М. Станекзай и представитель Политсовета талибов. Параллельно переговорам афганского правительства и талибов в 2021 г. усилиями представителей японской и афганской академической элиты был проведен ряд семинаров, посвященных мирному процессу, с участием видных чиновников и ученых, однако с падением афганского правительства эти попытки прекратились [Higashi 2023].

⁴ Central Asia as a Corridor of Peace and Stability. Speech by Mr. Taro Aso, Minister for Foreign Affairs at the Japan National Press Club. 01.06.2006. <https://www.mofa.go.jp/region/europe/speech0606.html> (дата обращения: 20.08.2024).

⁵ Japan: the OSCE's first Asian Partner for Co-operation. OSCE. <https://www.osce.org/magazine/372946> (дата обращения: 20.08.2024).

⁶ Recommendation from the Japan-EU Conference on Tajikistan-Afghanistan Border Management and Cross-border Collaboration (March 4-5 2014, Dushanbe, Tajikistan). <https://www.mofa.go.jp/files/000035217.pdf> (дата обращения: 20.08.2024).

⁷ Путин и Абэ проведут переговоры и откроют годы Японии и России. РИА Новости. 26.05.2018. <https://ria.ru/20180526/1521427108.html> (дата обращения: 20.08.2024).

⁸ Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова на министерской конференции «Стамбульского процесса» по Афганистану, 30 марта 2021 года. https://archive.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4653975 (дата обращения: 20.06.2024).

Из вышесказанного можно сделать вывод, что в процессе содействия восстановлению Афганистана Японии удалось сформировать новые модели сотрудничества с широким кругом международных структур и государств, что, по справедливому наблюдению доцента университета Кэйо М. Цуруока, сыграло огромную роль в «глобализации» японской дипломатии [Цуруока 2021]. При этом стремление дистанцироваться от военной операции США и их союзников, отказ присоединиться к МССБ и акцент на помощи восстановлению страны позволили Японии сохранить невоенный характер своего участия и репутацию друга населения Афганистана, а также установить доверительные контакты с руководством и оппозиционными силами страны.

Смена власти в Афганистане: значение для Японии

Смена власти в Афганистане в 2021 г. привела к тому, что основной фокус американской внешней политики сместился с борьбы с терроризмом на противостояние Китаю и России. И хотя это соответствует японским национальным интересам в том виде, как их формулирует нынешнее японское руководство, то, каким образом произошел уход США из Афганистана, не могло не заставить Токио усомниться в силе и способности Вашингтона принимать стратегически верные решения. Японский политолог С. Нагао отмечает, что захват ДТ власти сразу после ухода США дал основания Китаю, России и Ирану более решительно действовать на международной арене, что вызвало беспокойство в Токио [Nagao 2022].

Некоторые ученые не скрывают разочарования в американском отношении к итогам двадцатилетнего пребывания в стране, для восстановления которой Япония приложила немало усилий. Так, М. Цуруока считает, что заявление Дж. Байдена о том, что Вашингтон «никогда не ставил целью государственное строительство в Афганистане»⁹, не может не вызвать беспокойства Японии, поскольку фактически перечеркивает достижения участников постконфликтного восстановления страны за последние 20 лет. Япония же демонстрировала приверженность государственному строительству, добившись устойчивого прогресса в таких областях, как образование женщин и девочек [Цуруока 2021].

Важным для Японии последствием возвращения талибов является вероятное изменение регионального баланса в Южной Азии. Необходимость Индии уделять больше внимания решению проблем безопасности, связанных с Афганистаном, может поставить под вопрос наличие у нее достаточных ресурсов для реализации стратегии сдерживания Китая на морском пространстве ИТР [Nagao 2022]. Вероятность сближения Китая, Пакистана и Афганистана также, по мнению японских аналитиков, сместит фокус внимания Нью-Дели на сухопутное направление геополитической борьбы.

С другой стороны, полагает С. Нагао, складывающийся баланс сил может привести к отказу США от тесных политических отношений с Пакистаном в пользу Индии. В течение долгого времени США нуждались в поддержке Пакистана, поскольку он был важным каналом снабжения американских войск в Афганистане, однако вывод войск изменил ситуацию, и США больше не нуждаются в сотрудничестве с Пакистаном. Таким образом, если Индия в конечном итоге столкнется с альянсом Китай – Пакистан – Талибан, она сможет опереться на мощную поддержку США [Nagao 2022].

В Токио пристально наблюдают за тем, выступит ли Китай в качестве посредника, играя роль в примирении между талибами и бывшим политическим руководством, и станет ли первой страной, официально признавшей талибов [Аоки 2023]. На настоящий момент

⁹ Remarks by President Biden on Afghanistan. The White House. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/08/16/remarks-by-president-biden-on-afghanistan/> (дата обращения: 20.08.2024).

Пекин не признает временное правительство талибов, однако заинтересован в стабилизации обстановки вблизи своих границ и предотвращении притока исламских экстремистов, а также демонстрирует интерес к природным ресурсам Афганистана, в частности, золоту, меди, литию. Кроме того, внимание Китая к афганскому вопросу также трактуется японскими учеными в контексте создания единого фронта против однополярной системы доминирования США и формирования нового международного порядка. Китай заполняет вакуум, оставленный после ухода США с Ближнего Востока, и его политика в отношении Афганистана является звеном политики укрепления своего влияния в Евразии и близлежащих регионах [Аоки 2023]. Талибы, в свою очередь, заинтересованы в привлечении инвестиций, и экономическое присутствие Китая, который не ставит во главу угла вопрос о правах человека, было бы для них желательным.

Реконфигурация политических сил в регионе, которая может стать следствием смены власти в Афганистане, затрагивает политические и экономические интересы Японии, несмотря на ее географическую удаленность и отсутствие инвестиционных проектов до прихода талибов. Это обуславливает необходимость поиска новых способов сохранения влияния в регионе в изменившихся условиях.

Перенос США центра своих усилий с Ближнего и Среднего Востока в Азиатско-Тихоокеанский регион оказывает существенное влияние на возможности исламистского терроризма, в первую очередь в Центральной Азии [Коротаев 2022, с. 48]. Это чревато дестабилизацией региона, в котором у Японии есть свои политические и экономические интересы. За тридцать лет отношений со странами Центральной Азии Япония выстроила устойчивые связи с политическим истеблишментом этих государств. Центральная Азия привлекает Японию богатыми природными ископаемыми – углеводородными ресурсами, редкоземельными металлами, урановыми резервами, потенциалом развития сельского хозяйства. Япония заинтересована в освоении потребительского рынка стран региона, налаживании местного производства с выходом на рынки стран Европы, а также в использовании транзитного потенциала Центральной Азии. Присутствие Японии в регионе основано как на двусторонних связях, так и на существовании на платформе ДЦАЯ единой площадки для обсуждения общих задач развития. Очевидно, что дестабилизация региона нарушит реализацию политических и экономических целей Японии в Центральной Азии.

С точки зрения стран региона ситуация в Афганистане оценивается неоднозначно. В-первых, только три из них – Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан – имеют границу с Афганистаном. Во-вторых, позиции стран Центральной Азии в отношении новой власти расходятся. Казахстан в июне 2024 г., а Киргизия в сентябре 2024 г. объявили об исключении ДТ из списка террористических организаций. Таджикистан высказывает наибольшую озабоченность деятельностью талибов и является сторонником жесткого подхода. Узбекистан, напротив, демонстрирует более умеренную позицию. В феврале 2021 г. Узбекистан договорился с Пакистаном и Афганистаном о прокладке железнодорожной магистрали Мазари-Шариф – Кабул – Пешавар. Это позволяет предположить, что Афганистан может стать связующим звеном между Южной и Центральной Азией. Туркменистан при благоприятном раскладе может реализовать давний проект ТАПИ, диверсифицировав пути экспорта газа в Южную Азию. [Якубов 2022, с. 473]. В феврале 2021 г. талибы направили в Туркменистан делегацию, чтобы объяснить, что новый режим не будет стремиться сорвать проект ТАПИ, подтвердив это обещание на встрече двух сторон через три дня после того, как талибы взяли под контроль границу между Туркменистаном и Афганистаном [Saito 2022]. А состоявшийся в сентябре 2024 г. визит и.о. премьер-министра ИЭА муллы М.Х. Ахунда в Туркменистан дал старт сразу семи крупным инфраструктурным проектам, включая газопровод ТАПИ. На настоящее время отсутствие единства среди стран Центральной Азии ограничивает афганскую повестку Японии как на площадке ДЦАЯ, так и в двусторонних переговорах.

Реакция Токио на смену власти в Афганистане: внутриполитический и внешнеполитический аспекты

Несмотря на очевидный рост напряженности в Афганистане накануне свержения прежнего правительства, реакция Токио на это событие характеризовалась инертностью и неэффективностью кризисного управления. 15 августа посольство было закрыто и перенесено в Катар, а дипломаты в срочном порядке были вывезены военным самолетом Великобритании. В то время как западные страны активно занимались эвакуацией своего персонала, японское правительство неделю изучало вопрос об отправке в Афганистан самолетов Сил самообороны для вывоза граждан. Из-за взрыва террориста-смертника в аэропорту Кабула вывезти всех желающих не удалось, а иллюстрацией неэффективности японских мер стало возвращение на родину самолета С-130 с одним пассажиром¹⁰. Только в октябре 2021 г. через третьи страны началась эвакуация лиц, работавших на японское посольство и Японское агентство международного сотрудничества (ЯАМС). По состоянию на сентябрь 2023 г. в Японии находилось около 800 афганцев¹¹.

В Японии традиционно сдержанное отношение к беженцам, хотя в последнее время были специально смягчены некоторые правила для их въезда в страну. Несмотря на это, многие жаловались на отсутствие финансовой поддержки и возможности найти работу. По наблюдениям журналистов, прием беженцев из Афганистана контрастировал с энтузиазмом Японии по оказанию помощи эвакуированным с Украины (включая оплату расходов на проживание, стипендии на обучение в школах японского языка, бесплатное жилье и т.д.), что выглядело как проявление двойных стандартов и дискриминация против афганских беженцев¹². По словам некоторых афганцев, японское правительство оказывало на них давление с целью возвращения на родину¹³. Такое отношение не могло не создать впечатление, что те ценности, которые Япония двадцать лет прививала в афганском обществе, оказались ложными – получившие образование по японским программам и помогавшие реализовывать проекты содействия афганцы оказались в опасности у себя на родине (их считали иностранными шпионами) и не нужны в стране, которая позиционировала себя как друг афганского народа.

Смена власти в Афганистане высветила ряд внутриполитических проблем в Японии, таких как неэффективность кризисного реагирования, политика в отношении беженцев, предвзятость в отношении отдельных групп эвакуированных в Японию лиц, а также несоответствие международного имиджа Японии как государства, активно помогающего беженцам в других странах, и реальности принятия беженцев у себя в стране.

Дипломатическая реакция Японии на смену власти в Афганистане была умеренной и характеризовалась желанием сохранить контакт с местными властями. В сентябре 2022 г. посольство в Кабуле возобновило работу в сокращенном составе. В Токио также продолжает работать дипломатическое представительство Афганистана, которое возглавляет посол, назначенный до смены власти в Кабуле.

¹⁰ Kobara Junnosuke, Nikkei, August 28, 2021. Japan evacuation from Afghanistan foiled by foot-dragging. – <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Afghanistan-turmoil/Japan-evacuation-from-Afghanistan-foiled-by-foot-dragging> (дата обращения: 10.06.2024).

¹¹ Displaced Afghans in Japan face uncertain future. September 28, 2023. NHK. <https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/en/news/backstories/2751/> (дата обращения: 20.08.2024).

¹² Asakura Takuya, Discrimination against Afghans? Refugees still struggle in Japan. Asahi. 03.11.2023. <https://www.asahi.com/ajw/articles/15026368> (дата обращения: 20.08.2024).

¹³ Hara Shin, Kyodo News. May 13, 2023. FOCUS: Local staff at Afghan embassy who fled to Japan say pushed to return. <https://english.kyodonews.net/news/2023/05/b43783413a66-focus-local-staff-at-afghan-embassy-who-fled-to-japan-say-pushed-to-return.html#> (дата обращения: 20.08.2024).

Первый после упомянутых событий визит японского посла Т. Окада в Афганистан состоялся в ноябре 2021 г. Дипломат встретился с заместителем председателя временного правительства ДТ муллой Абдулом Гани Барадаром и другими официальными лицами. На встрече обсуждались вопросы безопасности японских граждан и местного персонала, японского гуманитарного содействия Афганистану через международные организации, проблематика прав населения, включая женщин и национальные меньшинства, создание инклюзивной политической системы и предотвращение формирования в Афганистане убежища для терроризма. Т. Окада также провел переговоры с бывшими президентом Хамидом Карзаем и председателем Высшего совета по национальному примирению Абдуллой Абдуллой. В течение 2022 г. состоялось несколько встреч японского посла с представителями правительства ИЭА. Согласно официальной позиции МИД Японии, необходимым условием для вовлечения Афганистана в мировое сообщество является соблюдение прав человека, создание инклюзивной политической системы и недопущение превращения страны в рассадник терроризма¹⁴.

В октябре 2023 г. был назначен новый посол в Афганистане – Т. Куромия, который продолжает регулярные контакты с руководством ДТ. Очередная встреча прошла 21 февраля 2024 г., вскоре после встречи ООН по Афганистану в Дохе, на которой талибы не присутствовали. По сообщениям афганской прессы, в ходе встречи с заместителем премьер-министра Мавлави Абдул Кабиром Т. Куромия выразил желание расширять связи с Афганистаном и подчеркнул, что хотел бы играть конструктивную роль в укреплении отношений Афганистана с миром. Кабир, в свою очередь, отметил, что Япония всегда поддерживала Афганистан в миростроительстве, обеспечении стабильности и развитии¹⁵.

Япония официально не выражает критики в отношении прихода к власти талибов, однако солидарна со странами Запада в осуждении их политики в отношении женщин. Она присоединилась к министерским заявлениям о положении женщин и девочек, о запрете на обучение, на работу в НПО, выпущенных в течение 2022 г. В марте 2023 г. Япония подписала министерское совместное заявление о положении женщин и девочек в Афганистане, поддержанное широким кругом государств.

Токио демонстрирует стремление переубедить руководство в Кабуле изменить свою политику, в ответ демонстрируя готовность продолжать диалог и оказывать помощь населению. По словам бывшего министра иностранных дел Ё. Хаяси, Токио намерен прилагать настойчивые усилия по прямому взаимодействию с ДТ с целью изменения его курса, включая отмену различных ограничений прав женщин и девочек, и обеспечение политической инклюзивности¹⁶. При этом, согласно словам представителя в ООН К. Исиканэ, укрепление доверия к ДТ имеет важное значение в процессе налаживания конструктивных отношений с международным сообществом¹⁷.

Правительство Японии продолжает оказывать помощь Афганистану, хотя сегодня она носит исключительно гуманитарный характер. 20 декабря 2021 г. было объявлено о выделении по линии международных организаций в общей сложности около 109 млн долл. США на

¹⁴ Situation in Afghanistan: Ambassador Okada's Visit to Kabul. https://www.mofa.go.jp/press/release/press3e_000389.html (дата обращения: 28.08.2024).

¹⁵ Mohammad Mustafa. 21.02.2024. Kabir downplays IEA absence from Doha meeting. <https://pajhwok.com/2024/02/21/kabir-downplays-iea-absence-from-doha-meeting/> (дата обращения: 10.06.2024).

¹⁶ The Adoption of Resolution 2678 of the United Nations Security Council concerning the United Nations Assistance Mission in Afghanistan (Statement by Foreign Minister Hayashi Yoshimasa) . 17.03.2023. https://www.mofa.go.jp/press/release/press4e_003228.html (дата обращения: 28.08.2024).

¹⁷ Statement by H.E. Ambassador ISHIKANE Kimihiro, Permanent Representative of Japan to the United Nations, at the United Nations Security Council Briefing, Agenda item "The situation in Afghanistan". https://www.un.emb-japan.go.jp/itpr_en/ishikane092623_2.html (дата обращения: 28.08.2024)

преодоление гуманитарного кризиса в Афганистане и пострадавших соседних странах, включая Иран, Пакистан, Таджикистан и Узбекистан¹⁸.

Совместно с Программой развития ООН с апреля 2021 г. по сентябрь 2025 г. Япония финансировала в Афганистане проекты стоимостью почти 178 млн долл. в сфере восстановления, улучшения социально-экономических условий, безопасности человека, включая проекты на границе Афганистана и Таджикистана¹⁹. Заслуживают внимания ее инициативы по борьбе с инфекционными заболеваниями в партнерстве с ВОЗ²⁰, финансирование проекта по вакцинации через UNICEF²¹. По линии Всемирной продовольственной программы Япония внесла 13,5 млн долл. в качестве гуманитарной помощи Афганистану²².

Япония по-прежнему является одним из крупнейших доноров Афганистана. По информации посольства Японии в Кабуле, к началу 2024 г. совокупный объем ее помощи с августа 2021 г., поступившей через международные организации и НПО, превысил 447 млн долл. США²³. В условиях приостановки американской помощи Афганистану в связи с решением США реформировать USAID гуманитарная роль Японии возрастает, и Токио расширяет масштабы своего содействия. Среди недавних инициатив – 10 млн долл. на борьбу с наркотрафиком, более 7 млн долл. на строительство инфраструктуры, 27,5 млн долл. по линии Всемирной продовольственной программы ООН, 1,5 млн долл. по линии Фонда ООН в области народонаселения, программа содействия афганским репатриантам на сумму около 6 млн долл. и др.²⁴

Перспективы участия Японии в решении проблем Афганистана

История участия Японии в решении проблем Афганистана и внушительный опыт содействия постконфликтному урегулированию, приведший к выстраиванию новых моделей глобального взаимодействия и формированию положительной репутации и устойчивых связей с разными политическими силами в Афганистане позволяют предположить, что Япония не откажется от проведения активного курса в отношении этой страны. Выступая на международном донорском мероприятии в марте 2022 г., бывший министр иностранных дел Ё. Хаяси отметил необходимость продолжать поддерживать Афганистан, в то время как мировое внимание приковано к Украине²⁵. Япония заинтересована в том, чтобы сохранить влияние

¹⁸ Support for Afghanistan and its Neighboring Countries from the FY2021 Supplementary Budget. Ministry of Foreign Affairs of Japan. https://www.mofa.go.jp/press/release/press3e_000294.html (дата обращения: 28.08.2024).

¹⁹ Overview of support from Government of Japan to UNDP Afghanistan. 22.11.2023. <https://www.undp.org/afghanistan/publications/overview-support-government-japan-undp-afghanistan> (дата обращения: 28.08.2024).

²⁰ Japan's Ambassador in Afghanistan visits WHO-supported health initiatives in Nangarhar. 7 March 2024. <https://www.emro.who.int/pdf/afg/afghanistan-news/japans-ambassador-to-afghanistan-visits-who-supported-health-initiatives-in-nangarhar.pdf> (дата обращения: 28.08.2024).

²¹ UNICEF: 6.9 million Japanese donation for Afghanistan vaccinations. Fidel Rahmati. 14.05.2024. <https://www.khaama.com/unicef-announces-6-9-million-japanese-donation-for-vaccination-in-afghanistan/> (дата обращения: 28.08.2024).

²² Japan provides for over 13 million in humanitarian aid to Afghanistan. Fidel Rahmati. 3.02.2024. <https://www.khaama.com/japan-provides-over-13-million-in-humanitarian-aid-to-afghanistan/> (дата обращения: 28.08.2024).

²³ EU and Japan Announce New Humanitarian Funding for Afghanistan. Kabul Now. 04.12.2023. <https://kabulnow.com/2023/12/eu-and-japan-announce-new-humanitarian-funding-for-afghanistan/> (дата обращения: 28.08.2024).

²⁴ アフガニスタン経済支援 日本が9億円を拠出 支援事業開始へ [Экономическая помощь Афганистану. Япония выделяет 900 млн иен. Планируется начало проектов оказания помощи]. NHK. 25.02.2025. <https://www3.nhk.or.jp/news/html/20250225/k10014731941000.html> (дата обращения: 28.08.2024).

²⁵ Statement by H.E. Hayashi Yoshimasa at High level pledging event on supporting the humanitarian response in Afghanistan. 31.03.2022. <https://www.mofa.go.jp/files/100325445.pdf> (дата обращения: 28.08.2024).

в Афганистане и не допустить дестабилизации в стране. Каковы перспективы ее содействия, еще предстоит выяснить, однако можно выделить несколько направлений, о которых говорят сами представители Афганистана, японские и зарубежные эксперты. Следует также отметить, что в условиях снижения интереса к Афганистану со стороны США Япония ищет новых партнеров для сотрудничества.

В чем преимущества Японии как участника решения афганской проблемы? Во-первых, Япония на протяжении долгих лет оказывала помощь восстановлению этой страны, в том числе значительная часть ее проектов приходится на обеспечение безопасности человека в сельских районах страны, где проживает основная часть населения (в том числе та, которая поддерживала талибов). Во-вторых, несмотря на то, что вовлечение Японии в афганские дела после 2001 г. было во многом результатом ее союзнических обязательств, Токио постарался свести к минимуму военную компоненту своего участия, сосредоточившись на восстановлении и всячески подчеркивая отсутствие политической ангажированности. Нет у Японии и негативного политического багажа в отношениях с Афганистаном. В-третьих, у Японии сложились хорошие отношения со странами региона, включая Иран, Пакистан, Центральную Азию, Турцию, Саудовскую Аравию, Индию, Китай, что позволяет ей вести с ними диалог по Афганистану [Enzmann 2022].

Талибы демонстрируют явный интерес к сотрудничеству с Японией, рассматривая ее как источник помощи восстановлению страны и как потенциального инвестора. Комментируя встречу с японским послом в Дохе в сентябре 2023 г., представитель талибов Сухейл Шахин в интервью *Nikkei Asia* призвал японцев инвестировать в различные отрасли экономики страны²⁶. Несмотря на наличие природных богатств, японский бизнес не спешит вкладывать деньги в их добычу: еще в 2010 г. президент Х. Карзай предлагал японцам заняться разработкой месторождений лития²⁷, однако дальнейшего развития предложение не получило. Очевидно, что и сейчас стабильность остается главным условием возможных инвестиций в добывающий сектор страны.

Еще одним желательным направлением для талибов является продолжение модернизации инфраструктуры страны. В частности, интерес представляет проект развития нового мегаполиса в Кабуле, который Япония разработала более 10 лет назад²⁸. Примечательно также, что талибы выражают интерес к японской модели послевоенного развития, считая ее примером для подражания.

Опыт Японии как одного из инициаторов процесса помощи постконфликтному восстановлению Афганистана не исключает возможной роли в мобилизации международных донорских усилий и в нынешней ситуации. В интервью порталу «Ниппон» посол Афганистана в Японии Ш.М. Абдали выразил надежду на то, что Япония, как и 20 лет назад, организует международную конференцию и призовет ДТ создать правительство, включающее все этнические группы. Для этого Япония могла бы воспользоваться моментом членства в Совете Безопасности ООН в 2023–2024 гг. и председательства в Группе Семи в 2023 г. [Takeuchi 2023]. Бывший чиновник Миссии ООН в Афганистане (UNAMA) Д. Хигаси отмечает, что Япония могла бы сыграть уникальную роль и в сотрудничестве с пятеркой центральноазиатских государств, Саудовской Аравией, Катаром и ООН организовать в 2022–2023 гг. гуманитарную

²⁶ Taliban urge Japan to invest in Afghanistan's minerals, metals. *Nikkei Asia*. 04.10.2023. <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Taliban-urge-Japan-to-invest-in-Afghanistan-s-minerals-metals> (дата обращения: 28.08.2024).

²⁷ Karzai: Japan gets priority in Afghan mining. *NBC News*. 20.06.2010. <https://www.nbcnews.com/id/wbna37803781> (дата обращения: 28.08.2024).

²⁸ Taliban urge Japan to invest in Afghanistan's minerals, metals. *Nikkei Asia*. 04.10.2023. <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Taliban-urge-Japan-to-invest-in-Afghanistan-s-minerals-metals> (дата обращения: 28.08.2024).

конференцию по Афганистану, с акцентом на восстановление сельского хозяйства [Higashi 2022].

Приходится констатировать, однако, что в упомянутый период Япония не выдвинула значимых инициатив по Афганистану, при том, что она выступает за скорейшее налаживание сотрудничества с ДТ по решению конкретных проблем²⁹. В 2023–2024 гг. она являлась держателем досье Афганистана в Совете Безопасности ООН и, соответственно, непосредственно участвовала в разработке резолюций, касающихся этой страны, включая продление мандата Миссии ООН по содействию Афганистану (МООНСА), которой придает важнейшее значение в контексте международного взаимодействия с талибами. Япония является участником проводимых ООН встреч спецпредставителей по Афганистану в Дохе и возлагает надежды на этот формат как на стартовую площадку налаживания взаимодействия с ДТ. В статусе председателя Большой Семерки в апреле 2023 г. Япония провела часовую сессию, посвященную Афганистану и Центральной Азии, однако не избежала критики в том, что в повестке заседаний Семерки вопрос Афганистана был оттеснен на второй план, несмотря на декларируемое странами Запада и Японией желание повернуться лицом к Глобальному Югу [Mohammad Jawad 2023].

Можно предположить, что одной из причин инертности Японии в отношении афганской проблемы по сравнению с ее беспрецедентной активностью после 11 сентября 2001 г. является снижение важности афганской повестки во внешней политике США и в двустороннем диалоге. В декабре 2022 г. спецпредставитель США Т. Вест. посетил Японию, Индию и ОАЭ для обсуждения ситуации в Афганистане, что было расценено в прессе как знак возвращения проблематики Афганистана в американскую внешнюю политику, однако аналитики сомневаются, что внимание Вашингтона к Афганистану усилится. В апреле 2024 г. Рина Амири, специальный представитель США по вопросам афганских женщин, девочек и прав человека, встретила с японскими официальными лицами и обсудила ситуацию в Афганистане³⁰. Япония и Индия как участники Quad и государства, активно вовлеченные в проблемы Афганистана, могли бы способствовать укреплению влияния проамериканского блока в регионе, однако на данный момент такая перспектива не просматривается. В условиях снижения интереса США к Афганистану Япония делает ставку на сотрудничество с ООН и ищет возможности привлечения новых внешнеполитических партнеров к кооперации по Афганистану.

В мае 2022 г. Япония впервые назначила представителя при Организации исламского сотрудничества (ОИС) – Генерального консула Японии в Джидде. В июне 2023 г. специальный посланник Генерального секретаря ОИС по Афганистану Тарик Али Бахит и координатор Гуманитарного целевого фонда ОИС в Афганистане Джамаль Аль-Саати приняли участие в серии встреч с высшими должностными лицами правительства Японии, ЯАМС и японских НПО, действующих в Афганистане. В центре обсуждений была разработка практической дорожной карты, которая помогла бы оптимизировать реализацию совместных проектов ОИС и Японии по оказанию помощи и экономическому развитию в Афганистане. Они также приняли участие в научном симпозиуме, где обсудили возможные механизмы формирования трехстороннего сотрудничества с участием ОИС, ООН и Японии в поддержку Афганистана³¹.

²⁹ Statement by Ambassador Yamazaki Kazuyuki, Permanent Representative of Japan to the United Nations, at the United Nations Security Council Briefing, Agenda Item “The situation in Afghanistan”. June 21, 2024. Permanent Mission of Japan to the United States. un.emb-japan.go.jp/itpr_en/yamazaki062124.html (дата обращения: 28.08.2024).

³⁰ US Special Representative Discusses Afghanistan With Japanese Officials. Afghanistan International. 12.04.2024. <https://www.afintl.com/en/202404128836> (дата обращения: 20.08.2024).

³¹ OIC Secretary-General's Special Envoy for Afghanistan and IsDB President's Advisor Wrap up Work Visit to Japan. Organisation for Islamic Cooperation. 15.06.2023. https://www.oic-oci.org/topic/?t_id=39126&t_ref=26480&lan=en (дата обращения: 20.08.2024).

Одним из давних партнеров Японии по содействию Афганистану в мусульманском мире является Турция. Сотрудничество осуществлялось еще в 2011–2014 гг., когда по линии ОПР Япония направляла экспертов для обучения афганских полицейских в Турции³². В марте 2024 г. ЯАМС и Турецкое агентство по сотрудничеству и координации объявили о намерении реализовать трехгодичную программу обучения афганских сотрудников министерства по чрезвычайным ситуациям³³.

Япония заявляет и о готовности к сотрудничеству с Ираном для обеспечения стабильности в Афганистане³⁴. В феврале 2024 г. Япония и Верховный комиссариат по делам беженцев ООН подписали соглашение о выделении японским правительством 3,3 млн долл. на поддержку афганских беженцев в Иране³⁵.

В настоящее время японская сторона поддерживает контакты с ДТ не только через посла, но и через представителей фонда мира Сасакава – частной благотворительной организации и исследовательского центра. Глава фонда Цунами Ацуси, а также приглашенный исследователь Фонда Сасакава, бывший глава МООНСА Ямамото Тадамити, регулярно встречаются с представителями афганской власти. В декабре 2023 г. представители фонда встречались с заместителем премьер-министра по административным вопросам муллою Абдулом Саламом Ханафи, а также с и.о. министра внутренних дел Халифой Сиражудином Хакани, обсуждались вопросы нормализации международных связей нового правительства, а также меры по общественной амнистии и по борьбе с выращиванием наркотиков³⁶. А. Цунами отмечает, что для решения проблем Афганистана необходимо проводить различные встречи между неправительственными организациями и частными лицами³⁷. В феврале 2025 г. Японию впервые посетила делегация высокопоставленных представителей правительства Афганистана по приглашению Фонда Ниппон (Ниппон Дзайдан, организация, аффилированная с Фондом Сасакава) с целью обсуждения перспектив государственного строительства. Несмотря на то, что поездка прошла не по правительственной линии, официальный Токио не оставил ее без внимания. Генеральный секретарь кабинета министров Ё. Хаяси отметил значимость визита, поскольку он дополняет усилия японского правительства по сотрудничеству с международным сообществом, направленные на изменение позиции режима ДТ по ряду вопросов, включая обеспечение прав человека³⁸. В ходе пребывания в Японии талибы встретились с директором департамента Ближнего Востока и Африки МИД Японии Т. Андо.

³² The techniques and spirit of Japanese Judo contribute to the improvement of security in Afghanistan – Support for the training of the Afghan National Police in Turkey. Ministry of Foreign Affairs of Japan. <https://www.mofa.go.jp/policy/oda/white/2014/html/column/column07.html> (дата обращения: 20.08.2024).

³³ Turkey, Japan to train 60 employees of Afghan State Ministry for Disaster Management. Ariana News. 09.03.2024. <https://www.ariananews.af/turkey-japan-to-train-60-employees-of-afghan-state-ministry-for-disaster-management/> (дата обращения: 20.08.2024).

³⁴ Iran Offers Cooperation with Japan over Afghanistan. Tasnim News Agency. 14.12.2023. <https://www.tasnimnews.com/en/news/2023/12/14/3006446/iran-offers-cooperation-with-japan-over-afghanistan> (дата обращения: 20.08.2024).

³⁵ Japan and UNHCR sign a USD 3.3 million agreement in support of Afghan refugees living in Iran. UNHCR. 27.02.2024. <https://www.unhcr.org/ir/2024/02/27/japan-and-unhcr-sign-a-usd-3-3-million-agreement-in-support-of-afghan-refugees-living-in-iran/> (дата обращения: 20.08.2024).

³⁶ Hanafi Meets Japan Envoy, Ex-UNAMA Head, Discusses Kabul's Intl Relations. TOLO News. 25.12.2023. <https://tolonews.com/afghanistan-186663> (дата обращения: 20.08.2024).

³⁷ Acting Minister Of Interior Affairs IEA, H.E Khalifa Sirajuddin Haqqani Met With The Delegation Of Sasakawa Peace Foundation From Japan. Ministry of Interior of Afghanistan. 26.12.2023. <https://moi.gov.af/en/acting-minister-interior-affairs-iea-he-khalifa-sirajuddin-haqqani-met-delegation-sasakawa-peace> (дата обращения: 20.08.2024).

³⁸ Senior Taliban officials make 1st known visit to Japan since takeover. Kyodo news. 17.02.2025. <https://english.kyodonews.net/news/2025/02/acbb474d35d2-senior-taliban-officials-make-1st-known-visit-to-japan-since-takeover.html> (дата обращения: 19.03.2025).

Руководство Фонда Сасакава отмечает, что улучшение общей безопасности в Афганистане позволяет возобновить деятельность в области здравоохранения, образования, сельского хозяйства, ирригации и в других сферах³⁹. Не исключено взаимодействие японских НПО с организациями из других стран. В мае 2024 г. состоялась трехсторонняя встреча главы политического офиса ИЭА в Дохе Мохаммада Сухейла Шахина с директором малайзийской НПО «Баит Аль Амана» Абдулом Разаком Ахмадом и с директором Фонда Сасакава А. Цунами, на которой обсуждались вопросы гуманитарной помощи, создания рабочих мест, обучения, программы наращивания потенциала и проекты развития⁴⁰.

В то время как на дипломатическом поприще Япония проявляет осторожность, предпочитая ни к чему не обязывающие дискуссии и встречи, в том числе по линии НПО, в практическом плане перспективы ее дальнейшего участия в судьбе Афганистана в основном сосредоточены вокруг гуманитарных проектов. По словам известного ученого – специалиста по Ближнему Востоку Н. Мияхара, Япония могла бы направить усилия на увеличение производства продовольственной продукции, за счет продвижения проекта ирригации PMS Green Land, расширения деятельности ЯАМС и подключения НПО (например, Пешаварское общество, Peace Japan Medical services) с целью решения продовольственной проблемы Афганистана [Miyahara 2023]. Так, в августе 2023 г. ЯАМС подписало соглашение с ФАО на 9,5 млн долл. на проект расширения производства продовольствия через ирригацию.

Еще одним направлением помощи, по мнению научного сотрудника Фонда Сасакава Р. Сайто, может стать наращивание содействия странам Центральной Азии в охране границ, а также инфраструктурные проекты, позволяющие разблокировать Афганистан и наладить выход к морю для стран Центральной Азии [Saito 2022]. В условиях серьезного продовольственного кризиса Япония могла бы сотрудничать с Центральной Азией, Ираном и Пакистаном в деле предоставления продовольственной помощи [Suzuki 2023].

Что касается взаимодействия с правительством Афганистана, то в этом Япония демонстрирует выжидательный подход. Бывший посол К. Окада отмечает неоднородность ДТ и считает, что внутри организации до сих пор ведутся дебаты о будущем страны, включая сторонников смягчения политики в отношении женщин и ориентации на улучшение отношений с мировым сообществом. В связи с этим, по мнению посла, есть большая вероятность, что в будущем внутри ДТ произойдут изменения. Он не видит перспективы скорого признания ДТ Японией, однако подчеркивает необходимость продолжать диалог и убеждать талибов изменить свой внутривластный курс [Matsuo 2022].

По мнению профессора Токийского университета К. Судзуки, Япония могла бы поддержать решение США и МВФ о замораживании афганских активов и использовать японскую помощь в качестве рычага давления на правительство ДТ, обусловив ее предоставление признанием прав женщин и девочек на образование [Suzuki 2022]. Д. Хигаси, напротив, подчеркивает губительное влияние санкций на население страны и считает, что совмещать санкционное давление с оказанием гуманитарной помощи извне нереалистично [Higashi 2022]. Он также отмечает, что ДТ как национальное движение стремилось к установлению власти внутри страны, а не за ее пределами. Его мнение совпадает с высказываемыми в российском академическом сообществе наблюдениями о том, что ДТ в первую очередь нацелено на установление власти на территории Афганистана, и за его пределами влияние талибов невысоко, чего нельзя

³⁹ Japan Ready to Cooperate in Normalizing Islamic Emirate Ties with World. Bakhtar News Agency. 25.12.2023. <https://www.bakhtarnews.af/en/japan-ready-to-cooperate-in-normalizing-islamic-emirate-ties-with-world/> (дата обращения: 20.08.2024).

⁴⁰ Suhail Shaheen Meets Top Official of Sasakawa Peace Foundation to Discuss Humanitarian. Bakhtar News Agency. 06.05.2024. <https://www.bakhtarnews.af/en/suhail-shaheen-meets-sasakawa-peace-foundation-to-discuss-humanitarian/> (дата обращения: 20.08.2024).

сказать об Исламском государстве (ИГ)⁴¹, которое позиционирует себя как международный проект, не признает границ между странами и поэтому представляет глобальную угрозу для стран Центральной Азии, имея куда более высокий потенциал для экспансии, нежели Талибан [Коротаев 2022]. Это приводит к выводу о том, что укрепление власти ДТ в Афганистане может способствовать сужению возможностей ИГ [Якубов 2021]. Д. Хигаси отмечает, что после прихода ДТ к власти ситуация в сфере безопасности в стране значительно улучшилась, и делает акцент на необходимости нормализации экономической ситуации в стране. Япония, поддерживающая хорошие отношения с режимами Центральной Азии и Ближнего Востока, могла бы сыграть уникальную роль в налаживании партнерства по Афганистану между этими странами.

Выводы

Япония поддерживает давние связи с Афганистаном и на протяжении многих лет участвовала в мирном урегулировании и постконфликтном восстановлении этой страны. Афганистан не входит в зону жизненно важных интересов Японии не только по причине географической удаленности, но и ввиду отсутствия политической стабильности, которая является неотъемлемым условием привлечения японских инвестиций. Несмотря на это, смена власти в Афганистане несет для Японии геополитические вызовы, поскольку способна изменить баланс сил в регионе за счет усиления Китая, повлиять на внешнеполитический курс Индии, которая является одним из ключевых партнеров Японии в ИТР, а также затронуть страны Центральной Азии, где у Японии есть политические и экономические интересы. Поиск новых логистических маршрутов в условиях геополитических изменений последних лет также определяет интерес к транзитному потенциалу этой страны. В связи с этим Токио будет стремиться сохранить присутствие в Афганистане.

За два десятилетия участия в постконфликтном восстановлении Японии удалось сформировать устойчивые связи с различными политическими силами Афганистана, а также заручиться симпатиями местного населения. До августа 2021 г. она являлась одним из крупнейших спонсоров постконфликтного восстановления Афганистана и даже сегодня сохраняет лидерские позиции по объемам помощи населению страны. Репутация Японии как давнего друга Афганистана, щедрого донора, а также одной из ведущих экономических держав и страны Большой Семерки является фактором, привлекающим нынешние власти Афганистана, находящиеся в поиске источников капитала.

В целом Япония придерживается прагматичного подхода, сочетая предоставление гуманитарной помощи и мягкое воздействие по дипломатическим каналам. Несмотря на то, что Токио не намерен признавать ДТ, с руководством Афганистана поддерживается постоянный контакт как по официальной линии (работа посольства, встречи посла), так и на неформальном треке (по линии Фонда мира Сасакава).

В академических кругах неоднократно отмечалось, что у Японии, поддерживающей хорошие отношения с государствами Центральной Азии и Ближнего Востока, есть уникальная возможность собрать за одним столом страны, заинтересованные в помощи Афганистану, однако в настоящее время говорить о лидерской роли Токио в решении афганской проблемы не приходится. Статус Японии как председателя Большой семерки в 2023 г., непостоянного члена СБ ООН в 2023–2024 гг., держателя досье по Афганистану в СБ ООН в 2024–2025 гг. давали повод ожидать от нее каких-либо шагов по привлечению мирового внимания к проблеме Афганистана, однако весомых международных инициатив выдвинуто не было. Снижение значимости проблемы Афганистана в повестке дня японо-американского

⁴¹ Организация запрещена в РФ.

диалога, выжидательный подход в отношении дальнейшего развития ситуации в Афганистане являются факторами, сдерживающими активность Токио на данном направлении.

За два десятилетия японского участия в постконфликтном восстановлении Афганистан стал площадкой для сотрудничества Японии с широким кругом международных структур: ООН, Большой семерки, НАТО, ЕС и ОБСЕ, а также отдельных государств, включая Россию. Сегодня, в условиях снижения внимания Вашингтона к данной проблематике, Токио ищет новых партнеров для сотрудничества по Афганистану, в том числе обращает внимание на исламский мир.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Амини А.Р. Причины провала миссии США+НАТО в Афганистане и прогноз ситуации в стране при «новом режиме» // *PolitBook*. 2021. № 3. С. 99–110.
- Добринская О.А. Стратегия Японии в Центральной Азии: политическое, экономическое и культурное измерение. Москва: Институт востоковедения РАН. 2020.
- Добринская О.А. Токио: акцент на невоенные аспекты урегулирования в Афганистане // *Азия и Африка сегодня*. 2012. №11. С. 12–17.
- Коротаев А. В., Исаев Л.М., Аскеров А.И. Реконфигурация исламистских сил в Афганистане и ее последствия для глобальной безопасности // *Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика*. 2022. № 3. С. 33–51.
- Латышев И. А. Японские эсминцы вошли в Индийский океан // *Азия и Африка сегодня*. 2002. № 2. С. 13–19.
- Парамонов О.В. Афганская повестка Токио – история и современность. *Международная жизнь*. 08.07.2021. <https://interaffairs.ru/news/show/30731> (дата обращения: 20.08.2024).
- Якубов И.Х., Нуриддинов У.К. Афганский фактор в Центральной Азии: текущие тенденции и перспективы развития // *Постсоветские исследования*. 2021. №6. С. 470–478.

REFERENCES

- Amini, A. (2021). Prichiny provala missii SShA+NATO v Afganistane i prognoz situacii v strane pri “novom rezhime” [Reasons for the Failure of the US+NATO Mission in Afghanistan and a Forecast of the Situation in the Country Under the “New Regime”]. *PolitBook*, 3, 99–110. (In Russian).
- Dobrinskaya, O. A. (2012). Tokio: aktsent na nevoennye aspekty uregulirovaniya v Afganistane [Tokyo: Emphasis on Non-Military Aspects of Settlement in Afghanistan]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today], 11, 12–17. (In Russian).
- Dobrinskaya, O. A. (2020). Strategiya Yaponii v Tsentral'noi Azii: politicheskoe, ekonomicheskoe i kul'turnoe izmerenie [Japan's Strategy in Central Asia: Political, Economic, and Cultural Dimensions]. Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS. (In Russian).
- Korotaev, A., Isaev, L., Askerov, A. (2022). Rekonfiguratsiya islamistskikh sil v Afganistane i ee posledstviya dlya global'noi bezopasnosti [Re-configuration of Islamist Forces in Afghanistan and Its Consequences for Global Security]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27: Globalistika i geopolitika* [Moscow University Bulletin. Series 27: Global Studies and Geopolitics], 3, 33–51. (In Russian).
- Latyshev, I. A. (2002). Yaponskie esmintsy voshli v Indiiskii ocean [Japanese Destroyers Entered Indian Ocean]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today], 2, 13–19. (In Russian).
- Paramonov, O.V. (2021). Afganskaya povestka Tokio – istoriya i sovremennost' [Tokyo's Afghanistan Agenda – History and Present Times]. *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International Life], July 8. Retrieved August 20, 2024, from <https://interaffairs.ru/news/show/30731> (In Russian).
- Yakubov I., Nuriddinov U. (2021). Afganskii faktor v Tsentral'noi Azii: tekushchie tendentsii i perspektivy razvitiya [Factor of Afghanistan in Central Asia: Current Trends and Prospects of Development]. *Postsovetskie issledovaniya* [Post-Soviet Studies], 6, 470–478. (In Russian).

* * *

- Aoki, K. (2023, April 19). Afuganisutan: Chugoku ga “Afuganisutan mondai ni kansuru chugoku no tachiba” wo seishiki ni hyoumei [Afghanistan: China Officially Announces «China’s Position on the Afghanistan Issue»]. *The Middle East Research Institute, Inc.* Retrieved August 1, 2024, from https://www.meij.or.jp/kawara/2023_008.html (In Japanese).
- Dobrinskaya, O. (2022). Japan’s Role in the Postconflict Reconstruction of Afghanistan: Motives and Implications. *Malaysian Journal of International Relations*, 10, 94–113. <https://doi.org/10.22452/mjir.vol10no10.6>
- Enzmann, J. (2021, February 27). Interview With Amb. Tadamichi Yamamoto, Former UN Secretary-General Special Representative for Afghanistan and Former Head of UNAMA. *The Sasakawa Peace Foundation*. Retrieved July 1, 2024, from <https://www.spf.org/en/publications/spfnw/0071.html>
- Higashi, D. (2022, May 4). Humanitarian Crisis After the Collapse of the Afghan Government and Japan’s Role. *The Japan Institute of International Affairs*. Retrieved July 1, 2024, from <https://www.jiia.or.jp/en/column/2022/04/global-issues-fy2021-05.html>
- JICA Research Institute. (2012). *Afghanistan and Japan. Working Together on State-Building and Development*. Retrieved March 28, 2025, from <https://jicari.repo.nii.ac.jp>
- Matsuo, K. (2023, August 31). Tariban wa kawatta? Genchi taishi ga mita afuganisutan no ima to wa? [Have the Taliban changed? What is Afghanistan Today as Seen by the Local Ambassador?]. *NHK*. Retrieved August 1, 2024, from https://www3.nhk.or.jp/news/special/international_news_navi/articles/qa/2023/08/31/34096.html (In Japanese).
- Miyahara, N. (2021, July 9). Afghanistan After the U.S. Withdrawal – How Japan Can Support Rural Development in a People-Oriented Manner. *The Sasakawa Peace Foundation*. Retrieved July 1, 2024, from https://www.spf.org/iina/en/articles/miyahara_03.html
- Mohammad Jawad Ali Aqa. (2023). More Talk Than Action From the G7 on Afghanistan. *Fair Observer*. Retrieved July 1, 2024, from <https://www.fairobserver.com/world-news/afghanistan-news/more-talk-than-action-from-the-g7-on-afghanistan/#>
- Mori, Hiroshi. (2023, August 15). Afugan hinkon shinkokuka, chugoku ga shinto hakaru. Tariban shuto seiatsu ni nen [Afghan Poverty Worsens, China Seeks Penetration 2 Years After Taliban Seizure of Capital]. *Sankei*. Retrieved August 1, 2024, from <https://www.sankei.com/article/20230815-5AYQK4WMX5N7XKYDS6ZCTAABZM/> (In Japanese).
- Nagao, S. (2022). Japan’s stakes in the Afghanistan Crisis. *ORF Special report*, №181. Observer Research Foundation. Retrieved July 1, 2024, from <https://www.orfonline.org/research/japans-stakes-in-the-afghanistan-crisis>
- Saito, R. (2022, January 11). Central Asia After the Fall of Kabul and Strategies for Japan’s Engagement. *Sasakawa Peace Foundation*. Retrieved July 1, 2024, from https://www.spf.org/iina/en/articles/saito_01.html
- Suzuki, K. (2021, October 5). Japanese Academic: Japan's Role in Afghanistan After US Withdrawal. *Think China*. Retrieved July 1, 2024, from <https://www.thinkchina.sg/politics/japanese-academic-japans-role-afghanistan-after-us-withdrawal>
- Takeuchi, Yu. (2023, March 10). Ambassador Calls on Japan to Lead Aid Effort for Afghanistan. *Nippon.com*. Retrieved July 1, 2024, from <https://www.nippon.com/en/in-depth/d00880/>
- Tsuruoka, M. (2021, August 27). Nihon gaiko ni totte no Afuganisutan wa nandatta no ka [What Was Afghanistan for Japanese Diplomacy?]. *Sasakawa Peace Foundation*. Retrieved August 1, 2024, from https://www.spf.org/iina/articles/tsuruoka_18.html (In Japanese).

Поступила в редакцию: 12.09.2024

Received: 12 September 2024

Принята к публикации: 26.01.2025

Accepted: 26 January 2025

DOI: 10.55105/2500-2872-2025-1-95-111

«Записи услышанного о Владивостоке»: забытый источник по истории Владивостока конца XIX в.

В.А. Бушмакин, В.П. Зайцев

Аннотация. В данной статье рассматривается и анализируется отчет корреспондента Токийского географического общества Камбэ О:ити под заглавием «Записи услышанного о Владивостоке» (Кайсанъи кибун 海參威記聞 = 海參崴紀聞). Он был опубликован в 1882–1883 гг. Впервые приводятся подробные историографические и библиографические сведения о нем, прослеживается история его публикации, а также раскрывается его содержание. Отчет состоит из трех частей – записей периода с мая 1881 г. по апрель 1882 г., приложения к ним в виде «годового отчета» городской управы Владивостока за 1882 г., и продолжения записей, охватывающих период с апреля 1882 г. по май 1883 г.

Отчет писался в то время, когда во Владивостоке только начали открываться представительства японских компаний, что, естественно, привело к расширению японского присутствия и диаспоры в регионе, а потому он дает неоценимые исторические сведения об этом раннем этапе проникновения японского бизнеса на российский Дальний Восток.

Несмотря на свою важность, данный источник ныне прочно забыт. Настоящая публикация является попыткой указать на значимость материала и снова ввести его в научный оборот. Полагаем, что это внесет существенный вклад в исследования по истории Владивостока и Приморского края во всех ее аспектах и позволит дополнить сведения, имеющиеся в русскоязычных источниках.

Настоящая статья является лишь первым шагом по исследованию отчета Камбэ. Предстоит большая работа по дешифровке встречающихся там имен, а также по определению первоисточников – русских и английских документов, которые были в распоряжении Камбэ и легли в основу его переводов.

Ключевые слова: Камбэ О:ити, история Владивостока.

Авторы:

Бушмакин Вадим Александрович, PhD (литература), независимый исследователь. ORCID: 0000-0003-0240-5717; E-mail: rossiajin@yandex.ru

Зайцев Вячеслав Петрович, научный сотрудник Лаборатории Сериндики Института восточных рукописей РАН (адрес: 191181, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18). ORCID: 0000-0002-6870-0877; E-mail: sldr76@gmail.com

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Бушмакин В.А., Зайцев В.П. «Записи услышанного о Владивостоке»: забытый источник по истории Владивостока конца XIX в. // Японские исследования. 2025. № 1. С. 95–111. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-1-95-111

“Records of Things Heard on Vladivostok”: A forgotten source on the history of Vladivostok in the late 19th century

V.A. Bushmakin, V.P. Zaytsev

Abstract. This article examines and analyzes the report of the Tokyo Geographical Society correspondent Kambe Ōichi, entitled “Records of Things Heard on Vladivostok” (*Kaisan'i kibun* 海參威記聞 = 海參崴紀聞). It was published in 1882–1883. For the first time, detailed historiographical and bibliographic information about it is provided, the history of its publication is traced, and its contents are revealed. The report consists of three parts – records for the period from May 1881 to April 1882, an appendix to them in the form of an “annual report” of the Vladivostok city government for 1882, and a continuation of records covering the period from April 1882 to May 1883.

The report was written at a time when representative offices of Japanese companies were just beginning to open in Vladivostok, which naturally led to the expansion of the Japanese presence and diaspora in the region, and therefore it provides invaluable historical information about this early stage of the penetration of Japanese business into the Russian Far East.

Despite its importance, this source is now largely forgotten. This publication is an attempt to point out its importance and reintroduce it into scientific circulation. We believe that this will make a significant contribution to research on the history of Vladivostok and Primorsky Krai in all its aspects and will help to supplement the information available in Russian-language sources. This article is only the first step in studying Kambe's report. Much work remains to be done to decipher the names found there, as well as to identify the primary sources – the Russian and English documents that Kambe had at his disposal and that formed the basis of his translations.

Keywords: Kambe Ōichi, history of Vladivostok.

Authors:

Bushmakin Vadim A., PhD (Literature), independent researcher. ORCID 0000-0003-0240-5717; E-mail: rossiajin@yandex.ru

Zaytsev Viacheslav P., Researcher, The Serindia Laboratory, Institute of Oriental Manuscripts, RAS (Dvortsovaya emb., 18, Saint Petersburg, 191181, Russian Federation). ORCID 0000-0002-6870-0877; E-mail: sldr76@gmail.com

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Bushmakin, V.A., Zaytsev, V.P. (2024). «Zapisi uslyshannogo o Vladivostoke»: zabytyi istochnik po istorii Vladivostoka kontsa XIX v. [“Records of Things Heard on Vladivostok”: A forgotten source on the history of Vladivostok in the late 19th century]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 1, 95–111. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-1-95-111

Введение

В 1996 г. в японском журнале «Север» была опубликована статья исследователя Сугияма Кимико (杉山公子), посвященная истории Владивостока конца XIX в., а именно – началу торговой деятельности в городе японских предпринимателей и открытию в нем японских магазинов [Sugiyama 1996]. Работа Сугияма вводила в научный оборот множество ранее не публиковавшихся данных, однако, не претендуя, по-видимому, на академический стиль, их источник был указан лишь иногда. Несмотря на это, будучи богатой столь важной и новой информацией, эта статья неоднократно попадала на рабочий стол отечественных и зарубежных

исследователей. Находим мы ссылки на нее, например, в работах З.Ф. Моргун, Тамура Айка, В.А. Бушмакина и в японской монографии И.Р. Савельева [Моргун 2014, с. 64–65; 276, примеч. 79; Тамура 2007а, с. 123 (без указания источника); Тамура 2007б, с. 133–134; 178, примеч. 56; Бушмакин 2023, с. 61; Saveliev 2005, с. 252–253; 300, примеч. 160]. В ходе наших разысканий удалось установить, что одним из неназванных источников сведений Сугияма был отчет о Владивостоке, составленный Камбэ О:ити и опубликованный в 1882–1883 гг. Хотя Сугияма не раскрыла происхождения своих сведений, можно утверждать, что до ее статьи¹ этот отчет практически не привлекал внимания исследователей, редко упоминался в литературе и был «забыт». С другой стороны, даже количество ссылок на отдельные его данные в передаче Сугияма показывает их востребованность и актуальность для исторической науки², а, следовательно, незнание их первоисточника является досадным упущением, которое необходимо исправить. В настоящей статье мы попытались восполнить этот источниковедческий пробел и впервые представить историографические и библиографические сведения об этой работе, а также охарактеризовать ее содержание.

§ 1. История публикации отчета Камбэ

24 февраля 1882 г.³ в стенах Токийского географического общества адмирал Энмото Такэаки (榎本武揚; 1836–1908), вице-президент общества в то время, представил доклад, посвященный Курильским островам [Tōkyō Chigaku Kyōkai 1882a, с. 1; Enomoto 1882a, № 3109, с. 3a]. Вторая часть доклада была представлена там же 31 марта [Tōkyō Chigaku Kyōkai 1882b, с. 1]. С 27 апреля по 8 мая и с 16 мая по 25 мая их тексты были опубликованы в газете «Токио Нитинити симбун» (東京日日新聞) [Enomoto 1882a; Enomoto 1882b]⁴.

В продолжение, с 26 мая по 20 июня, в газете был также напечатан отчет (яп. *хо:кокусё* 報告書)⁵ о Владивостоке, направленный адмиралу его составителем – корреспондентом Токийского географического общества и переводчиком с русского языка Камбэ О:ити (神戸應一)⁶. Отчет назывался «Записи услышанного о Владивостоке» (Кайсанъи кибун 海參威記聞 = 海參崴紀聞)⁷ или «Записки об услышанном и увиденном в порту Владивосток» (Рё:то:ко: бункэнроку 領東港聞見録)⁸ и содержал собранные Камбэ разносторонние сведения о городе

¹ Мы не анализировали все научное творчество исследователя, поэтому не исключаем, что данные отчета Камбэ могли быть использованы и в других ее работах, посвященных Владивостоку. Хотя мы с ними знакомы, обнаружить это, учитывая частое отсутствие прямых указаний на источники, не просто, и, очевидно, не имеет особой исследовательской перспективы.

² Все представленные выше ссылки ведут на те данные в статье Сугияма, которые извлечены из отчета Камбэ.

³ Все даты японских источников, в которых год записывается под девизом правления того или иного императора, приводятся в статье в переводе на европейское летосчисление.

⁴ Первая часть доклада печаталась в шести номерах газеты, вторая – в семи.

⁵ Этот термин приводится только в издательском пояснении, предворяющем газетную публикацию [Kambe 1882a, № 3134, с. 4b].

⁶ В феврале 1880 г. Камбэ закончил Токийскую школу иностранных языков, в которой изучал русский язык. С 4 мая 1881 г. по 7 мая 1883 г. он пребывал во Владивостоке, где работал в качестве переводчика во владивостокском филиале Внешнеторговой компании, а также вел свои записи, положенные в основу отчета [Kambe 1883a, с. 1; Kambe 1883b, с. 26; Kambe 1883f, с. 66; Tōkyō Gaikokugo Daigaku shi 1999, с. 792].

⁷ Букв. «Владивостокские записи услышанного». Перевод подобных названий в отечественной литературе вариативен в выборе предлога, предполагая варианты «Записи услышанного о Владивостоке», «из Владивостока», «во Владивостоке». Возможен и перевод «Записи об услышанном...». Японское название отчета отличается в двух иероглифах в газетном (威 и 記) и журнальном вариантах (崴 и 紀), имеющих, однако, одинаковое чтение и значение в данном случае. В Japan Weekly Mail название отчета переведено как Report from Vladivostok (в первом изданном отрывке ошибочно Report from Kamschatka), в параллельных английских оглавлениях «Журнала Токийского географического общества» – как Notes on Vladivostoc (sic!).

⁸ Другое название приводится только в журнальном тексте [Kambe 1883a, с. 2; Kambe 1883d, с. 30].

в период с мая 1881 г. по апрель 1882 г., в основном касающиеся коммерции⁹. После этого обе газетные публикации были переведены на английский язык и изданы в Июкогаме в японских англоязычных газетах Japan Daily Mail, Japan Weekly Mail и Japan Herald. Так, первая статья с переводом в Japan Weekly Mail вышла 13 мая, последняя – 1 июля 1882 г.¹⁰

В период с февраля по декабрь 1883 г. отчет Камбэ в несколько расширенном и дополненном виде вышел в шести номерах «Журнала Токийского географического общества» (東京地學協會報告) за 1882–1883 гг. (№ 5, 6 и 8) и 1883–1884 гг. (№ 2, 3 и 4) [Kambe 1883a–1883e]¹¹. Обе части доклада адмирала Эномото были так же изданы в этом журнале, но ранее, в № 9 и 10 за 1881–1882 г., вышедших 17 апреля и 25 мая 1882 г. соответственно [Enomoto 1882c; Enomoto 1882d]. Таким образом, первая часть доклада вышла в журнальном варианте за несколько дней до начала публикации в «Токио Нитинити симбун», а вторая – в последний день публикации в газете.

Мы обнаружили также другую версию доклада Эномото – рукописную копию, выполненную как минимум в трех экземплярах (при переписке использовалась копировальная бумага). Местонахождение оригинала (первой или «верхней» копии) неизвестно. Два других экземпляра (вторые копии под копирку) хранятся в Библиотеке Университета Хоккайдо. Каждый из них выполнен на графленых двухстраничных листах японского стиля формата В4, сложенных пополам по вертикали и сшитых вместе в тетрадь с обложкой после переписки [Enomoto s.a.]. В месте сгиба – поле между двумя страницами, называемом *хансин* (版心), в его нижней части, имеется надпись «Императорский университет Хоккайдо» (Хоккайдо: тэйкоку дайгаку 北海道帝國大學). Согласно колофону на последней странице, это копия с материалов администрации губернаторства Хоккайдо, однако дата переписки не указана. По содержанию этот текст несколько отличается от обеих изданных версий: есть дополнения, а также замены некоторых слов на близкие им по значению. Поскольку доклад Эномото связан с отчетом Камбэ лишь ситуационно-хронологически (последний был направлен Эномото и опубликован в газете в связи с содержанием его доклада), здесь мы его подробно не рассматриваем.

Как уже говорилось, все эти публикации практически не привлекали внимания исследователей до тех пор, пока в 1996 г. в японском журнале «Север» не вышла статья Сугияма Кимико, основанная на данных журнальной версии отчета Камбэ, однако без каких-либо ссылок на их источник¹². Его нам удалось обнаружить самостоятельно в ходе наших

⁹ Отчет печатался в 21-м номере газеты [Kambe 1882a].

¹⁰ Доклад печатался в трех номерах газеты, отчет – тоже в трех [Enomoto 1882e; Kambe 1882b].

¹¹ Приведем даты выхода в свет указанных номеров: 1) том 4 (формально за 1882 г., но имеется в виду финансовый год, поэтому фактически за апрель 1882 – март 1883 г.): № 5 за октябрь 1882 г. вышел 21 февраля 1883 г.; № 6 за ноябрь 1882 г. и № 8 за январь 1883 г. – 7 мая 1883 г.; 2) том 5 (формально за 1883 г., но фактически за апрель 1883 – март 1884 г.): № 2 за июнь 1883 г. вышел 22 октября 1883 г.; № 3 за сентябрь 1883 г. – 16 ноября 1883 г.; № 4 за октябрь 1883 г. – 19 декабря 1883 г. Несоответствие между датой номеров и датой их публикации (*канко*: 刊行) (обе указаны на передних сторонах обложек, выполняющих роль титульных листов) объясняется, по-видимому, задержкой в издании. Заметим, что номера этого журнала за указанные годы с сохранившейся обложкой чрезвычайно редки. Практически во всех зарубежных библиотеках, где этот журнал доступен, обложки либо отсутствуют (удалены при переплете в единый том), либо подшивка журнала представлена только в виде специально публиковавшихся томов, которые включали все номера за год (эту дату мы называли «формальной» выше) под единой обложкой.

¹² Сугияма передает сведения о начале работы Внешнеторговой компании во Владивостоке так, как они приведены в отчете Камбэ. Ср., например, данные о прибытии Маэда Матахэй во Владивосток в обоих источниках: [Sugiyama 1996, с. 2; Kambe 1883a, с. 5]. Учитывая мелкие разночтения между газетной и журнальной публикацией, мы полагаем, что именно последняя стала источником для ее статьи. Например, в журнальном тексте приводится фамилия Тэрами 寺見 [Kambe 1883a, с. 7], в газете же она ошибочно напечатана как 封見 [Kambe 1882a, № 3136, с. 4с]. Хотя такой фамилии не существует, установить, о ком идет речь, не зная этого изначально, затруднительно. При этом Сугияма приводит правильное написание этой фамилии, соответствующее именно журнальному тексту [Sugiyama 1996, с. 3].

разысканий, а более того выяснить, что журнальная версия отчета отнюдь не единственна и ей предшествовала публикация в газетах (см. выше).

Заметим, что английская публикация доклада Энмото была потенциально известна западной науке, поскольку данные о ней были включены в две специализированные библиографии того времени, хотя и без какой-либо информации о датах выхода в свет. Читателю сообщалось только, что перевод доклада издан в газетах Japan Mail and Japan Herald [Griffis 1882, p. xvi; Wenckstern 1895, p. 308]. К сожалению, подшивку второй газеты, издававшейся в Иокогаме, мы в доступных нам библиотеках не нашли и знаем о публикации доклада в ней только из указанных библиографических источников¹³. Первая же газета издавалась как ежедневная Japan Daily Mail и еженедельная Japan Weekly Mail, так же в Иокогаме. По сути это две разные газеты, при этом известно, что отдельные материалы ежедневной перепечатывались в еженедельной¹⁴. Доклад Энмото и отчет Камбэ вероятно печатались в них обеих, как следует из примечания к тексту в Japan Weekly Mail, по недосмотру отсылающего читателя искать предыдущие публикации материала в ежедневной газете [Kambe 1882b, p. 747]¹⁵. Выявить подшивку последней в библиотеках мы также не смогли и привлекали к своим исследованиям только английский перевод из еженедельной газеты [Enomoto 1882e; Kambe 1882b]. Далее мы подробнее рассмотрим взаимосвязь всех опубликованных версий отчета между собой.

Японская публикация отчета Камбэ в газете «Токио Нитинити симбун» дается как единый текст [Kambe 1882a], журнальная же его версия формально разделена на две части (номера), при этом ее текст отредактирован и, очевидно, более полон [Kambe 1883a; Kambe 1883b, с. 1–33]. Хотя газетная публикация, в которую вошли два раздела отчета («Смесь» и «Краткие метеорологические сведения»), была завершена и в конце ее текста сказано «конец» (яп. *тайби* 大尾) [Kambe 1882a, № 3155, с. 4d], журнальная версия на этом не заканчивается [Kambe 1883b, с. 33]. Далее в ней следуют термометрическая таблица на отдельной вклейке и новый раздел или даже работа со своим оглавлением, выступающая в качестве приложения¹⁶, – «годовой отчет» городской управы Владивостока за 1882 г. [Kambe 1883b, с. 35–74]. Его вторая часть (без своего заголовка) была напечатана уже как третья часть общего отчета [Kambe 1883c]. Заметим, что в оглавлении, совпадающем в газетной и журнальной версии, перечислены и указанная таблица, и указанное приложение, причем последнее на момент публикации было еще не готово. Согласно авторской помете, предполагалось завершить рукопись и прислать ее «следующей почтой» [Kambe 1882a, № 3134, с. 4c; Kambe 1883a, с. 3]. Учитывая, что помета не была снята и в журнальной публикации, полагаем, что этот отчет был приложен или добавлен к тексту позднее, а потому он и не мог быть напечатан в газете. Более того, чуть позже за ним в журнале было опубликовано продолжение – еще три части «Записей», охватывающих следующий временной период (апрель 1882 г. – май 1883 г.), но ошибочно датированных в заголовке теми же годами, что и первые [Kambe 1883d; Kambe 1883e; Kambe 1883f]¹⁷. Эти

¹³ В разное время эта газета называлась Japan Herald, Daily Japan Herald и Japan Daily Herald. Если доклад адмирала печатался в этой газете, то по аналогии с публикацией в Japan Weekly Mail можно предположить, что в ней был напечатан и отчет Камбэ, но проверить это пока не удалось.

¹⁴ В еженедельной газете была рубрика «Заметки из Japan Daily Mail» (Notes from the "Japan Daily Mail"), а кроме того, некоторые материалы имели прямое указание на перепечатку из ежедневного издания.

¹⁵ В частности из этого примечания мы узнаем, что материал печатался в номерах Japan Daily Mail за 2, 8, 11, 12, 19, 23, 25, 27 и 31 мая, а также 3 июня. Последующие даты не известны, поскольку такая ценная для библиографических разысканий ошибка более не повторялась.

¹⁶ Согласно оглавлению, в конце ее основного текста располагается приложение – данный годовой отчет, точнее краткое изложение или выписки из него в переводе Камбэ. Подробнее см. § 2.

¹⁷ В заголовке [Kambe 1883d, с. 29] приведен период записей: с апреля 1881 г. по май 1882 г., при этом в первой работе период был указан наоборот: с мая 1881 г. по апрель 1882 г. [Kambe 1883a, с. 1]. Как нам удалось установить по описываемым событиям, заголовок вторых записей ошибочен – в действительности они относятся к периоду с апреля 1882 г. по май 1883 г., т.е. хронологически являются продолжением первых.

записи так же имеют свое оглавление, составленное, возможно, издателями (см. § 2) [Kambe 1883d, с. 29]. Интересно, что эти части имеют такую же нумерацию, как и три предыдущие (ч. 1, 2 и 3), добавляя изрядной путаницы в понимание достаточно сложной структуры этих текстов. Таким образом, журнальная версия «Записей» состоит из шести частей, объединенных под одним заголовком. Хотя их можно рассматривать как три отдельные работы (записи, приложение к ним и продолжение записей), что для удобства изложения мы делаем далее, полагаем, что они представляют собой единое сочинение (записи с мая 1881 г. по май 1883 г. и приложение к ним – годовой отчет за 1882 г.).

Английский перевод отчета – «Записей услышанного» – в Japan Weekly Mail не совсем совпадает с японским текстом в «Токио Нитинити симбун», положенным в его основу. Многое излагается в пересказе и сжато, а кроме того, публикация не завершена, хотя в конце последнего изданного отрывка сказано To be continued [Kambe 1882b, p. 812]¹⁸. Текст «доведен» до заключительного параграфа первого раздела «Смесь», а далее следует редакторское замечание, что на этом указанный раздел длинного отчета завершается и начинается краткое изложение метеорологических наблюдений автора, т.е. второй раздел. Как уже говорилось, за этим должны были последовать термометрическая таблица и приложение, однако они не были напечатаны и в японском оригинале (см. выше). Упомянутое замечание, возможно, подсказывает, что редакция и не планировала печатать оставшийся небольшой раздел, или отказалась от этих планов в силу каких-либо причин далее. Неопубликованным в Japan Weekly Mail остался материал окончания отрывка в № 3153 «Токио Нитинити симбун» и двух последующих отрывков (№ 3154–3155) [Kambe 1882a, № 3153, с. 4d; № 3154, с. 4b–d; № 3155, с. 4c–d; Kambe 1883b, с. 26–33].

§ 2. Структура «Записей услышанного» и их содержание

В целом, отчет Камбэ содержит разнообразные сведения о состоянии коммерции и экономики во Владивостоке, но не ограничивается только этим. Выходя за временные рамки пребывания самого Камбэ в городе, отчет описывает и множество более ранних событий и происшествий. Все эти разрозненные сведения даны как отдельные параграфы в хронологическом порядке. Структура всех материалов представлена в таблице 1.

Таблица 1. Структура материалов

Материал	Токио Нитинити симбун	Japan Weekly Mail	Журнал Токийского географического общества
Эномото Такэаки. Исследование о границе Курильских островов	Enomoto 1882a; Enomoto 1882b	Enomoto 1882e	Enomoto 1882c; Enomoto 1882d
			Доклад. Ч. 1 Доклад. Ч. 2
Камбэ О:ити. Записи услышанного о Владивостоке. С мая 1881 г. по апрель 1882 г.	Kambe 1882a	Kambe 1882b	Kambe 1883a Kambe 1883b, с. 1–33, [1] л. вкл.
Камбэ О:ити. Годовой отчет Владивостока за 1882 г. (приложение к вышеуказанной работе)	—	—	Kambe 1883b, с. 35–74
			Kambe 1883c
Камбэ О:ити. Записи услышанного о Владивостоке. С апреля 1881 г. по май 1882 г. (т.е. с апреля 1882 г. по май 1883 г.)	—	—	Kambe 1883d
			Kambe 1883e
			Kambe 1883f

Составлено авторами.

¹⁸ В виду недоступности мы пока не располагаем сведениями, завершилась ли публикация в двух других газетах, как то в Japan Herald и Japan Daily Mail.

1. Записи услышанного о Владивостоке. С мая 1881 г. по апрель 1882 г.

Текст печатался в газете «Токио Нитинити симбун», в японских англоязычных газетах в переводе, а также в двух номерах журнала Токийского географического общества (таб. 1).

Отличия между этими публикациями изложены в § 1. Далее рассматривается только публикация в журнале как последняя и законченная версия текста.

Материалы публиковались под рубрикой «Географическая смесь» (地學雜報). Начало опубликовано в № 5 за октябрь 1882 г., вышедшем 21 февраля 1883 г., под заголовком «Записи услышанного о Владивостоке: с мая 1881 г. по апрель 1882 г. Выпуск 1» (從明治十四年五月至十五年四月 海參崴紀聞第一回) [Kambe 1883a].

Работа открывается предисловием Камбэ, написанным во Владивостоке и датированным 1882 г. (без заглавия; с. 1),¹⁹ за которым следуют:

1) небольшая «Памятка», в которой приводятся названия отчета – «Записи услышанного о Владивостоке» (海參崴紀聞) и «Записки об услышанном и увиденном в порту Владивосток» (領東港聞見録)²⁰ (備忘録; с. 2);

2) «Пояснения» по используемым в тексте терминам русской денежной системы и системы мер и весов, а также по скалькированному с русского топониму Рё:то:ко: (領東港) «порт Владивосток»²¹ (凡例; с. 2);

3) «Оглавление» (目次; с. 3).

Следующая за этим страница (с. 4) чистая. После нее на отдельном листе (вклейке) идет «Схематическая карта к дневнику [поездки в] район рыбного промысла» (漁場日記略圖).

Согласно оглавлению, работа состоит из трех разделов и приложения.

Первый раздел «Разрозненные записи» или «Смесь» (雜録)²² состоит из хронологически и иногда тематически упорядоченных записей, различных сведений, городских новостей и выдержек из документов. Записи многочисленны, неоднородны, имеют разный объем и иногда с трудом отделяются друг от друга. При подготовке настоящего описания мы ставили задачу расставить временные и смысловые «точки» для быстрого ориентирования в тексте, поэтому упоминаем лишь некоторые из них.

Текст раздела начинается с момента прибытия во Владивосток представителя Внешнеторговой компании (Бо:эки сё:кай 貿易商会)²³ Маэда Матахэй 10 октября 1880 г.²⁴ (с. 5). Вслед за этим описываются те или иные события, связанные с японским предпринимательством в городе, в частности с этой компанией (с. 5–8).

¹⁹ Согласно колофону: 明治十五年 於俄領海參崴 神戸應一識 [Kambe 1883a, с. 1].

²⁰ В памятке сказано: 一名海參崴紀聞又云領東港聞見録 [Kambe 1883a, с. 2].

²¹ Как поясняет Камбэ, топоним Рё:то:ко: (領東港) «порт Владивосток», отсутствующий в словарях и представляющий некоторые трудности для понимания, образован путем перевода с русского: 領東 «владеть Востоком» и 港 «порт». Топоним используется в тексте вместо транслитерации Урадзиосутоку (浦鹽斯德) [Kambe 1882a, № 3134, с. 4с; Kambe 1883a, с. 2].

²² В оглавлении при названии раздела подписано «Записаны разнообразные известия и коммерческие сведения» (雜報商況等ヲ記ス) [Kambe 1883a, с. 3].

²³ Подробнее о деятельности Внешнеторговой компании во Владивостоке см.: [Бушмакин 2023, с. 61–67].

²⁴ Даты в отчете Камбэ обычно даются по григорианскому календарю (новый стиль), уже принятому в Японии на тот момент, за исключением того, что год в них обозначается по девизу правления императора (в данном случае – Мэйдзи). Если какой-либо источник, привлекаемый Камбэ, датирован юлианским календарем (старый стиль), то он отмечает, что дата соответствует «российскому календарю» (俄曆). Для удобства мы переводим такие даты на григорианский календарь, приводя оба варианта и опуская подобное указание (традиционно дата старого стиля идет первой). В отдельных случаях сам Камбэ дает обе даты, что мы повторяем по той же схеме, никак не отмечая, что перевод принадлежит не нам. Кроме того, в тексте иногда встречаются даты «цинского календаря» (清曆), то есть китайского «сельскохозяйственного», год в которых разделен на лунные месяцы.

Май 1881 г. Запись от 20 мая 1881 г. сообщает о телеграмме от 5 (17) мая о назначении И.Г. Баранова (1835–1893) на место военного губернатора Приморской области вместо М.П. Тихменева (1834–1890), после чего дается справка о руководстве областью и Владивостоком с конца мая 1880 г. Здесь же упоминается телеграмма из столицы от 30 июня [1880 г.] (стиль не ясен) о присвоении Владивостоку статуса города (с. 8–9).

Далее следуют: известия о хунхузах и мерах по борьбе с ними (с. 9–11); запись от 28 июня о приезде в порт генерал-губернатора Восточной Сибири Д.Г. Анучина (1833–1900) и его инспекционных поездках по краю, а также о японских промышленниках и их предприятиях (с. 12); запись от 25 июля о пролетавшей над городом комете и новость о прокладке телеграфного кабеля между Сахалином и Приморьем (с. 13). К записи от 5 августа о заходе в порт корабля пароходства Мицубиси дано описание обстоятельств установления регулярного сообщения японских судов между Владивостоком и Японией (с. 13–17). Далее идут записи с 10 по 20 августа о заходящих во Владивосток и другие дальневосточные порты судах, их грузах и пассажирах (с. 17–19). Запись без даты описывает проблему клопов (с. 19). Новость от 25 августа о повышении налогов на купцов сопровождается рассуждениями о влиянии этих налогов на торговлю во Владивостоке (с. 19). В конце первого выпуска помещена новость о начале закупок кетовых Внешнеторговой компанией и записи дневникового типа, начиная с 11 сентября 1881 г., о поездке самого Камбэ на место добычи рыбы на реках Сидими (ныне – Нарва) и Мангугай (ныне – Барабашевка), переговорах с местными корейцами, и заключении договора на поставки рыбы для отправки в Японию (с. 19–26). К этим записям относится и вышеупомянутая карта.

Окончание опубликовано в № 6 за ноябрь 1882 г., вышедшем 7 мая 1883 г., под заголовком «Записи услышанного о Владивостоке. Выпуск 2» (海參崴紀聞第二回) [Kambe 1883b, с. 1–33].

Текст открывается продолжением дневниковых записей с 14 по 16 [сентября 1881 г.] (с. 1–4). Далее следуют сведения о рыбном промысле в Приморье и Приамурье (с. 4), о благотворительной ярмарке во Владивостоке 20 сентября (с. 4–5), о проведенном 15 августа представлении китайского театра²⁵ (с. 6), о судоходстве между Одессой и российскими дальневосточными портами (с. 6–7), о заходе во Владивосток 10 и 13 ноября японских судов и их грузах (с. 8).

Сообщается о визите во Владивосток в начале ноября начальника Хуньчуньской управы, *аньфуши* (安撫事) Ли Цзиньюна (李金鏞; 1835–1890) (с. 8–9). К этому прилагается текст объявления (告示) на китайском языке об уничтожении игорных домов, сделанного 23 октября (4 ноября) 1881 г. от имен Ли Цзиньюна и военного губернатора Владивостока А.Ф. Фельдгаузена (1832–1907) и вывешенного в полицейском участке (с. 9–10)²⁶. Кроме того, упоминается визит Ли Цзиньюна в японское Коммерческое агентство (дата не указана) и приводится текст письменного общения на китайском языке между ним и агентом Тэрами Киити (寺見機一; 1848–1903) (с. 10–13)²⁷. Это сопровождается собственными размышлениями Камбэ о причинах визита (с. 13).

Далее описываются поставки соленой рыбы Внешнеторговой компанией в Японию с указанием количества добытой рыбы и стоимости. Сообщается, что это предприятие вызвало недовольство горожан и местных рыбопромышленников, приводится перевод

²⁵ При этой записи указано: «поскольку 15 августа приходится на 7-ой день 7-ой луны по цинскому календарю». Здесь, вероятно, имеется в виду праздник Циси (七夕), но указание на соответствие дат ошибочно. Возможно, имеется в виду, что представление было только приурочено к празднику, хотя проводилось в другой день.

²⁶ Об этой истории см., например: [Нестерова 2004, с. 150]. Примечательно, что Камбэ публикует оригинальный китайский текст этого объявления.

²⁷ Традиционное образование в Японии включало изучение классического (письменного) китайского языка, поэтому японцы могли общаться с китайцами письменно.

текста обращения недовольных к местным властям (с. 13–15). В записи от 20 ноября снова идет речь о борьбе властей с хунхузами, здесь же даны наблюдения Камбэ об обращении военных с китайцами (с. 15–16). Новости от 30 ноября и 8 декабря посвящены навигации иностранных судов в Приморье (с. 16–17). Запись от 10 декабря пересказывает сведения от некоего офицера о вводе российских войск в Кульджу, это сопровождается наблюдениями Камбэ о состоянии армейских частей во Владивостоке (с. 17–18). Сообщается о смерти судовладельца М.К. Адамса (Matthew Catlin Adams; 1826–1881) в конце декабря и излагается краткая история его работы на Дальнем Востоке (с. 18–19).

Январь 1882 г. Описываются празднование Нового года японцами и русскими 1 и 12 января 1882 г. соответственно (с. 19–21), обстоятельства переезда филиала японской Внешнеторговой компании в новое здание 16 января (с. 21–22), внедрение полицейского учета населения (с. 22). Воспроизводятся слухи о появлении китайских пароходов на реке Сунгари и стоящих за этим политических обстоятельствах (с. 22), переданы новости об открытии сберегательной кассы в январе 1882 г. (с. 22–23). Далее, после к новости о праздновании китайцами Нового года 18 февраля (1-й день 1-й луны по цинскому календарю) (с. 23) прилагаются сведения о жизни иммигрантов из разных стран (с. 23–24). Приводится таблица изменения тарифов и информация об изменении маршрутов пароходства Мицубиси с конца февраля (с. 24–25). Здесь же упоминается, что 8 марта в городе проездом останавливался г-н Мадэноко:дзи (с. 25)²⁸.

Март 1882 г. Описана поездка главы филиала Внешнеторговой компании Маэда в Благовещенск с 22 марта (с. 25)²⁹. Далее даны сведения о заходе судов в порт за 29, 7 и 10 марта [1882 г.] (с. 25–26)³⁰.

Во втором разделе «Краткие метеорологические сведения» (氣象略) приводятся различные погодные наблюдения с апреля [1881 г.] по апрель [1882 г.], дается описание климатических и природных условий, в частности, упоминается обилие мух и комаров, описана и зарисована огромная сосулька, которую видел Камбэ (с. 26–33). Следующая за этим страница (с. 34) чистая.

Работа завершается третьим разделом – «Термометрической таблицей» (寒暖表)³¹, представляющей собой табличный график изменения температуры воздуха с декабря 1881 г. по март 1882 г., размещенном на отдельном листе (вклейке)³². График озаглавлен «Таблица измерения температур за северным окном на верхнем (или втором) этаже за эти четыре месяца» (此四ヶ月間樓上北窓外寒温實驗表).

2. Приложение: Годовой отчет Владивостока за 1882 г.

В этом же номере журнала (№ 6 за ноябрь 1882 г.) следом идет отдельная работа, являющаяся приложением к первой³³ и озаглавленная «Годовой отчет Владивостока за 1882 г. Выпуск 1» (海參崴明治十五年報第一回) [Kambe 1883b, с. 35–74].

²⁸ Здесь, вероятно, имеется в виду политик Мадэноко:дзи Митифуса (万里小路通房).

²⁹ Здесь имеется в виду Маэда Матахэй (前田又平). См. о нем: [Бушмакин 2023, с. 61; с. 64, фото 2].

³⁰ Возможно, здесь ошибка в последних двух датах и события происходили 7 и 10 апреля. Именно так интерпретировали эти выбивающиеся из хронологии даты переводчики на английский [Kambe 1882b, p. 812].

³¹ Название раздела указано только в оглавлении [Kambe 1883a, с. 3]. Вклейка имеет другой заголовок, указанный далее по тексту.

³² В табличном графике представлены соединенные между собой точки значений в градусах на температурных шкалах Реомюра (列氏) и Фаренгейта (華氏), показывающие среднюю (平均), самую низкую (最低度) и самую высокую (最高度) температуры утром (朝), днем (昼) и вечером (夕) за каждый из четырех месяцев. Измерения проводились за «северным окном» «на верхнем (или втором) этаже» неуказанного здания (возможно гостиницы, где проживал Камбэ) ежедневно в указанные времена суток в течение четырех месяцев.

³³ Согласно оглавлению к первой работе, в конце ее текста располагается «Приложение. Перевод выписок из годового отчета городской управы данного порта», которое «еще дописывается и будет прислано следующей

Работа открывается предисловием (緒言), написанным Камбэ во второй декаде февраля 1882 г. в гостинице (客舎) во Владивостоке³⁴, в котором объясняется необходимость сбора подробных сведений, изложенных в этой части. Указывается, что это перевод из русских документов, которые Камбэ с трудом добывал на месте (с. 35–36). Далее следует еще один заголовок, несколько отличающийся от приведенного в начале работы, – «Записи услышанного о Владивостоке. 1882 г. Выпуск 1» (明治十五年 海參崴紀聞第一回), за которым идет оглавление (目次; с. 36).

Согласно оглавлению, работа состоит из семи разделов. Первым из них идут «Выписки из годового финансового отчета порта Владивосток» (浦鹽港年報摘要) с подзаголовком «1880-й [отчетный] год» (千八百八十年度; с. 37)³⁵, содержащие данные по разным статьям приходов и расходов (с. 37–40), сравнительные суммы собранных налогов с 1870 по 1881 г. (千八百七十年ヨリ同八十一年ニ至ルマテ滿五ヶ年間ノ國稅比較高; с. 40–41), количество импортированных (輸入品) и экспортированных товаров (輸出品, с. 41–42), суммы сборов государственных налогов (國稅收入高; с. 42), количество зашедших в порт судов (商船入港高; с. 42), казенной недвижимости (官有家屋; с. 42–43), населения по категориям и национальностям за 1880 г. (千八百八十年度人口; с. 43–45). Следом идет раздел «Смесь» (雜錄; с. 45) со сведениями о рынке, профессиях, заводах, и бюджете на полицейские и пожарные нужды. Далее даны сведения о городских кавалерах орденов и медалей (賞典, с. 45–46) и перечислены члены «Коммерческого комитета» (商法代議員; с. 47).

Вторым в оглавлении указан раздел «О ситуации в порту Владивосток» (浦鹽港形勢論), однако в тексте такой заголовок не встречается. Судя по содержанию, к нему относится текст «Предложения» городского головы М.К. Федорова (1840–1906) относительно бюджета и налогов (市長「ヒヨードロフ」ノ意見; с. 47–49), а также выводы самого Камбэ по поводу сведений из ежегодного городского отчета (浦鹽港年報ヲ讀ンテ感アリ記シテ以テ他日ノ參觀ニ供セントス; с. 49–52), написанные в третьей декаде декабря 1881 г. «на верхнем этаже» (гостиницы?) в гавани бухты Золотой рог³⁶.

Третьим разделом идет «Таблица заходов и выходов торговых судов в порту Владивосток за 1881 г. по российскому календарю» (俄曆千八百八十一年浦鹽港商船出入表; с. 53–59)³⁷.

Завершается выпуск четвертым разделом под названием «Краткая опись импортированных товаров за 1881 г.» (千八百八十一年輸入品目略; с. 59–74)³⁸. Согласно примечанию в начале таблицы, эти сведения получены от ответственного чиновника (掛官), из чего можно предположить, что они не публиковались в русских источниках. Здесь перечислены продовольственные товары (飲食之部, с. 60–68) и одежда (衣服之部; с. 68–74).

Окончание опубликовано в № 8 за январь 1883 г., вышедшем 7 мая 1883 г., под заголовком «Записи услышанного о Владивостоке: 1882 г. Продолжение предыдущего номера» (明治十五年 海參崴紀聞前號ノ續) [Kambe 1883c].

почтой» (追加 本港市廳年報摘要譯 未タ脱稿セス次便ニ郵送ス) [Kambe 1883a, с. 3]. Учитывая это, полагаем, что второй текст и является этим приложением, хотя в нем самом это никак не обозначено.

³⁴ Согласно колофону: 明治十五年二月中浣於海參崴客舎識 [Kambe 1883b, с. 36].

³⁵ При названии раздела подписано: «Цифры в таблице указывают последовательно рубли и копейки, например, запись 2436669 означает 24 тысячи 366 рублей 60 (так!) копеек» (表中金錢ノ數字ハ盧布【ルーブル】ヨリ銅錢【カペーク】ニ於ル例ハ二四三六六六九トアルハ二萬四千三百六十六盧布六十銅錢ト知ルヘシ). В оглавлении этот раздел назван «Выписки из годового финансового отчета порта Владивосток за 1880 г.» (千八百八十年浦鹽港年報摘要) [Kambe 1883b, с. 36].

³⁶ Согласно колофону: 明治十四年十二月下旬於金角港頭樓上識 [Kambe 1883b, с. 52].

³⁷ В оглавлении этот раздел назван «Таблица заходов и выходов судов в порт Владивосток за 1881 г.» (千八百八十一年浦鹽港船舶出入表) [Kambe 1883b, с. 36].

³⁸ В оглавлении этот раздел назван «Краткая опись импортированных товаров в порту Владивосток за 1881 г.» (千八百八十一年浦鹽港輸入品目錄略) [Kambe 1883b, с. 36].

Текст открывается продолжением краткой описи импортированных товаров за 1881 г. Здесь перечислены разнородные товары (雜貨之部; с. 1–22).

Далее следует пятый раздел «Суммы налогов торговых предприятий и выписки из правил» (商業稅額及規則拔萃)³⁹, содержащий сведения о налогах, собираемых с коммерческих организаций (稅額; с. 22–23) и выписки из текста (§§ 32, 35, 36, 42, 24, 25, 26 и 65) коммерческих правил (商則; с. 23–28).

Шестой раздел «Выдержки из правил пользования двумя пристанями порта Владивосток» содержит перевод §§ 1 и 2 этих правил и краткое описание остальных параграфов, с 3-го по 14-й (浦鹽港兩波止場借受約束書摘要; с. 28–30)⁴⁰.

Последним, седьмым разделом идет «Опись цен на разные товары» (零賣物價概表; с. 31–37)⁴¹.

3. Записи услышанного о Владивостоке.

С апреля 1881 г. по май 1882 г. (т.е. с апреля 1882 г. по май 1883 г.)

Структурно работа похожа на первую (точнее, на ее первый раздел «Смесь»), и хронологически является ее прямым продолжением. Текст печатался в трех номерах журнала Токийского географического общества.

Материалы публиковались под рубрикой «Географическая смесь» (地學雜報). Начало опубликовано в № 2 за июнь 1883 г., вышедшем 22 октября 1883 г., под заголовком «Записи услышанного о Владивостоке: с апреля 1881 г. по май 1882 г.» (海參崴紀聞從明治十四年四月至明治十五年五月) [Kambe 1883d]. В действительности записи должны быть датированы апрелем 1882 г. – маем 1883 г. и этот заголовок является ошибочным⁴².

Работа открывается оглавлением (目次摘要; с. 29), за которым следует еще один заголовок, несколько отличающийся от приведенного в начале работы, – «Записи услышанного о Владивостоке» (海參崴紀聞) (с. 30)⁴³.

Согласно оглавлению, работа состоит из восьми разделов.

Апрель 1882 г. В первом разделе, идущем без заголовка в тексте, но названном «Разрозненные записи» или «Смесь» (雜記) в оглавлении [Kambe 1883d, с. 29], под первой записью от 17 апреля [1882 г.] даются сведения о заходящих в порт судах (с. 30). По-видимому, к этому же разделу относятся и различные датированные записи или новости далее по тексту, появляющиеся между (!) разделами, обозначенными в оглавлении.

³⁹ При названии раздела подписано: «Суммы в таблице, например, 618, ... означают 618 рублей» (表中金額ニ係ル數字例ハ六一八、〃ハ六百十八盧布ト知レ). В оглавлении этот раздел назван «Суммы налогов торговых предприятий и основные выписки из закона о коммерции» (商業稅額及商法拔萃一斑) [Kambe 1883b, с. 36].

⁴⁰ В оглавлении этот раздел назван «Выписки из правил пользования пристанью» (波止場借受約束書摘要) [Kambe 1883b, с. 36].

⁴¹ При названии раздела подписано: «по исследованию за май» (五月調査) и ниже с небольшим отступом «Цифры в таблице, например 6,5... нужно понимать как 6 рублей 50 копеек, а 35 означает 35 копеек» (表中金錢ノ數字例ハ六、五〃ハ六兩五錢ト知リ三十五トアルハ三十五銅錢ナリ).

⁴² В самом тексте записей год тех или иных событий не обозначается, приводится только месяц и день, что, возможно, и привело к ошибке в заголовке. Не исключено, что он был добавлен издателями и отсутствовал в рукописи. Заметим, что в работе отсутствует и датированное предисловие, что косвенно указывает на продолжение предыдущего текста. Хотя нестыковка заметна по описываемым событиям, относящимся к другому временному периоду, ее можно отследить и при переходе декабрьских дат в январские, когда автор полностью указывает новый наступивший год – 16-й год Мэйдзи, т.е. 1883 г. [Kambe 1883f, с. 39].

⁴³ Ниже заголовка подписано другое название: «Записки об услышанном и увиденном в порту Владивосток» (一名領東港【ウラジワストーク】聞見録) (слог *dzi* ジ в подписанном чтении-*фуригана* при слове 領東港 не пропечатан в имеющейся в нашем распоряжении копии).

Следом, в записи от 7 мая приводятся данные об одном из владельцев упомянутых судов, купце М.Г. Шевелёве (1844–1903) (с. 30–31). Большую часть этого выпуска занимает второй раздел с заголовком «Копия контракта» (條約書寫), где дается перевод контракта Шевелёва с местным властями на грузопассажирские перевозки парохомом «Байкал», датированный 1 апреля 1880 г. (с. 31–44)⁴⁴. К тексту контракта даны приложения с таблицами расстояний и стоимости перевозок (с подзаголовком «Таблицы приложений», 諸表ノ附録, с. 44–49). Перед таблицами даны небольшие пояснения (с. 44–45).

Продолжение опубликовано в № 3 за сентябрь 1883 г., вышедшем 16 ноября 1883 г., под заголовком «Записи услышанного о Владивостоке. Выпуск 2» (海參崴紀聞第二回) [Kambe 1883e].

Текст начинается с записи от 12 мая [1882 г.] о грозе. В записи за следующий день приводится перевод телеграммы из Санкт-Петербурга (彼得堡) от 29 апреля о переселенцах в Южно-Уссурийский край (с. 37). Далее без даты с указанием «недавно» (此頃) дается сообщение об убийстве хунхузами сына американца Купера и двух китайцев, описаны обстоятельства этого происшествия (с. 37–38). За этим идет запись от 18 мая о приезде консула Кобаяси Танъити (小林端一) и писаря Кудзэ Гэн (久世原), следующих на место службы в Корсаков (с. 38). Далее в записи от 27 мая сообщается о телеграмме из Санкт-Петербурга по текущим административным вопросам от 14 (26) мая и приводится ее пересказ (с. 38). Запись от 25 мая рассказывает об организации выступлений жонглеров ногами, при этом отмечается, что такие развлечения в городе редки (с. 38). Далее идут записи от 4 мая (т.е. июня) о приходе еще одной телеграммы по административным вопросам, отправленной из Санкт-Петербурга 20 мая (1 июня) (с. 38–39); от 9 июня о приезде во Владивосток генерал-губернатора Баранова; от 17 июня о погибших от рук хунхузов; от 20 июня о заходе в порт парусника Отафуку-мару (於多福丸) (с. 39). За ними следуют пересказ телеграммы из Санкт-Петербурга, датированной 17 (29) июня, о планах по переселенцам в Камчатский край и открытии там административного учреждения, и сведения о пограничном размежевании между Россией и Китаем (с. 39–40).

Далее идет третий раздел, содержащий перевод с английского языка «Прспекта угледобывающего предприятия в Сидими», датированного 19 июня 1881 г. (柴枝美炭坑會社趣意書; с. 40–48)⁴⁵. К проспекту приложен перевод «Отчета командира российского броненосного корабля “Минин” г-на [П.Н.] Назимова» об этом предприятии, датированного августом 1880 г. (俄國甲鐵艦「ミーニン」號艦長「ナジモフ」氏の報告; с. 48–53)⁴⁶. За ними приводятся «Отчет о руднике Сидими» (柴枝美炭山報告; с. 53–55), датированный 23 июня 1881 г., «Перевод гарантийного письма» (保証狀ノ譯), датированный 13 сентября 1881 г. (с. 55–57), и текст телеграмм между Шанхаем и Санкт-Петербургом (彼得堡) относительно прав на владение участком земли этого предприятия, датированных 17 октября 1881 г. (стиль всех дат не ясен) (с. 57–58).

После этого приводится сокращенный текст телеграммы из Санкт-Петербурга во Владивосток, датированной 23 июня (5 июля) [1882 г.], о повышении акцизов на импортные спиртные напитки (с. 58–59). Далее идут записи от 23 июля о прибытии Мацудайра Таро: (松平太郎) и убытии его в Николаевск; от 25 июля о получении телеграммы из Санкт-Петербурга относительно учреждения во Владивостоке областного суда; от 14 (26) и 14 [т.е. 15] (27) июля о температуре воздуха.

⁴⁴ В оглавлении этот раздел назван «Договор по регулярному пароходу Байкал» (定期汽船拜喀爾號條約書) [Kambe 1883d, с. 29].

⁴⁵ В оглавлении этот раздел назван «Прспект об основании угледобывающего предприятия в Сидими» (柴枝美炭坑會社設立趣意書) [Kambe 1883d, с. 29].

⁴⁶ При подзаголовке подписано: «Вторичный перевод с английского текста, изначальный текст на русском языке» (原俄文英文ヨリ復譯).

Запись за 31 июля касается неназванных волнений в Корее (по-видимому, солдатского бунта, получившего в историографии название «инцидент в Имо»), начавшихся 23 июля, дается отчет о реакции владивостокских японцев на него и текст их прошения (願書) о принятии собранных пожертвований (с. 59–62). Текст адресован коммерческому агенту Тэрами Киити и датирован 30 августа 1882 г. Далее идут записи городских новостей о заходах судов с 8 по 22 августа (с. 62–63), к записи от 13 августа дается комментарий относительно иностранных военных кораблей (с. 62). Запись за 12 (24) августа содержит перевод приказа о новой пошлине на экспорт кетовых от 11 августа 1882 г. (стиль не ясен), и размышления Камбэ по поводу несправедливости дополнительного финансового бремени (с. 63). К записи о проведении благотворительного мероприятия 22 августа (3 сентября) дан отчет о собранных средствах с указанием сумм и фамилий пожертвовавших, сообщается о сборах за билеты и проданные товары, о расходах на проведение мероприятия, и об общем балансе (с. 64–67).

Окончание опубликовано в № 4 за октябрь 1883 г., вышедшем 9 декабря 1883 г., под заголовком «Записи услышанного о Владивостоке. Выпуск 3» (海參崴紀聞第三回) [Kambe 1883f].

Текст открывается наблюдением о том, что жара спала, вероятно, от самого Камбэ. Следом идет новость от 23 августа (4 сентября) [1882 г.] об установлении мира в Корее, по-видимому, означающая окончание инцидента в Имо (с. 29).

Далее, согласно оглавлению, начинается четвертый раздел⁴⁷, состоящий в действительности из двух подразделов: переводов «Закона о лесодобыче в Южноуссурийском крае» (南烏蘇里領伐木法; с. 29–36) с таблицей пошлин (南烏蘇里領伐木定稅; с. 34–35) и «Балластных правил» (船足例規【バルラーストブラーウイロ】; с. 36–37).

После сообщения от 19 сентября (1 октября) об отбытии самого Камбэ в Николаевск, следуют его рассуждения о трудности ведения торговли в Приморье (с. 37–38). За ними идут записи с 27 октября 1882 г. по 1 января 1883 г. (с. 38–40). Из них к записи от 3 ноября, когда японцы Владивостока праздновали день рождения императора, прилагается текст поздравления (с. 38).

Январь 1883 г. Запись от 20 января сообщает о возвращении Камбэ из Николаевска и содержит его небольшой отчет о поездке (с. 40).

Пятым разделом идут таблицы разных климатических показателей Санкт-Петербурга, Москвы и Владивостока под заголовком «Сравнительная таблица средних показателей погоды» (氣象比較平均表; с. 41–43), за которыми снова следуют датированные записи – за 25 марта, 28 марта (9 апреля) и 5 (17) апреля (с. 43–44).

Шестой раздел – перевод «Проспекта об основании Центральной посреднической торговой компании» (中央介商社設立ノ趣意; с. 44–55)⁴⁸. Внутри проспекта есть отдельный документ «Основные правила ведения дел Центральной посреднической торговой компании» (中央介商理事務總則; с. 51–55). В конце дано краткое примечание переводчика о том, что он сократил некоторые места в тексте (譯曰; с. 55). Документы не датированы, но в § 17 правил (с. 55) указано, что уставной капитал был внесен в Министерство финансов и получено разрешение от 17 октября 1880 г. (стиль не ясен).

Далее к новости об увеличении гарнизона в Янчихе от 7 (19) апреля 1883 г. приложен комментарий о политике России на Дальнем Востоке в отношении корейцев и Китая

⁴⁷ В оглавлении этот раздел назван «Закон о лесодобыче в Южно-Уссурийском крае и балластные правила» (南烏蘇里州伐木法并二船足規則) [Kambe 1883d, с. 29]. Кроме того, между этим объединенным заголовком и заглавиями подразделов в тексте наблюдаются незначительные отличия в трех иероглифах, не меняющие смысл текста.

⁴⁸ В оглавлении этот раздел назван «Проспект об основании «Центральной посреднической торговой компании» в европейской России» (歐洲俄國中央介商社設立趣意書) [Kambe 1883d, с. 29].

(с. 55–57). Это седьмой раздел, идущий без заголовка в тексте, но названный «Приграничные распри между Китаем и Россией на юго-восточной границе» (清俄東南經界葛藤) в оглавлении [Kambe 1883d, с. 29].

За этим следуют записи от 9 (21) и 23 апреля (с. 57). Последняя касается начала выпуска газеты «Владивосток» и к ней прилагается таблица стоимости подписки с указанием мест продажи (с. 57–58). Далее при сообщении от того же числа о прибытии корабля фирмы «Мицубиси кисэн» (三菱汽船) кратко излагается история ее работы во Владивостоке (с. 58–59).

Восьмой раздел содержит «Таблицу заходов в гавань торговых судов в порту Владивосток за 1882 г. по российскому календарю» (俄曆千八百八十二年浦潮港商船入津表; с. 59–64)⁴⁹, где расписаны соответствующие сведения с 17 апреля по 4 декабря за указанный год. Далее дана «Таблица себестоимости импортированных на торговых судах товаров и имен получателей» (商船輸入品元價并二荷受主人名表; с. 64–65). Завершают этот раздел датированные записи от 25 апреля, 18 (30) апреля, и 3–4 мая 1883 г. (с. 65–66).

Май 1883 г. В конце Камбэ указывает, что покидает Владивосток 7 мая поскольку «вынужден уволиться из фирмы в связи с обстоятельствами» (故アリ強テ退社). Здесь же указана дата и место окончания работы: 5 мая 1883 г. в смотрящем на север двухэтажном здании во Владивостокской гавани⁵⁰.

В конце номера приводятся поправки (正誤) к тексту «Записей», опубликованному в № 2 за июнь 1883 г. [Kambe 1883f, с. 81].

Заключение

В статье предпринята попытка представить историографические и библиографические сведения, а также раскрыть содержание одного из японских исторических источников конца XIX в. о Владивостоке, которым является отчет корреспондента Токийского географического общества Камбэ О:ити, опубликованный под заглавием «Записи услышанного о Владивостоке» в 1882–1883 гг. и структурно состоящий из трех частей – записей для периода с мая 1881 г. по апрель 1882 г., приложения к ним в виде «годового отчета» городской управы Владивостока за 1882 г., и продолжения записей, охватывающих период с апреля 1882 г. по май 1883 г.

В ходе исследования удалось прояснить историю их публикации. В частности, было установлено, что первая из входящих в отчет работ была изначально напечатана в газете «Токио Нитинити симбун», а затем вышла в английском переводе в нескольких японских англоязычных газетах, из которых мы выявили лишь издание в Japan Weekly Mail. Далее она и две последующие работы были опубликованы в шести частях в «Журнале Токийского географического общества». Было показано, что все они могут рассматриваться как единое сочинение, состоящие из основного текста с записями для периода с мая 1881 г. по май 1883 г. и приложения к ним – указанного «годового отчета».

⁴⁹ При названии раздела подписано: «Знак «\» справа внизу от цифры в таблице означает разряд рублей» (表中金銭ノ數字ノ右下角ニ\ノ印アルハ「ルーブル」ノ位ト知ルベシ). В оглавлении этот раздел назван «Таблица заходов в порт торговых судов за 1882 год / 15-й год Мэйдзи» (千八百八十二年明治十五年商船入港表), кроме того, к названию добавлен иероглиф «конец» (尾), по-видимому, отмечающий конец работы и не относящийся к заголовку [Kambe 1883d, с. 29].

⁵⁰ Согласно колофону: 明治十六年五月五日於領東港頭北望樓擱筆 [Kambe 1883f, с. 66]. Место окончания работы не совсем ясно и может быть прочитано несколькими способами в зависимости от разбиения фразы 領東港頭北望樓: «в северной (北) (наблюдательной) башне (望樓) во Владивостокской гавани (領東港頭)», «в (наблюдательной) башне (望樓) к северу от Владивостокской гавани (東港頭北)», «в смотрящем на север (北望) двухэтажном здании (樓) во Владивостокской гавани (領東港)». Мы остановились на последнем варианте.

Не все из поставленных в исследовании задач были разрешены. Так, пока не удалось ознакомиться, а строго говоря, подтвердить существование англоязычных публикаций отчета в газетах Japan Daily Mail и Japan Herald. Данные об этом основаны на анализе косвенных свидетельств из вторичных источников, а потому должны рассматриваться как исходные для дальнейших библиографических разысканий. Отдельное исследование должно быть посвящено и самому Камбэ О:ити, сведения о котором достаточно фрагментарны и разбросаны по литературе. Сбор их воедино существенно увеличил бы объем статьи только за счет библиографии, поэтому сейчас они приводятся лишь в необходимом, но очень кратком виде. Кроме того, известно, что перу Камбэ принадлежит еще несколько работ, например, небезынтересный «Обзор промышленности в России» (Рококу сангё: ё:ран 露國産業要覽), опубликованный в 1896 г. Оставить их без внимания было бы нельзя, что предполагает проведение специального биобиблиографического исследования.

Хотя вынесенные в заголовок хронологические рамки «Записей услышанного» ограничены 1881–1883 гг., что может производить впечатление некоторой источниковедческой незначительности, его содержание, как было показано, очень богато, а сам он достаточно объемён и выходит за указанные временные пределы. Отчет писался в то время, когда во Владивостоке только начали открываться представительства японских компаний, что естественно привело к расширению японского присутствия и диаспоры в регионе, а потому он даёт неоценимые исторические сведения об этом раннем этапе. При этом его текст, перенасыщенный иностранными именами и названиями, записанными японской азбукой *катакана*, чрезвычайно труден для правильного перевода – фактологической и документальной проверке по неапонским источникам необходимо подвергнуть большинство, если не каждое из них. Желательно выявить и первоисточники – русские и английские документы, которые были в распоряжении Камбэ и легли в основу его переводов.

Полагаем, что повторный ввод «Записей услышанного» в научный оборот – современное его издание, а тем более комментированный русский перевод – принес бы богатые плоды в исследованиях по истории Владивостока и Приморского края во всех ее аспектах. Результаты настоящего исследования можно считать начальной вехой на этом пути.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бушмакин В.А. Зарождение Торгового дома Сугиура во Владивостоке // *Известия Восточного института*. 2023. № 4 (60). С. 60–70.
- Моргун З.Ф. Японская мозаика Владивостока. 1860–1937: Научно-популярное издание о картине жизни Владивостока на примере японской диаспоры. Владивосток: Приморский государственный музей имени В.К. Арсеньева. 2014.
- Нестерова И.Е. Русская администрация и китайские мигранты на Юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та. 2004. (Монографии; вып. 1).
- Тамура Айка. Из истории торгово-промышленной деятельности японцев на Дальнем Востоке России (1870–1922 гг.) // *Россия и АТР*. 2007а. № 1 (55). С. 121–129.
- Тамура Айка. Японская иммиграция на Российский Дальний Восток во второй половине XIX – первой трети XX в. : по источникам и литературе на японском языке : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03. Владивосток, 2007b.

REFERENCES

- Bushmakin, V. (2023). Zarozhdeniye Torgovogo doma Sugiura vo Vladivostoke [The Birth of Sugiura Trading Company in Vladivostok]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 4, 60–70. (In Russian).

- Morgun, Z. (2014). *Yaponskaya mozaika Vladivostoka. 1860–1937* [The Japanese Mosaic of Vladivostok: 1860–1937]. Vladivostok: Primorskii gosudarstvennyi muzei imeni V. K. Arsen'eva. (In Russian).
- Nesterova, I. (2004). *Russkaya administratsiya i kitaiskie migranty na Yuge Dal'nego Vostoka Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Russian Administration and Chinese Migrants in the South of the Russian Far East (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)]. Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta. (In Russian).
- Tamura, A. (2007a). Iz istorii torgovo-promyshlennoi deyatelnosti yaponsev na Dal'nem Vostoke Rossii (1870–1922 gg.) [From the History of Trade and Industrial Activities of the Japanese in the Russian Far East (1870–1922)]. *Rossiya i ATR*, 1, 121–129. (In Russian).
- Tamura, A. (2007b). *Yaponskaya immigratsiya na Rossiiskii Dal'nii Vostok vo vtoroi polovine XIX – pervoi treti XX v. : po istochnikam i literature na yaponskom yazyke : dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk : 07.00.03* [Japanese Immigration to the Russian Far East in the Second Half of the 19th – First Third of the 20th Century : Based on Sources and Literature in the Japanese Language : Dissertation ... Candidate of Historical Sciences : 07.00.03]. Vladivostok. (In Russian).

* * *

- Enomoto, T. (1882a). Chishima kyōkaikō: tsuketari Rokō ibun [A Study of the Kuril Islands Border: With Appendix of Little-Known Stories of the Russian Invasion]. Enomoto Takeaki jutsu. *Tōkyō Nichinichi Shimbun*. 3109, 27.04.1882, 3a–b; 3112, 01.05.1882, 3d–4a; 3114, 03.05.1882, 3d–4b; 3115, 04.05.1882, 4c–d; 3117, 06.05.1882, 3d–4b; 3118, 08.05.1882, 4c–d. (In Japanese).
- Enomoto, T. (1882b). Chishima kyōkaikō: tsuketari Rokō ibun dainikai [A Study of the Kuril Islands Border: With Appendix of Little-known Stories of the Russian Invasion. Part 2]. Enomoto Takeaki jutsu. *Tōkyō Nichinichi Shimbun*. 3125, 16.05.1882, 4c–d; 3126, 17.05.1882, 4c–d; 3128, 19.05.1882, 4c–d; 3129, 20.05.1882, 4a–b; 3130, 22.05.1882, 4c–d; 3132, 24.05.1882, 4b–c; 3133, 25.05.1882, 4a–b. (In Japanese).
- Enomoto, T. (1882c). Chishima kyōkaikō: tsuketari Rokō ibun [A Study of the Kuril Islands Border: With Appendix of Little-Known Stories of the Russian Invasion]. Historical Notes on the Russo-Japanese Boundaries. – A Fragment of the Russian Intrusion. Enomoto Takeaki jutsu. *Tōkyō Chigaku Kyōkai Hōkoku* [Journal of the Tokyo Geographical Society], 3 (9), [02.1882], 17.04.1882, 1–20. (In Japanese).
- Enomoto, T. (1882d). Chishima kyōkaikō: tsuketari Rokō ibun dainikai [A Study of the Kuril Islands Border: With Appendix of Little-Known Stories of the Russian Invasion. Part 2]. Historical Notes on the Russo-Japanese Boundaries. – A Fragment of the Russian Intrusion. Enomoto Takeaki jutsu. *Tōkyō Chigaku Kyōkai Hōkoku* [Journal of the Tokyo Geographical Society], 3 (10), [03.1882], 13.05.1882, 1–16. (In Japanese).
- Enomoto, T. (1882e). On Chi-shima (Kurile Islands) and Russian Invasion: [Admiral Yenomoto's Lecture]. (Translated from the *Nichi Nichi Shimbun*). *The Japan Weekly Mail: A Weekly Review of Japanese Commerce, Politics, Literature and Art (Yokohama)*. 6 (19), 13.05.1882, 589–593; 6 (20), 20.05.1882, 621–622; 6 (21), 27.05.1882, 654–656.
- Enomoto, T. (s.a.). *Chishima kyōkaikō: tsuketari Rokō ibun: zen* [A Study of the Kuril Islands Border: With Appendix of Little-Known Stories of the Russian Invasion. Full Text]. Enomoto Takeaki jutsu. Sapporo: Hokkaidō Teikoku Daigaku. 2 copies. Hokkaidō University Library Collection. Shelf-marks: 951.4/ENO/千; 915.7/ENO/別千島. (In Japanese).
- Griffis, W.E. (1882). *Corea: The Hermit Nation: I. Ancient and Mediæval History. II. Political and Social Corea. III. Modern and Recent History*. London: W.H. Allen & Co. U.S. Edition: New York: Charles Scribner's sons.
- Kambe, Ō. (1882a). Kaisan'i kibun [Records of Things Heard on Vladivostok]. [Kambe Ōichi jutsu]. *Tōkyō Nichinichi Shimbun*. 3134, 26.05.1882, 4b–d; 3135, 27.05.1882, 4d; 3136, 29.05.1882, 4c–d; 3137, 30.05.1882, 4d; 3138, 31.05.1882, 4c–d; 3139, 01.06.1882, 4b–c; 3140, 02.06.1882, 4c–d; 3141, 03.06.1882, 4c–d; 3142, 05.06.1882, 4c–d; 3143, 06.06.1882, 4b–d; 3144, 07.06.1882, 4b–d; 3146, 09.06.1882, 4c–d; 3147, 10.06.1882, 4c–d; 3148, 12.06.1882, 4b–d; 3149, 13.06.1882, 4c–d; 3150, 14.06.1882, 4c–d; 3151, 15.06.1882, 4c–d; 3152, 16.06.1882, 4c–d; 3153, 17.06.1882, 4c–d; 3154, 19.06.1882, 4b–d; 3155, 20.06.1882, 4c–d. (In Japanese).

- Kambe, Ō. (1882b). On the Chi-shima (Kurile Islands) and Russian Invasion: Continuation of Admiral Yenomoto's Lecture. (Translated from the *Nichi Nichi Shimbun*): Report from Kamschatka. Report from Vladivostok. *The Japan Weekly Mail: A Weekly Review of Japanese Commerce, Politics, Literature and Art* (Yokohama). 6 (22), 03.06.1882, 683–685; 6 (24), 17.06.1882, 747–748; 6 (26), 01.07.1882, 809–812.
- Kambe, Ō. (1883a). Kaisan'i kibun: Daiikkai: Jū Meiji jūyōnen gogatsu shi jūyōnen shigatsu [Records of Things Heard on Vladivostok: From May 1881 to April 1882. Vol. 1]. Notes on Vladivostoc. Kambe Ōichi shiki. *Tōkyō Chigaku Kyōkai Hōkoku* [Journal of the Tokio Geographical Society], 4 (5), 10.1882, 21.02.1883, 1–26, [1] p. of pl. (In Japanese).
- Kambe, Ō. (1883b). Kaisan'i kibun: Dainikai [Records of Things Heard on Vladivostok. Vol. 2]. Notes on Vladivostoc; Kaisan'i Meiji jūyōnempō daiikkai [Vladivostok Yearly Report for 1882. Vol. 1]. Kambe Ōichi jutsu. *Tōkyō Chigaku Kyōkai Hōkoku* [Journal of the Tokio Geographical Society], 4 (6), 11.1882, 07.05.1883, 1–33, 35–74, [1] p. of pl. (In Japanese).
- Kambe, Ō. (1883c). Kaisan'i kibun: Zengō-no zoku: Meiji jūyōnen [Records of Things Heard on Vladivostok: Year 1882. Continuation from the Previous Number]. Kaisan'i kibun: Daisankai [Records of Things Heard on Vladivostok. Vol. 3]. Notes on Vladivostoc. Kambe Ōichi jutsu. *Tōkyō Chigaku Kyōkai Hōkoku* [Journal of the Tokio Geographical Society], 4 (8), 01.1883, 07.05.1883, 1–37. (In Japanese).
- Kambe, Ō. (1883d). Kaisan'i kibun: Jū Meiji jūyōnen shigatsu shi Meiji jūyōnen gogatsu [Records of Things Heard on Vladivostok: From April 1881 to May 1882]. Kaisan'i kibun: Daiikkai [Records of Things Heard on Vladivostok. Vol. 1]. Notes on Vladivostoc. Kambe Ōichi shiki. *Tōkyō Chigaku Kyōkai Hōkoku*. [Journal of the Tokio Geographical Society], 5 (2), 06.1883, 22.10.1883, 29–49. (In Japanese).
- Kambe, Ō. (1883e). Kaisan'i kibun: Dainikai [Records of Things Heard on Vladivostok. Vol. 2]. Notes on Vladivostoc. Kambe Ōichi shiki. *Tōkyō Chigaku Kyōkai Hōkoku* [Journal of the Tokio Geographical Society], 5 (3), 09.1883, 16.11.1883, 37–67. (In Japanese).
- Kambe, Ō. (1883f). Kaisan'i kibun: Daisankai [Records of Things Heard on Vladivostok. Vol. 3]. Notes on Vladivostoc. Kambe Ōichi shiki. *Tōkyō Chigaku Kyōkai Hōkoku* [Journal of the Tokio Geographical Society], 5 (4), 10.1883, 19.12.1883, 29–66, 81 (errata). (In Japanese).
- Saveliev, I. (2005). *Imin-to kokka: Kyokutō Rosia-ni okeru Chūgokujin, Chōsenjin, Nihonjin imin* [Migration and State: Chinese, Korean, and Japanese Diaspora in the Russian Far East]. Tōkyō: Ochanomizu shobō. (In Japanese).
- Sugiyama, K. (1996). Nihonjin shōten-no tōjō [The Appearance of Japanese Shops]. *Sēveru*, 2, 1–7. (In Japanese).
- Tōkyō Chigaku Kyōkai. (Eds.) (1882a). Tōkyō Chigaku Kyōkai rokuji: Meiji jūyōnen nigatsu [Protocols of the Tokio Geographical Society: February 1882]. *Tōkyō Chigaku Kyōkai Hōkoku* [Journal of the Tokio Geographical Society], 3 (9), [02.1882], 17.04.1882, 1. (In Japanese).
- Tōkyō Chigaku Kyōkai. (Eds.) (1882b). Tōkyō Chigaku Kyōkai rokuji: Meiji jūyōnen sangatsu [Protocols of the Tokio Geographical Society: March 1882]. *Tōkyō Chigaku Kyōkai Hōkoku* [Journal of the Tokio Geographical Society], 3 (10), [03.1882], 13.05.1882, 1–2. (In Japanese).
- Tōkyō Gaikokugo Daigaku shi hensan iinkai. (Eds.) (1999). *Tōkyō Gaikokugo Daigaku shi: Dokuritsu hyaku shūnen (Kengaku hyaku nijūroku nen) kinen* [The History of Tokyo University of Foreign Studies: In the Memory of 100 Years of Independence (126 Years of Foundation)]. [Honhen]. Tōkyō: Tōkyō Gaikokugo Daigaku. (In Japanese).
- Wenckstern, Fr. von. (1895). *A Bibliography of the Japanese Empire: Being a Classified List of all Books, Essays and Maps in European language relating to Dai Nihon [Great Japan] published in Europe, America and in the East from 1859–93 A.D. [VIth year of Ansei – XXVIth of Meiji] compiled by Fr. von Wenckstern ; To which is added a facsimile-reprint of: Leon Pagès, Bibliographie japonaise depuis le XVe siècle [i.e. siècle] jusqu'à 1859*. Leiden: E. J. Brill, Publisher & Printer.

Поступила в редакцию: 16.09.2024

Received: 16 September 2024

Принята к публикации: 26.01.2025

Accepted: 26 January 2025

DOI: 10.55105/2500-2872-2025-1-112-127

Служба Мацуда Дэндзюро в Хакодате и его окрестностях с 31 октября 1799 г. по 1 января 1801 г. (по материалам «Рассказов о северных варварах»)

А.В. Климов

Аннотация. Рукопись Мацуда Дэндзюро: 松田伝十郎 (1769–1843) «Рассказы о северных варварах» («*Хокуидан*», 北夷談) является ценным источником по истории российско-японских отношений, освоении японцами северных территорий, заселенных айнами, отношений между ними и японцами, меновой торговли. Письменный источник состоит из семи тетрадей. Время его создания приходится на первые годы эры Бунсэй (文政, 1818–1831). В нем в хронологическом порядке описаны события с 1799 по 1822 г., т.е. события, произошедшие за 24 года службы Мацуда в землях айнов. Рукопись написана скорописью (по-японски: «травяным письмом», *со:сё* 草書). Во второй половине первой тетради «Рассказов» рассматриваются медвежий праздник и предметы культа айнов – *инау*, которые были подробно описаны автором в статье [Климов 2024].

Данная статья является продолжением описания событий первой тетради, в которой Мацуда описывает: зимовку в Аккэси, быт и одеяния айну, особенности охоты на морских котиков, отношение к рыбе-луне, зимовку в Апута, борьбу с возникшей эпидемией оспы и свое возвращение в Эдо. Текст сопровождается многочисленными зарисовками. Иллюстрации имеют большую ценность. Они дают дополнительную информацию, отсутствующую в самом тексте. Описания относятся к октябрю 1799 – январю 1801 г. Рукопись «*Хокуидан*» до сих пор не переведена ни на один из европейских языков, за исключением русского. Автор настоящей статьи представил на суд читателей отдельные фрагменты письменного источника в главах опубликованных коллективных монографий. За основу был взят опубликованный текст рукописи на старояпонском языке в десяти томной серии письменных памятников под названием «Собрание исторических материалов о жизни простого народа Японии» (*Нихон сёмин сэйкацу сирё: сю:сэй*, 日本庶民生活史料集成). Также мы пользовались самой рукописью, которая хранится в Государственном архиве Японии.

Ключевые слова: Мацуда Дэндзюро:, Хоккайдо, Хакодате, айну, Апута/Абута, «Рассказы о северных варварах».

Автор: Климов Артем Вадимович, старший преподаватель кафедры японоведения Института востоковедения и африканистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (СПб) (адрес: 190068, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова д. 123а). ORCID: 0000-0002-3461-6677; E-mail: av Klimov@hse.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Климов А.В. Служба Мацуда Дэндзюро в Хакодате и его окрестностях с 31 октября 1799 г. по 1 января 1801 г. (по материалам «Рассказов о северных варварах») // Японские исследования. 2025. № 1. С. 112–127. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-1-112-127

Matsuda Denjuro's service in Hakodate and the surrounding area from October 31, 1799, to January 1, 1801 (Based on the “Tales of the Northern Barbarians”)

A. V. Klimov

Abstract. The manuscript “Tales of the Northern Barbarians” (*Hokuidan*, 北夷談) by Matsuda Denjūrō 松田伝十郎 (1769–1843) is a valuable source on the history of Russian-Japanese relations, the development of the northern territories inhabited by the Ainu conducted by the Japanese, relations between the Ainu and the Japanese, their barter trade. The written source consists of seven notebooks. The manuscript was created in the first years of the Bunsei era (文政, 1818–1831). It describes the events from 1799 to 1822 in chronological order, i.e., events that occurred during the 24 years of Matsuda's service in the lands of the Ainu. The manuscript is written in cursive (Japanese: "grass writing," *sōsho* 草書). The second half of the first book examines the bear festival and the *inau*, cult objects of the Ainu, which were described in detail by the author in [Klimov 2024].

This article is the continuation of the description of the events of the first notebook, in which Matsuda describes: wintering in Akkeshi, the life and clothing of the Ainu, the peculiarities of hunting sea lions, the attitude towards the moon fish, wintering in Aputa, the fight against the smallpox epidemic that arose, and his return to Edo. The text is accompanied by numerous sketches. The illustrations in the manuscript are of great value, providing additional information that is missing from the text itself. Matsuda's descriptions refer to November 1799 – January 1801. The *Hokuidan* manuscript has not yet been translated into any of the European languages other than Russian. The author of this article provided translations of fragments of the written source in the chapters of published collective monographs. The translation was carried out from the published text of the Japanese manuscript in the ten-volume series of written monuments entitled “Collection of Historical Materials About the Life of Common People of Japan” (*Nihon shomin seikatsu shiryō shūsei* 日本庶民生活史料集成). We also used the original manuscript that is kept in the National Archives of Japan.

Keywords: Matsuda Denjūrō, Hokkaido, Hakodate, Ainu, Aputa/Abuta, “Tales of the Northern Barbarians”.

Author: Klimov Artem V., Senior Lecturer, Department of Japanese Studies, Institute of Oriental and African Studies, National Research University Higher School of Economics (NRU HSE) (Saint Petersburg) (address: Russia, 190068, Saint Petersburg, Griboedov Channel Embankment, 123a). ORCID: 0000-0002-3461-6677; E-mail: avklimov@hse.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Klimov, A.V. (2025). Sluzhba Matsuda Dendzyuro v Khakodate i ego okrestnostyakh s 31 oktyabrya 1799 g. po 1 yanvarya 1801 g. (po materialam «Rasskazov o severnykh varvarakh») [Matsuda Denjuro's service in Hakodate and the surrounding area from October 31, 1799, to January 1, 1801 (Based on the “Tales of the Northern Barbarians”)]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 1, 112–127. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-1-112-127

Введение

Мацуда Дэндзюро: 松田伝十郎 (1769–1843) – чиновник низкого ранга военного правительства (бакуфу, 幕府), которого послали осваивать земли, заселенные айнами на Хоккайдо, Сахалине и южных островах Курильской гряды, именуемых «землями варваров» (*эдзоту*, 蝦夷地), работал в непосредственном контакте с местным населением. Поэтому

его дневниковые записи под названием «Рассказы о северных варварах» (далее «Рассказы», «Хокуидан», 北夷談) содержат ценную информацию для исследователей, занимающихся российско-японскими отношениями и освоением японцами земель айнов в самом начале XIX в.

В той части «Рассказов», которая посвящена службе Мацуда в Хакодате и его окрестностях, он упоминается под именем Дзинсабуро: (仁三郎), а не Дэндзюро: – имя отчима, которое ему перешло после смерти последнего. За основу был взят текст рукописи на старояпонском языке, опубликованный в 1969 г. в «Собрании исторических материалов о жизни простого народа Японии» (*Нихон сёмин сэйкацу сирё: сю:сэй*, 日本庶民生活史料集成) в четвертом томе [Мацуда 1969, с. 77–175]. Собственно рассматриваемые события 1799–1801 гг. отражены на страницах 83–94 печатного текста письменного памятника вместе с черно-белыми иллюстрациями. Кроме указанной серии, «Рассказы» были опубликованы на старояпонском языке в пятом томе шеститомной серии письменных памятников под названием «Библиотека: Северные Врата» («Хокумон со:сё», 北門叢書), изданном в 1972 г.

Также была привлечена и сама рукопись (страницы 86–165) в цифровом варианте, которая хранится в фонде Кабинета министров под шифром 35114 (*найкакү бунко* 35114, 内閣文庫 35114) Государственного архива Японии (*кокурицу ко:бунсёкан* 国立公文書館), созданного в 1971 г. Рукопись размещена на официальном сайте архива¹. В самой рукописи зарисовки представлены в цветном изображении.

Ранее автор настоящей статьи представил на суд читателей отдельные фрагменты письменного источника в главах опубликованных коллективных монографий [Климов 2020, с. 214–254; Климов 2021, с. 277–334 ; Климов 2022, с. 151–170]. При этом до сих пор нет перевода «Рассказов» на западноевропейские языки, а также отсутствуют подробные исследования, посвященные этому источнику. Западные европейские и американские исследователи только упоминают его имя, чаще всего, в связи с Мамия Риндзо: 間宮林蔵 (1780–1844), которому отдают пальму первенства в открытии, что Сахалин является не полуостровом, а островом.

1-го дня 1-й луны 12-го года эры Кансэй 寛政 (25 января 1800 г. по григорианскому календарю) во исполнение приказа сёгуна клан Мацумаэ передал земли [Восточных] варваров² под прямое управление военному правительству. Автор рассказов называет два пункта на линии разграничения Восточных земель: поселения *Сириути-мура* (知内村)³ на одноименной реке и *Мицуиси* (ミツイシ)⁴.

¹ Рукопись «Рассказы о северных варварах» размещена на официальном сайте архива. <https://www.digital.archives.go.jp/file/1225358.html> (дата обращения: 30.10.2024).

² Нынешний Хоккайдо был разделен на собственно японские земли клана Мацумаэ – полуостров Осима в южной части острова, на «Восточные земли варваров» (хигаси эдзоти, 東蝦夷地) – часть Хоккайдо, обращенная к Тихому океану, а также острова Кунашир и Итуруп и «Западные земли варваров» – часть острова, обращенная к Охотскому морю. Сахалин (японцы называли его Карафутто) получил название «Северные земли варваров» (Кита эдзоти, 北蝦夷地) или же «Дальние земли варваров» (Оку эдзоти, 奥蝦夷地). После незавершенной буржуазной революции Мэйдзи в 1869 г. появился топоним Хоккайдо.

³ Топоним *Сириути* этимологически восходит к двум словам айнского языка: *тири* (チリ) • *оти* (オチ), со значением: *место, где соколы водятся*. К слову сказать, сокол является ныне одним из символов городского поселения *Сириути-тё*.

⁴ Топоним *Мицуиси* восходит к айнскому слову в японском произношении *питтоуси* (ピットウシ) – «земля, полная мелких камней». В настоящее время это название местности пишется иероглифами 三石 или же 三ツ石 (в дословном переводе: «три камня»). Собственно владения клана Мацумаэ первоначально ограничивались небольшой территорией полуострова *Осима-ханто*: (渡島半島). Местечко *Мицуиси* находилось на границе владений даймё Мацумаэ, отсюда начинались земли «варваров», то есть айнов. Со второй половины периода Эдо (1603–1868) Мицуиси административно стало относить к «Восточным землям варваров» (хигаси эдзоти, 東蝦夷地).

В связи с этим согласно распоряжению, пришедшему из Эдо, Мацуда получил приказ от О:та Дзю:эмон (太田十右衛門), О:сима Эйdzиро: (大島栄次郎), Мидзукоси Гэмбээ (水越源平衛) остаться на зимовку на Хоккайдо и подготовиться к ведению закупок в айских поселениях от *Васи-но-ки* (鷺の木)⁵ до *Хоропэцу* (ホロベツ)⁶. Мацуда вместе с Тояма Мотодзю:ро: в 15-й день 10-й луны 11-го года девиза правления Кансэй (寛政), 12 ноября 1799 г., покинул *Хакодатэ*. Из-за начавшегося большого снегопада, они в тот день были вынуждены остановиться в деревне *О:но-мура* (大野村). После снегопада отправились в горную местность *Каябэ* (カヤベ, ныне в иероглифическом написании 茅部), убедились в правильности логистики маршрутов, определили места складов и сторожевых постов на торговых участках *басё*. Мацуда и Тояма остались на зимовку в местности под названием Апута (アプタ, *окуриганой* сбоку мелким шрифтом Мацуда дает иероглифическое написание топонима 虻田), подобранное по близкому звучанию: *абу* (虻) – слепень и *та* (田) – рисовое поле (Мацуда 1969, с. 83). Но при этом бином будет читаться уже как Абута, а не Апута. Этимологически название местности восходит к айскому слову в японском произношении *Апута-нэцу* (река, создающая рыболовные крючки)⁷. Мацуда нес службу в означенной местности с 31 октября 1799 г. по 1 января 1801 г. В период Эдо (1603–1868) здесь занимались животноводством.

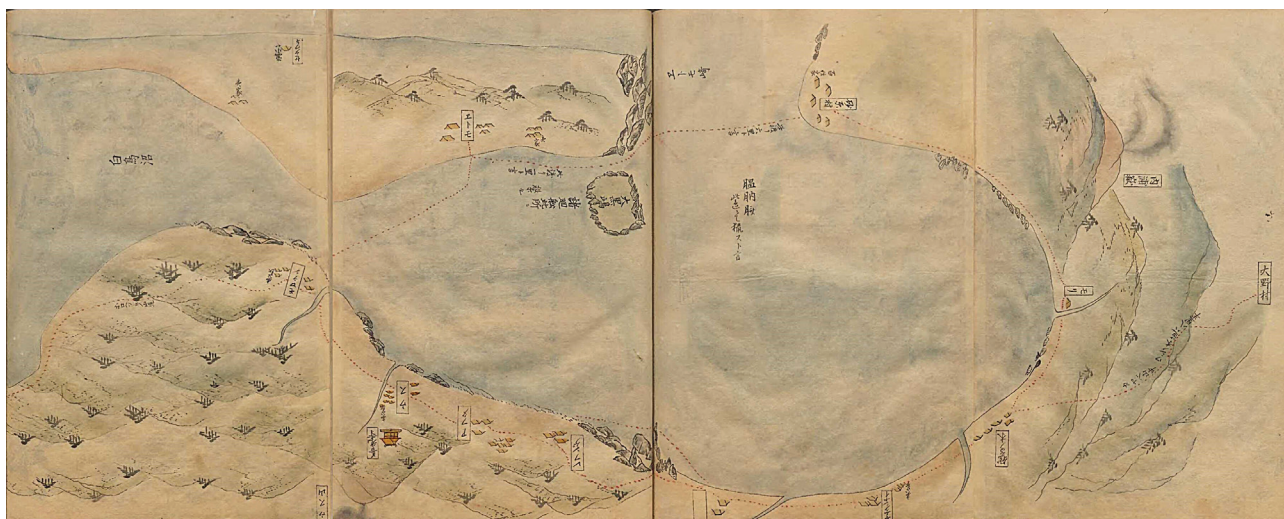

Иллюстрация № 1. Карта с маршрутом от О:но-мура (大野村) до «Лебединого порта» (хакутё:-но минато, 白鳥の港)

Там Мацуда познакомился с особенностями проведения медвежьего праздника, отметив, что его проводят везде, где проживают айны. Для наглядности он оставил восемь зарисовок в «Рассказах», подчеркивая важность этого обряда в жизни варваров (идзин, 夷人). Приведем полный перевод короткого текста, посвященного этой теме. «Ранней весной медведица рождает

⁵ Топоним дан в иероглифическом написании в отличие от многих других случаев. Сбоку мелким шрифтом письменными знаками азбуки *хироганы* дано чтение *окуриганой*.

⁶ Редкий случай. В тексте «Рассказов», как правило, Мацуда не ставит значки озвончения. Но в этом случае над письменным знаком хэ へ поставлен значок *полунигори* (хандаку *омпу*, 半濁音符) и должен в этом случае читаться как нэ, а не へ или бэ べ. Нам известно, что довольно часто слово река на айском языке *бэцу* (べつ) входит и завершает топонимы на японском языке. Поэтому, вероятно, было бы логично предположить, что следует читать название этой местности как *Хоробэцу* (ホロベツ). В подтверждении этой мысли мы можем найти на современной карте Хоккайдо городское поселение под этим названием, но в иероглифическом написании (幌別). Однако, в толковом словаре «Нихон дайхякка дзэнсё», или «Ниппоника», (日本大百科全書, ニッポニカ) дается следующее объяснение: «название местности восходит к айскому слову *Поропэцу* (ポロベツ), что означает *Большая река*». <https://kotobank.jp/word/%E5%B9%8C%E5%88%A5-1417568> (дата обращения: 30.10.2024).

⁷ Источник: <https://kotobank.jp/word/%E8%99%BB%E7%94%B0-26716> (дата обращения: 30.10.2024).

медвежонка, его отлавливают, и женщина из варваров кормит его своим молоком и растит. С наступлением 5-й – 6-й луны его содержат как собаку. Затем, изготовив клеть из деревянных жердей, помещают внутрь и кормят сушеной рыбой.

С наступлением 10-й – 11-й луны, конечно же, родственники хозяина, кормящего медведя, знакомые а также старейшины из ближайших селений собираются [на празднество]. В назначенный день все в праздничных одеждах (харэги, 晴れ着) с луками и стрелами выстраиваются шеренгой. К ним выпускают из клетки выкормленного медведя, тонкой веревкой связывают его и прикрепляют к столбу, установленному посредине места действия. Первым хозяин пускает стрелу, затем по очереди родственники стреляют, и уже ослабевшего медведя душат бревном.

После этого [присутственное место] украшают сосудами (кибуцу, 器物), которые варвары причисляют к драгоценностям, устанавливают *инаво* イナヲ (это своего рода палочки или веточки, которые сопоставимы с молитвенными бумажками хэйхаку 幣帛 в синтоизме у нас на родине), им они поклоняются, что-то молитвенно-монотонно распевая. А затем приготовив еду, едят сырое мясо, приносят свою долю заранее приготовленное к этому случаю неочищенное сакэ (нигоридзакэ, 濁り酒), устраивают пирушку (сакамори, 酒盛りをする).

Женщина ([на языке варваров] *мэноко* メノコ), которая растила и поила его своим молоком еще медвежонком, горько рыдает и очень печалится, когда на ее глазах расстреливают его стрелами и убивают. Душераздирающее зрелище (сикёку, 至極). И, тем не менее, *мэноко* принимает участие в пиршестве и ест мясо. Когда видишь это, то испытываешь оторопь. В приложении помещаю ниже зарисовки медвежьего праздника»⁸. В издании письменного памятника представлено пять рисунков.

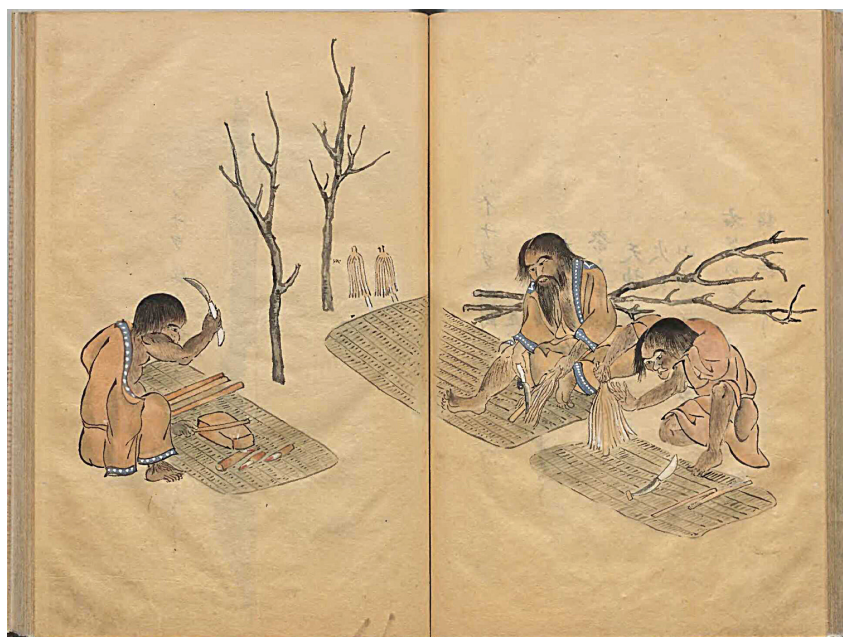

Иллюстрация № 2. Изображение айну изготавливающих *инаво*

И далее Мацуда описывает священные для айнов предметы, используемые во время праздника, объясняя их значение и смысл, сравнивая их с японскими. Приведем эту часть текста без купюр. «Инаво можно сравнить с гохэй 御幣 (бумажными полосками у входа в синтоистское святилище, – А.В.) в нашей стране. В землях варваров, начиная с Неба и Земли, всему и в отношении всего поклоняются трепетно богам. В этой стране самое важное –

⁸ Нихон сёмин сэйкацуси. С. 83–84.

поклонение [божествам]. Поэтому чем бы вы не занимались, чтобы ни делали, прежде всего должны почитать богов и поклоняться им. И это называют [на языке варваров] *камаи • номи*⁹ (カマイノミ). *Камаи* – означает божество, а *номи* – молиться, почитать. При молении божествам *камаи • номи* обязательно используют *инаво*. Поэтому *инаво* – наиважнейший предмет при почитании пресветлых богов (симмэй, 神明). Прежде всего, смири свое тело, очисти сознание и плоть, а после этого сделай предмет, что изображен на рисунке¹⁰. Создаваемые формы *инаво* разительно отличаются друг от друга в зависимости от того, к какому божеству с молитвами будете обращаться. Кроме того, *инаво* имеет и другое название: *нуса* (ヌシヤ)»¹¹.

Описание зимовки в Аккэси и одежды айну

Военное правительство, взяв курс на активное хозяйственное освоение земель, заселенных айнами, приняло решение на круглогодичное, пусть и в небольшом количестве, присутствие японских чиновников. Мацуда далее сообщает о личном опыте зимовки на Хоккайдо. В частности, он пишет, что прибыли на корабле в Аккэси в самый разгар лета¹² в 6-ю луну.

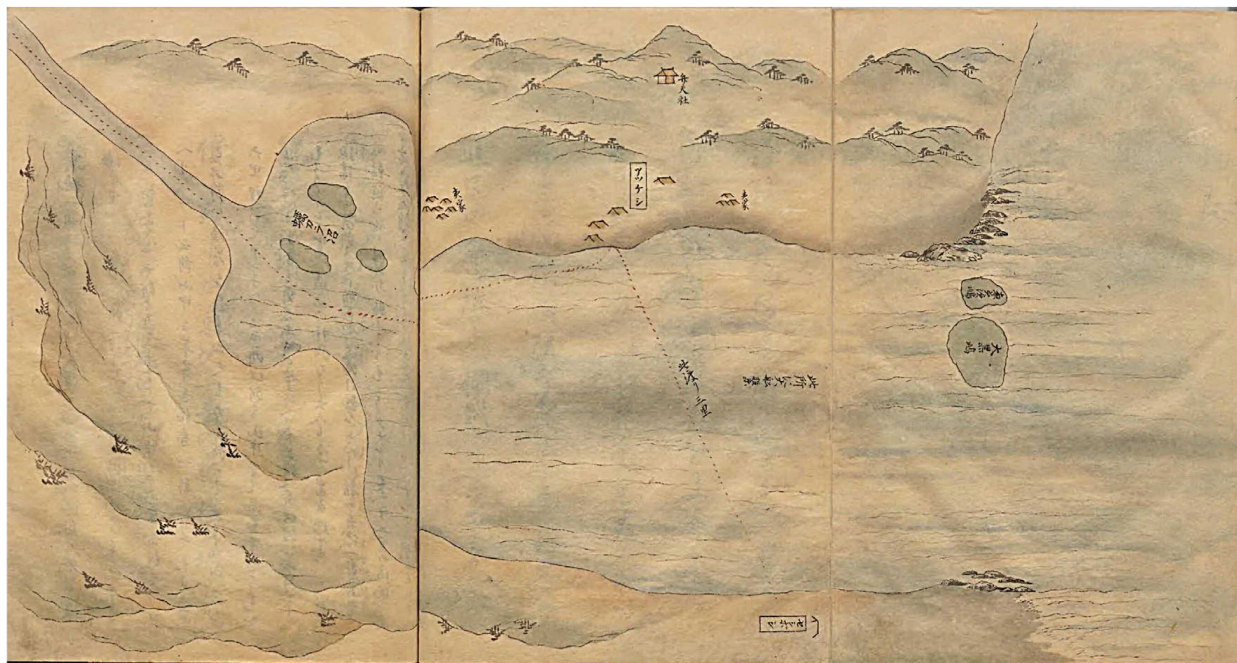

Иллюстрация № 3. Крата с изображением порта Аккэси

Во время прибытия, находясь на борту судна, японцы носили два кимоно на вате, одетое одно на другое. Сойдя на берег, носили нательное белье из хлопчатобумажной ткани, а поверх него одно кимоно на вате. Днем, когда становилось жарко под лучами солнца, они

⁹ В тексте на японском языке нет разбивки на два слова. Это видно из приведенного словосочетания на японском языке, записанного знаками *катаканы*.

¹⁰ На рисунках Мацуда приводит образцы изображений 12-ти *инаво*.

¹¹ Разновидности *инаво* и медвежий праздник были подробно описаны в [Климов 2024].

¹² Мацуда использовал иероглифический бином *доё*: (土用), которыми обозначают последние восемнадцать дней каждого времени года. В нашем случае речь идет о самых жарких летних днях. Выражением «вступление в первый день этого восемнадцатидневного периода» (*доё*:-но хаири, 土用の入り) называют первый день названного периода.

одевали летнее кимоно без подкладки. Однако после наступления 9-й с половиной стражи (2 часа дня, – А.К.) холодало, поддевали кимоно на легкой подкладке или же кимоно на вате. С наступлением 8-й луны одевали два кимоно на вате одно на другое. В начале 9-й луны пошел снег. В 10-ю и 11-ю луны установился снежный покров толщиной 3–4 сяку, (90,9–121,2 см). С наступлением холодов снег скрыл стрехи крыш. В жилых помещениях царила темнота даже в полдень. Настроение было подавленным, и многие заболели. С 10-й до 3-й луну следующего года из-за снега было трудно выбраться на улицу. Грустно было сидеть в помещении при искусственном освещении. Важно было заботиться о здоровье.

Айны носили свою одежду *ацуси*, сотканную из коры деревьев, или же утеплялись в холода шкурами животных. Одежда их, по мнению Мацуда, была очень тонкой. Дети до 12–13 лет на улице находились голыми и только в мороз одевались в шкуры собак. Они выходили на морской берег, бегали по нему, занимались борьбой, похожей на японское *сумо*. Дети также играли круглыми кольцами диаметром 5–6 сун (15,15–18,18 см), катали их по земле, подбрасывали в небо, ловили их, нанизывая на узкий шест. Мацуда для наглядности даже сделал зарисовку детей, занятых этой игрой. Взрослые даже определили наказание детям, если им не удавалось поймать на шест кольцо. Автор «Рассказов» подчеркивает, что такими тренировками дети оттачивали в игровой форме приемы, которые нужны будут им в охоте на морских животных: котиков (оттосэй, オットセイ), сивучей (тодо, トド), нерп (адзараси, アザラシ).

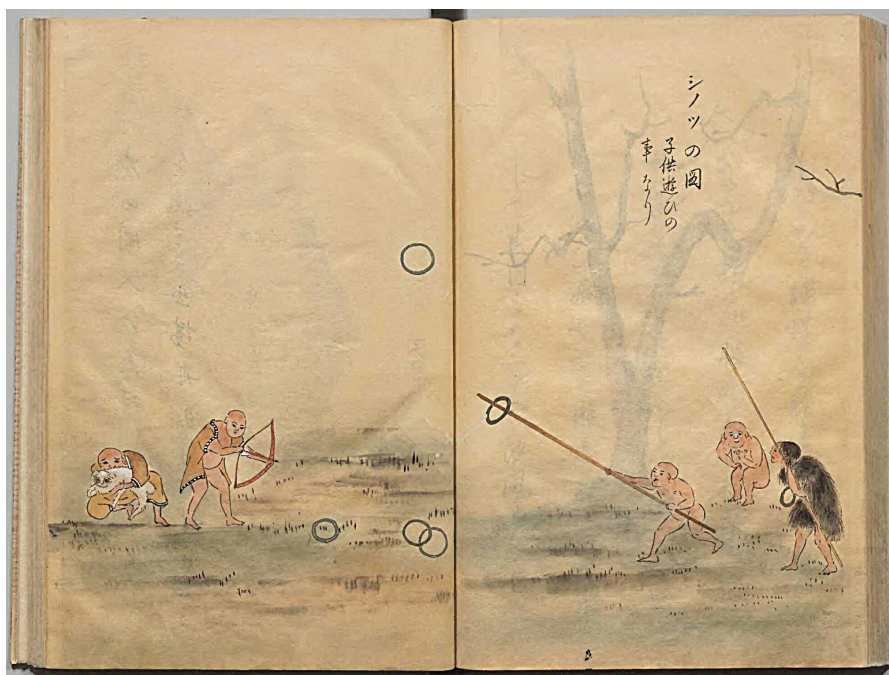

Иллюстрация № 4. Изображение детей, играющих с кольцами

Одно из основных орудий охоты на них *харэна* (ハレナ) представляет собой разновидность гарпуна. Длина древка составляет где-то 2–3 кэн¹³. Оно имеет копьеобразную форму. Айны охотятся, нанося удары колющими движениями. Эти навыки охоты с орудиями отрабатываются в детском возрасте во время игры. На айнском языке в японском произношении эта игра называется *синоцу* (シノツ).

¹³ Один кэн (間) составляет 1,818 м. Иными словами, длина древка в метрических мерах 3, 636–5, 454 м.

Охота на морских котиков

Разрешалось вести охоту на морских котиков в шести местах, которые находились на береговой линии от *Осямамбэ* (オシヤマンベ)¹⁴ вплоть до *Этомо* (エトモ)¹⁵. Обретя промысловое свидетельство, айны получали право на морскую охоту (*кадзэй рё:кэн*, 課税 猟権). Им определялось количество лодок, на которых могли выходить на охоту, и время, а именно: от зимнего солнцестояния (то:дзи 冬至, с 22 декабря по григорианскому календарю) до 2-й луны включительно весны следующего года (то есть по март включительно; лунно-солнечный календарь, по которому жили японцы в то время, не дает возможности более точного определения). В этот промежуток времени выбирают день, когда нет волн, стоит ясная погода, нет ветра, царит тишина и покой. И лодки (*дэбафунэ* デバフネ) выходят в море. На каждом судне по три крепких айна. Отойдя от берега на значительное расстояние, они, прекратив грести веслами (рокай, 櫓権), наблюдают за поверхностью воды, не курят, не разговаривают, соблюдают режим тишины. Если их сносит ветром или течением, то гребут руками, стараясь не удаляться от места промысла. Морские котики, не чувствуя никакой опасности, появляются на поверхности воды в количестве 14, и даже 24 особей, прыгают и развлекаются в воде. Наконец, одного или двух котиков, находящихся в расслабленном состоянии, относит волнами к охотникам.

Иллюстрация № 5. Играющие морские котики

¹⁴ Поселение, находящееся в юго-западной части Хоккайдо на полуострове *Осима* (渡島半島) на восточном побережье. Ныне этот топоним *Осямамбэ* пишется тремя иероглифами 長万部. Этимологически восходит к айнскому слову в японском произношении *О · сямамбэ* (オ · シヤマンベ) со значением: место, где водится ложный палтус (хирамэ, ヒラメ – в опубликованном тексте рукописи название местности написано *катаканой*, латинское название – *Paralichthys olivaceus* Temm. et Schleg).

¹⁵ В годы девиза Бунроку 文禄 (1592–1596) власти клана Мацумаэ на полуострове *Этомо-мисаки* (絵 鞆岬) создали контору (ундзё:я, 運上屋) и начали торговать с айнами. Этимологически топоним *Этомо* возводят либо к айнскому слову *этоку* (エトク) – *выступ*, либо к *энруму* (エンルム) – *мыс*. Ныне это один из районов *Муроран* (室蘭), название города этимологически восходит к айнским словам в японском произношении *мо · руэрани* (モ · ルエラニ) – «маленький склон горы». В дальнейшем топоним, претерпев изменения в произношении, стал называться *Муроран*.

Айны, следя за ними, в полной тишине продолжают ждать. И когда расстояние между ними сократится до 7–8 кэн, один из айнов метким броском гарпуна поражает животного, остальные добивают его. Первого из айнов, поразившего котика, Мацуда называет «варваром исхода сражения» (сё:бу-но и, 勝負の夷), следующего – «вторым варваром» (二の夷), и далее – «третьим варваром» (三の夷). Размер вознаграждения (хо:би, 褒美), идет по нисходящей в вышеприведенной последовательности: от первого, к третьему.

Иллюстрация № 6. Три крепких айна на охоте

Рыба-луна и иново

Далее Мацуда переходит к другой теме, в которой он раскрывает особое отношение айнов к рыбе-луне. В окрестностях Хоробэцу, Сираои (ホロベツ、シラオイ) в омывающих эти земли водах водится «морской зверь (кайдзю:, 海獣) под названием *Кинамбо:* (キナンボー)¹⁶. Речь идет о рыбе-луне. Поймав ее, айны извлекают из нее жир и отправляют его в Японию. «По форме рыба-луна напоминает черепаху, – пишет Мацуда, – большие достигают размера трех дзё:¹⁷ (около 4,5 м², – А.К.), малые – два дзё: (около 3 м², – А.К.). Чтобы добыть их жир, варвары садятся по два-три человека в лодку, выходят в открытое море. Обнаружив рыбу-луну, поражают ее гарпуном, на их языке *ханарэ* (ヤナレ), подтягивают ее к лодке. Мацуда рассказали, что туземцы переходят на панцирь рыбы, вскрывают ей брюхо, все внутренности, кишки, жир сгружают в лодку, а затем выстрогав *инаво*, помещают его в брюшную полость

¹⁶ Автор настоящей статьи приносит благодарность В.В. Щепкину, который, при обсуждении доклада «Служба Мацуда Дэндзюро в Аккэси на рубеже XVIII–XIX вв.» на конференции «Айны между Россией и Японией», прошедшей 25 ноября 2021 г. в ИВР РАН, обратил внимание на то обстоятельство, что ранее в 1739 г. Сакакура Гэндзио: (坂倉源次郎) в сочинении «Беглые записки об айнах» («Эдзо дзуйхицу», 蝦夷随筆) тоже упоминает о рыбе-луне, называя ее кинахо (キナホ), а также об обряде помещения *инао* во вскрытый живот упомянутой рыбы (Сакакура Гэндзио: 坂倉源次郎. Эдзо дзуйхицу 蝦夷随筆 (Беглые записки об айнах) // Хоппо: мико:кай комондзё сю:сэй 北方未公開古文書集成. Т. 1. Токио, 1979. С. 57).

¹⁷ Дзё: (畳) – единица измерения площади. И сейчас в Японии площадь помещения измеряется не в м², а в дзё:, в татами из рисовой соломы, настилаемом на пол. Один дзё: равен примерно 1,5 м².

и отпускают рыбу. Говорят, что за день ловят от двух до четырех особей и отпускают, как только что сообщал, в море. Варвары говорят, что таким образом сохраняют жизнь рыбелуне, и порой прежде пойманные рыбы вновь им попадались. Но ведь без кишок, печени невозможно выжить. Дзинсабуро: этим рассказам не поверил. Если послушать варваров, то должны быть во вновь пойманных рыбах обнаружены заложенные в них прежде *инаво*. Более того, ни управляющие, ни стражники постов не слышали, чтобы даже в шторм, при большом волнении выбрасывало на морской берег большое количество их останков, если соотносить их с количеством вывезенного жира рыб-лун. Это чрезвычайно странно, но [я] записываю сюда [все], что слышал. В прибрежных водах Нуубуцу (ヌウブツ) занимаются выловом одного вида рыбы. Называют ее *итингэ* (イチンゲ). Она тоже [похожа на] черепаху. Варвары из нее готовят еду. Узор счита напоминает шестигранный рисунок панциря. Когда его отшлифуют, то он выглядит как панцирь черепахи, его называют “щит белой черепахи” (сирокамэ-но ко; 白亀の甲)».

Новый год и зимовка в Апута

Далее Мацуда описывает свою зимовку на Хоккайдо и встречу Нового года в селении Апута в южной части Хоккайдо. «Было принято решение перезимовать в [селении] Апута. В [11-м году эры Кансэй] 12-ю луну 28-й день (23 января 1800 г. по григорианскому календарю, – А.К.) к нам прибыл управляющий. В этих краях нет обычая устанавливать украшения из сосны на Новый год, но эти земли стали владениями военного правительства в начале уходящего года. И поскольку [управляющий] сказал: “так как господа служащие [военного правительства] этот год встречают здесь, то у входа в жилища сосновые украшения поставили”, – то когда присмотрелись, то обнаружили, что нет в этих землях сосен сорта *футаба-но мацу* (二葉の松) и мелкорослого бамбука сорта *сасадакэ* (笹竹). [Вместо них] установили южносахалинскую пихту (トド[マツ]) (латинское название *Abies sachalinensis*), распустили на соломенные веревки мешок, закрепили на них бурые водоросли ламинарии [вместо полосок бумаги] и повесили сушеную икру сельди. Никаких больше украшений. Нынешний курс управления этими, отошедшими под контроль военного правительства владениями, – осваивать их с помощью обучения [варваров].

И сию же минуту Дзинсабуро: сочинил стихотворение:

教育の	кё:ику-но	Ради обучения [варваров]
行トドひたる	гё:тодо хитару	Установили пихту
門飾り	кадо кадзари	Украсили ею вход в жилище
よろ昆布蝦夷や	ёро кобу эдзо-я	[Символы] сокровищ в виде водорослей
数の子だから	кадзу-но ко такара	и сушеной икры из сельдки развесили.

Встретили Новый год без каких-либо торжеств, не было также новогодних поздравлений, открыток. Не было и украшений из хвойного вечнозеленого дерева торрейя (カヤ, *Torreya nucigera* Sieb. et Zucc.) и новогодних угощений из печеного каштана (катигури, かち栗). Но было много сушеной икры сельди и водорослей ламинарии, главные продукты местного производства. Прошло три дня, встретили Новый год и направились из Апута объезжать селения.

Торговые участки, что в прошлом году инспектировали, были переданы под управление *бакуфу*, и с Первого дня этого года все население стало простым людом, управляемым правительством, и находятся под попечением его. Поэтому отправились по селениям, чтобы, созвав старейшин варваров, разъяснить им пункты Закона. Была ранняя весна, лежало еще много снега. Движение по дорогам было крайне затруднено. Но так как я руководствовался чувством долга, то холода и ветра не могли меня остановить».

Эпидемия оспы

Затем Мацуда переходит к следующей теме: к эпидемии оспы, неожиданно вспыхнувшей среди айнов. «С первой декады второй луны¹⁸ в этой местности случилась инфекция оспы. Возник переполох повсюду. Началось все с одного асигару (足輕) дома Мацумаэ. Он на лодке для охоты на морских котиков в сопровождении одного варвара из Осямамбэ (オシヤマンベ) прибыл в Усу и остановился на постой в жилище варвара. В нем жило три человека, все были пожилого возраста. Однако, варвар, сопроводивший [японца] из Осямамбэ, заболел оспой, его жена подняла переполох. Поскольку старейшины заявили об этом, то спешно вернули больного в Осямамбэ.

Через два-три дня люди из этого же дома одновременно заболели, среди варваров начался переполох. [Я] выставил охрану, старался оказывать медицинскую помощь, но заболевания оспой продолжались. Умирали от высокой температуры на начальном этапе болезни, даже сыпь еще не появлялась. Всячески беспокоился о больных, оказывал им всяческую поддержку в пределах возможного, но, к сожалению, положительных результатов не было. По обыкновению варваров, если умерших сжечь вместе с домами, приходило облегчение, и болезнь отступала. Хотя и сожгли указанный дом, но по истечению десяти дней, одновременно оспа вспыхнула в соседних домах. По деревне прокатилось смятение. Все до одного бежали в горы. Никто не стался в деревне. Разбежались по разным местам. Но были они уже инфицированы. И сразу же в местах, куда убежали, падали и умирали. Действительно печальное зрелище.

Дзинсабуро: самолично объезжал все места, но так много было страждущих, что всех невозможно было посетить. Среди них были и такие, кто при высокой температуре со стрелами и луком или с кухонным ножом в руках бродили обезумевшими. Стражники постов в потрясении от увиденного тоже находились в растерянном состоянии, не знали ни сна, ни еды, ни отдыха. Население участка в Усу – из свыше 250 человек – мужчин и женщин – больше 40 человек умерло.

В этом месте остановили инфекцию, ни одного человека больше не заболело, ситуацию взяли под контроль. Но стали испытывать затруднения с носильщиками грузов: не вышел на работу ни один из варваров, занятых в доставке грузов, чтобы постепенно наладилась связь между чиновниками и их передвижение между участками. Я заблаговременно сообщил об этом в Хакодате. Люди, направлявшиеся в отдаленные земли, постепенно сюда прибывали и выражали обеспокоенность. Во вторую декаду 2-й луны¹⁹ поступило сообщение о распространении инфекции оспы в Апута. Варвары подняли переполох.

В этом месте [Апута] было довольно большое население: включая мужчин и женщин, свыше 500 человек. Все, начиная со старейшин-варваров, говорили: так как вспыхнула

¹⁸ Первая декада второй луны (нигацу дзё:дзюн, 二月上旬) начинается по григорианскому календарю с 24 февраля 1800 г.

¹⁹ Вторая декада 2-й луны 12-го года эры Кансэй начинается с 11 дня, то есть с 6 марта 1800 г. по григорианскому календарю и заканчивается 20-го дня, то есть 15 марта того же года.

инфекция оспы, то она угрожает самой жизни. Поэтому, заявляли, что в любом случае надо убегать. И когда утвердились в этой мысли, что надо спастись, в течение дня все разбежались.

В горах же еще много снега. Возникнет нехватка продуктов. Я заставил их взять с собой немного табака и риса, чтобы им не умереть с голоду. Переводчик Кумадзиро: (熊次郎) успокоил меня тем, что в полутора *ри* от данного места, в горах есть большое болото. Если туда убегут, то, конечно же, они выживут, потому что смогут питаться выловленной мелкой рыбой из болотного озера. Если они так поступят, то не о чем беспокоиться, – успокоил меня переводчик. Я положился на его мнение.

На направлении к Абуда (アブダ) болезнь посетила только одну хижину варвара по имени Кодзакура (コザクラ). В его доме проживало 7 человек. Все заразились, выжила только одна девочка пятилетнего возраста. Остальные все умерли. Получил сообщение, что на удалении где-то 15 *ри* от этого дома в местечке под названием Рипоробэцу (リポロベツ) вспыхнула оспа и варвары все разбежались. Поэтому, отправившись туда, приказал принять все возможные меры, всех заставил покинуть место заражения. Но в одном доме только двое варваров заразились. На этом все и закончилось. Болезнь в этой местности остановилась, не дошла до удаленных земель. Оспа прошла и по западным землям варваров. Инфекция была во всех землях. Западные земли варваров все еще были под управлением клана Мацумаэ, поэтому медицинская помощь там [нами] не оказывалась. Прокатился слух, что много варваров разбежалось в удаленных землях: в окрестностях Аккэси, Нэморю. После этого все западные земли варваров перевели во владения *бакуфу*. И когда Дзинсабуро: отправился в западные земли то, ему рассказали, что во время эпидемии оспы жители трех поселений оставили свои жилища и разбежались. Только руины поселений остались. Во всех остальных откупных участках было очень много умерших. Из тех, кто бежал в восточные земли, а таких было много, так и остались там, не вернулись в свои поселения. Это ему рассказали приказчики и постовые.

Итак, оспа в землях варваров стала большим испытанием для варваров. Из десяти заболевших десять не смогли спастись. И на самом деле болезнь вызвала большое смятение и беспорядки. Как раньше отмечалось, если заболевали родители, дети спасались бегством. Если дети заболевали, то родители спасались бегством. Муж заболел – жена спасалась бегством. Жена заболела – муж спасался бегством. Это – местный обычай. Так как [все] разбежались, как отмечалось выше, то жителям соседних откупных участков (*басё*) это крайне не нравилось, а их старейшины требовали, чтобы к ним никто не прибегал [в поисках спасения]. И японские служащие соседних участков всенепременно пытались остановить их, но все это не имело эффекта, все сводилось только к обмену пререканиями в письменной форме. Очень важно было установить постовых стражников на границах поселений и воспрепятствовать бесконтрольному перемещению варваров, сделать невозможным посещение соседних поселений. Это похоже является обычаем этой страны: можно избежать заболевание оспой, если мужчина или женщина нанесет на лицо сажу от котелка и спрячется в горах, то тем самым сможет убежать от этой болезни. Поняли это, когда стали бороться с этой болезнью.

Сослуживец Гандзю:ро: (元十郎) уехал, получив назначение на заставу Ямукусинаи (ヤムクシナイ). Дзинсабуро: остался один. Когда кто-нибудь [из варваров] заболел простудой или какой-то другой болезнью, поднимался переполох, предполагая, что это оспа. Тогда я отправлялся в дом больного, смотрел на симптомы и, объясняя старейшинам, успокаивал их. Когда [я] приезжал в Абути (アブタ) – вызывали в Этомо (エトモ). Прибывал в Этомо – вызывали в Усу. А когда прибывал в Усу – приходили за мной из Мороран. Прибывал в Муроран – звали в Хоробэцу. Я то приходил, то уходил с заставы на заставу, которые были за мной закреплены. Очень много народу приходило ко мне. Я не был лекарем, только смотрел на симптомы болезней, объяснял варварам, что делать. И у меня утвердился высокий авторитет среди них. Правда, у меня было лекарство. И это был первый год управления военным правительством.

Они еще не привыкли к обычаям и нравам японцев (вадзин, 和人) и охотно не принимали лекарств. Со второй декады 3-й луны²⁰ исчезли слухи о болезни, все успокоилось.

Завершение служебных обязанностей

В этом году на заставы участков прибыли из Эдо чиновники, им стал передавать участки одно за другим, которые держал на контроле с прошлого года Дзинсабуро:. Он получил письменное распоряжение с печатью, в котором *бугё*: отдал приказ оставить под своим управлением только откупной участок в Этомо, представляющий собой выступающий в море мыс. Нет по суше к нему дороги. Труднодоступное место, потребуется дня два, чтобы добраться. Поэтому отправился в Мороран, входящий в этот участок, а оттуда пересек морское пространство порта. Морской маршрут составляет одно *ри*, и его легко преодолеть. Застава, на которую он получил назначение, располагает хорошим портом, где могут отстояться корабли. На входе в порт имеется маленький остров Дайкокудзима (大黒島). Он вытянут от входа в порт в глубину. Есть бухта, под названием "Лебединый порт" (хакутё:-но минато, 白鳥の港). Равнинная местность. Нет ветров с суши. Если ввести каботажные корабли вглубь гавани, то судно будет очень трудно выйти из порта. Поэтому суда отстояваются у обратной стороны острова Дайкокудзима. И можно за них не беспокоиться, какой бы шторм ни разыгрался в открытом море [у порта]. Несколько лет тому назад в [порту] Этомо отстоявалось иностранное судно, на котором привезли [Дайдокуя] Кодаяо ([大黒屋]光太夫), потерпевшего кораблекрушение. Здешняя продукция – это сельдь, треска, сушеный трепанг (ирико, イリコ), гребешки, морская капуста *комбу*, красная водоросль (багрянка) (фунори, フノリ), грибы *сиитакэ*. Много мелкой рыбы. В холодное время года в Лебедином порту ловят рыбу. Еды у варваров достаточно. Строительного леса здесь нет. Население Этомо и Мороран вместе составляет 100 человек – мужчин и женщин. В Этомо холоднее, а в Мороран теплее.

Когда Дзинсабуро: нес службу в этой местности, то старейшина Морорана по имени Тикараваи/Тикарахаи поймал живым журавля и преподнес ему в качестве подарка. А в ответ старейшине подарили [высокого качества] очищенное сакэ. Журавль-то живой, за ним ухаживали и кормили. В этом году с инспекцией, объезжая земли варваров, приехали и на участок [Мацуда] Тогава То:дзю:ро: (戸川藤十郎)²¹, отмеченный званием “глава личной прислуги сёгуна” (конандо-то:дори, 御小納戸頭取)²² (1762–1821) и О:ко:ути Дзэдзю:ро: (大河内善十郎) (? – ?). Они остановились в Этомо и увидели журавля. То:дзю:ро: разъяснил: “Этот журавль относится к особому виду, который называется *тантё*: (タンチョウ)²³. Поскольку

²⁰ Первый день второй декады третьей луны 13-го года эры Кансэй приходится на 4 апреля 1800 г. по григорианскому календарю.

²¹ Он больше известен под другим именем Ясумоми или, что реже, Ясунобу. Иероглифы в имени 安論 можно прочесть двумя способами. В «Рассказах» Мацуда приводит другое имя То:дзю:ро:, состоящее из трех иероглифов 藤十郎.

²² *Конандо* (小納戸) – личная прислуга сёгуна, составлявшая ближний круг правителя (*киндзисёку*, 近侍職) и отвечавшая за комфортное проживание военного правителя, за состояние его здоровья. К примеру, в их обязанности входили дегустация блюд (на предмет наличия в них яда), взвешивания остатков еды после трапезы сёгуна, чтобы потом по требованию личного лекаря предоставить необходимые данные. Их жалованье составляло около 500 коку риса. В то время как непосредственные начальники (*конандо-то:дори*), четыре человека, получали по 1500 коку. Подчинялись они «младшим старейшинам» (*вакадосиёри*, 若年寄). Если в правление четвертого сёгуна Токугава Иэцуна (徳川家綱, 1641–1680, на посту военного правителя 1651–1680) их число составляло около 20 человек, то в последние годы существования сёгуната достигло 100.

²³ Название вида журавля записано письменными знаками азбуки *катакана*. Ныне пишется, как правило, двумя иероглифами 丹頂 с тем же чтением. Этот вид называется *журавль японский* или же на латыни *Grus japonensis* P.L.S. Muller.

редкий вид журавля, то лучше привезти его с собой, когда Дзинсабуро: будет возвращаться в Эдо, передать его в замок Эдо”.

Завершив исполнение служебных обязанностей на участке, в конце 9-й луны покинул Этомо и пустился в обратный путь. Отбыл из Мацумаэ, затем переправился [по морю] в Миммая, что во владениях клана Цугару. Пролив шириной, говорят, около 8 *ри*, состоит из трех течений: *Сираками* (シラカミ), *Среднего течения* (なか-но сию, 中の潮) и *Тацухи* (Тацухи-но сию, タツヒの潮). Легко его пересечь, когда море спокойно, но порой трудно, когда погода становится непредсказуемой. А оттуда по тракту вернулся в Эдо в 17-й день 11-й луны²⁴. Бугё:²⁵ заранее сообщил [о времени и месте] передачи в подарок журавля японского. Я был направлен в сторону Сэндзю (千住方面) и в помещении Юномидзё финансового ведомства (го-кандзё:сё юномидзё, 御勘定湯呑所) передал его прокурору-надзирателю (омэцукэ, 御目付) и представителю финансового ведомства. Впервые в Эдо был принесен в дар японский журавль из земель *эдзо*. После этого Тогава То:дзю:ро: получил [высокий] титул Тикудзэн-но ками (築前守) (Повелитель провинции Тикудзэн, – А.К.) и был назначен на должность губернатора Хакодате (Хакодате бугё:, 箱館奉行). По слухам, японский журавль, подаренный недавно, кружит по саду [сёгуна] Фукиагэгёэн (吹上御庭) в замке Эдо, и сейчас, говорят, пребывает он в здравии».

Заключение

В отличие от первой половины тетради, в которой довольно подробно описывается морской переход из Эдо в Аккэси и которая построена четко в хронологическом порядке с указанием дат, вторая половина не отличается логически выверенным повествованием, когда от одной темы переходят к другой, пытаюсь их увязать в одно целое. Отмечаются повторы, дополнения, которые было бы логичнее увязать с ранее рассматриваемым материалом. Практически отсутствует датировка.

Мацуда, описывая свое перемещение по Восточным землям, в центре которых находился порт Аккэси и один из важных административных центров управления айнами, показывает уже созданную инфраструктуру. Еще не были проложены дороги для удобного пешего перехода, но уже были построены сторожки или скромные постоялые дворы, в которых можно было остановиться на ночлег, совершая днем пешие переходы по тропам в сложной пересеченной местности. Для наглядности автор «Рассказов» делает зарисовки наиболее стратегически важных мест.

Легко улавливается относительная неподготовленность японцев к суровым холодам, укутывавшихся в два теплых кимоно на фоне привыкших к местным холодам играющих полураздетых детишек. Подчеркивается значимость детских игр, как тренировок для становления хорошим охотником на морских котиков и вознаграждения в случае успешной охоты.

На примере отношения к рыбе-луне четко просматривается особое отношение айну к природе и их понимание необходимости гармоничного в ней существования. В то время как эпидемия оспы показывает суровую реальность жестокости природы, с которой сталкиваются айну.

Описание зимовки и борьбы с оспой позволяют взглянуть на Мацуда не только как на исполнительного чиновника, но и приоткрывают его личностные переживания. Четко можно проследить как местные жители все больше доверяли автору, что в свою очередь укрепляло авторитет японского правительства в этих землях.

²⁴ 17-й день 11-й луны 12-го года эры Кансэй приходится на 1 января 1801 г. по григорианскому календарю.

²⁵ Бугё: – вероятно, речь идет о губернаторе, ответственного за управление земель, заселенных айнами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Анучин Д.Н. Племя айнов // Труды антропологического отдела. Москва. 1876. Т. XX. Кн. 2. Вып. 1. С. 79–203.
- Арутюнов С.А., Джарылгасинова Р.Ш. Выставки «Современное декоративное искусство Японии» и «Древняя и средневековая скульптура Японии» // *Советская этнография*. № 6, Ноябрь – Декабрь 1969. Москва: Издательство «Наука». 1969. С. 136–144.
- Арутюнов С.А., Щепеньков В.Г. Древнейший народ Японии. Судьбы племени айнов. Москва: «Наука», Издательская фирма «Восточная литература». 1992. 208 с.
- Климов А.В. Каботажные перевозки в Японии конца XVIII – начала XIX вв. и первый морской переход из Эдо в Акэси (по «Рассказам о северных варварах») // Новые источники по истории и культуре айнов. Коллективная монография / под ред. В.В. Щепкина. Ин-т восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург: Изд-во «ЛЕМА». 2021. С. 277–334.
- Климов А.В. Торговля айнов Сахалина с народами Приморья до начала XIX в. // Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв. Коллективная монография / под ред В.В. Щепкина. Ин-т восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург: Изд-во «ЛЕМА». 2020. С. 214– 254.
- Климов А.В. Первая зимовка японцев на острове Итуруп в 1803–1804 гг. (по материалам «Рассказов о северных варварах») // Четыре века экспедиций в земли айнов. Коллективная монография / под ред. В.В. Щепкина. Ин-т восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург: Изд-во «АРТ-ЭКСПРЕСС». 2022. С. 151–169.
- Климов А.В. Медвежий праздник и мир *инау* на Хоккайдо в описании Мацуда Дэндзюро 1799–1800 гг. (по материалам «Рассказов о северных варварах») // *Японские исследования*. 2024. №1. С.74–97.
- Климов В.Ю. «Записи о Светоносном правлении [землями варваров] добродетельного Государя» («Кю:мэй ко:ки»). Первая и вторая тетради // Новые источники по истории и культуре айнов / под ред. В.В. Щепкина; Ин-т восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург: Изд-во «ЛЕМА». 2021. С. 168–276.
- Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки с приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. Москва – Ленинград: Издательство Главсевморпути. 1949. 841 с.
- Соколов А.М. Айны: от истоков до современности. Материалы к истории становления айнского этноса. Санкт-Петербург: МАЭ РАН. 2014. 766 с.
- Таксами Ч.М., Косарев В.Д. Кто вы, айны? Очерк истории и культуры. Москва: Изд-во «Мысль». 1990. 318 с.
- Щепкин В.В. Северный ветер: Россия и айны в Японии XVIII века. Москва: Изд-во «Кругъ». 2017. 392 с.

REFERENCES

- Anuchin, D. N. (1876). Plemya ainov [The Ainu Tribe]. *Trudy antropologicheskogo otdela* [Proceedings of the Anthropological Department]. Vol. XX, Book 2, № 1, 79–203. (In Russian).
- Arutiunov, S. A., Dzhyrylgasina, R. Sh. (1969). Vystavki «Sovremennoe dekorativnoe iskusstvo Yaponii» i «Drevnyaya i srednevekovaya skul'ptura Yaponii» [Exhibitions “Contemporary Decorative Arts of Japan” and “Ancient and Medieval Sculpture of Japan”]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 6 (November – December), 136–144. (In Russian).
- Arutiunov, S. A., Shcheben'kov, V. G. (1992). *Drevneishii narod Yaponii. Sud'by plemeni ainov* [The Most Ancient People of Japan. The Fate of the Ainu Tribe]. Moscow: Nauka, Vostochnaya literatura. (In Russian).
- Klimov, A. V. (2020). Torgovlya ainov Sakhalina s narodami Primor'ya do nachala XIX v. [Trade of the Ainu of Sakhalin With the Peoples of Primorye Until the Beginning of the 19th century]. In V. V. Shchepkin

- (ed.), *Ainy v istorii rossiisko-yaponskikh otnoshenii XVIII–XIX vv.* [Ainu in the History of Russian-Japanese Relations in the 18th – 19th Centuries] (pp. 214–254). Saint Petersburg: LEMA. (In Russian).
- Klimov, A. V. (2021). Kabotazhnye perevozki v Yaponii kontsa XVIII – nachala XIX vv. i pervyi morskoi perekhod iz Edo v Akkesi (po «Rasskazam o severnykh varvarakh») [Coastal Transportation in Japan in the Late 18th – Early 19th Centuries and the First Sea Passage From Edo to Akkeshi (according to the “Tales of the Northern Barbarians”)]. In V. V. Shchepkin (ed.), *Novye istochniki po istorii i kul'ture ainov* [New Sources on the History and Culture of the Ainu] (pp. 277–334). Saint Petersburg: LEMA. (In Russian).
- Klimov, A. V. (2022). Pervaya zimovka yapontsev na ostrove Iturup v 1803–1804 gg. (po materialam «Rasskazov o severnykh varvarakh») [The First Wintering of the Japanese on the Island of Iturup in 1803–1804 (Based on the “Tales of the Northern Barbarians”)]. In V. V. Shchepkin (ed.), *Chetyre veka ekspeditsii v zemli ainov* [Four Centuries of Expeditions to the Lands of the Ainu] (pp. 151–169). Saint Petersburg: ART-EKSPRESS. (In Russian).
- Klimov, A. V. (2024). Medvezhii prazdnik i mir *inau* na Khokkaido v opisani Matsuda Dendzyuro 1799 – 1800 gg. (po materialam “Rasskazov o severnykh varvarakh”) [Bear Festival and the World of *Inau* in Hokkaido as Described by Matsuda Denjuro 1799–1800 (Based on the Materials of the “Tales of the Northern Barbarians”)]. *Yaponskie issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 1, 74–97. (In Russian).
- Klimov, V. Yu. (2021). «Zapisi o Svetonosnom pravlenii [zemlyami varvarov] dobrodetel'nogo Gosudarya» («Kyu:mei ko:ki»). Pervaya i vtoraya tetradi [“Records of the Luminous Rule [of the Barbarian Lands] of the Virtuous Sovereign” (“Kyūmei kōki”). First and Second Notebooks]. In V. V. Shchepkin (ed.), *Novye istochniki po istorii i kul'ture ainov* [New Sources on the History and Culture of the Ainu] (pp. 168–276). Saint Petersburg: LEMA. (In Russian).
- Krasheninnikov, S. P. (1949). *Opisanie zemli Kamchatki s prilozheniem raportov, donesenii i drugikh neopublikovannykh materialov* [Description of the Land of Kamchatka With the Addition of Reports, Messages, and Other Unpublished Materials]. Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo Glavsevermorputi. (In Russian).
- Shchepkin, V. V. (2017). *Severnyi veter: Rossiya i ainy v Yaponii XVIII veka* [Northern Wind: Russia and the Ainu in 18th Century Japan]. Moscow: Krug. (In Russian).
- Sokolov, A. V. (2014). *Ainy: ot istokov do sovremennosti. Materialy k istorii stanovleniya ainskogo etnosa* [Ainu: From the Origins to the Present. Materials on the History of the Formation of the Ainu Ethnos]. Saint Petersburg: MAE RAS. (In Russian).
- Taksami, Ch. M., Kosarev, V. D. (1990). *Kto vy, ainy? Ocherk istorii i kul'tury* [Who Are You, Ainu? Outline of History and Culture]. Moscow: Mysl'. (In Russian).

* * *

- Matsuda, Denjūrō. (1969). Hokuidan [Tales of the Northern Barbarians]. In *Nihon shomin seikatsu shiryō shūsei* [Collection of Historical Materials About the Life of Common People of Japan], in 10 volumes, Vol. 4 (pp. 77–175). Tokyo. (In Japanese).

Поступила в редакцию: 31.10.2024

Received: 31 October 2024

Принята к публикации: 26.01.2025

Accepted: 26 January 2025

DOI: 10.55105/2500-2872-2025-1-128-133

**О книге Н.Н. Трубниковой
«“Собрание песка и камней”
в истории японской философской мысли»**

М.С. Коляда

Аннотация. В 2024 г. был переиздан двухтомник выполненного Н.Н. Трубниковой перевода и исследования «Сясэкисю:» – буддийского сборника поучительных рассказов *сэцува* XIII в. [«Собрание...» 2024; Трубникова 2024]. Автор собрания, монах Мудзю Итиэн (1226–1312), излагает различные сюжеты, позаимствованные из множества источников, и дает им религиозно-философское объяснение, зачастую весьма подробное и красочное. Во втором томе помещены очерки исследовательницы об исторической и культурной ситуации, в которой создавался сборник, о Мудзю Итиэн, жанре *сэцува* в целом и различных конкретных аспектах, которые монах затрагивает по ходу своих рассуждений, а также иные дополнительные материалы.

Ключевые слова: «Сясэкисю:», *сэцува*, японский буддизм, Мудзю Итиэн, «Собрание песка и камней».

Автор: Коляда Мария Сергеевна, кандидат философских наук, научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (адрес: Москва, 119606, просп. Вернадского, д. 82, стр. 9.). ORCID: 0000-0001-6784-1793; E-mail: kolyada-ms@ranepa.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Коляда М.С. О книге Н.Н. Трубниковой «“Собрание песка и камней” в истории японской философской мысли» // Японские исследования. 2025. № 1. С. 128–133. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-1-128-133

Book Review:
Trubnikova, Nadezhda N. (2024).
“Shasekishū” in the History of Japanese Philosophy

M.S. Kolyada

Abstract. In 2024, a two-volume edition of N.N. Trubnikova’s translation and study of *Shasekishū* was republished. *Shasekishū* is a 13th-century Buddhist collection of *setsuwa* didactic tales. The compiler of the anthology, monk Mujū Ichien (1226–1312), presents diverse narratives borrowed from numerous sources, providing them with religious-philosophical commentary, vivid and often very detailed. The second volume

includes the researcher’s essays on Mujū Ichien himself, the historical and cultural context of the compilation’s creation, the *setsuwa* genre as a whole, and various aspects that were addressed in the monk’s discourses, alongside other supplementary materials.

Keywords: *Shasekishū*, *setsuwa*, Japanese Buddhism, Mujū Ichien, “Sand and Pebbles”.

Author: Kolyada Maria S., PhD (Philosophy), Research Fellow, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (address: 82/2, Vernadsky Prosp., Moscow, 119606, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-6784-1793; E-mail: kolyada-ms@ranepa.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Kolyada, M.S. (2025). O knige N.N. Trubnikovoi «“Sobranie peska i kamnei” v istorii yaponskoi filosofskoi mysli» [Book Review: Trubnikova, Nadezhda N. (2024). “*Shasekishū*” in the History of Japanese Philosophy]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 1, 128–133. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-1-128-133

«То, о чем к концу нашего века уже не слышно, что считают исчезнувшим навсегда, могло бы помочь глупым людским сердцам двигаться вперед, и я записал это, не стеснясь неловких слов» [«Собрание...» 2024, с. 649], – пишет Мудзю Итиэн в послесловии к своему объемному труду «Сясэкисю:» 沙石集 – «Собранию песка и камней» (1279–1283), – а ниже говорит, что хотел бы, чтобы в будущем люди исправили и продолжили его записи. Сообразно этому пожеланию монаха в минувшем году вышло новое издание перевода «Собрания», выполненного Н.Н. Трубниковой. Для тех, кто с ним еще не знаком, я кратко опишу достоинства этой книги.

Мудзю Итиэн 無住一円 (1226–1312)¹ происходил из знатного воинского рода Кадзивара, с юных лет учился при храме, в семнадцать стал монахом в храме школы Тэндай. Он побывал отшельником, странствовал, учился у наставников разных буддийских школ, в том числе у Энни Бэннэн 圓爾辯圓 (1202–1280), который считал возможным сочетать учения Дзэн, Сингон, Тэндай, веру в богов-ками, конфуцианство и даосизм [Трубникова 2024, с. 42]. По «Собранию песка и камней» хорошо видно, что Мудзю унаследовал этот взгляд учителя.

«Сясэкисю:» представляет собой сборник поучительных рассказов *сэцува*. Читателю, особенно если он не японовед-медиевист, возможно, имело бы смысл начинать знакомиться с памятником со второго, исследовательского тома. В очерках, собранных в нем, обрисована историко-культурная ситуация Японии эпохи Камакура, в которой создавалось «Собрание песка и камней», в том числе и религиозная обстановка (а «Сясэкисю:» – в первую очередь буддийское сочинение); здесь показаны жанровые особенности литературы поучительных рассказов *сэцува*, изложена биография Мудзю, описаны круг его чтения и традиции, к которым монах принадлежал; рассмотрено, как ключевые вопросы религиозно-философской мысли отражаются в «Собрании», а также дан обзор истории исследования сборника. Помимо множества справочных материалов, включающих в себя карты и иллюстрации, в этот том помещен перевод еще одного труда Мудзю Итиэн, «Цума кагами» 妻鏡 («Зерцало жен», 1300). В первом томе помещен перевод «Собрания» с подробными комментариями Н.Н. Трубниковой.

Каждый автор собрания *сэцува* обращается с отобранными сюжетами по-своему. Мудзю чаще всего пересказывает какую-нибудь историю или несколько историй, а потом объясняет их, излагает свои мысли по затронутым вопросам. В итоге получается, что и простую «мораль», и более сложные теоретические положения буддийской догматики и философии он выводит, сначала проиллюстрировав их каким-нибудь ярким примером. Таких примеров на какую-либо тему с прилагающимися к ним толкованиями в одном рассказе может быть несколько. Мудзю

¹ По образцу рецензируемой книги в этом тексте я буду опускать знак долготы в имени Мудзю: и других именах.

делает множество отсылок к текстам канона и различным китайским и японским сочинениям – в примечаниях к каждому рассказу переводчица поясняет их.

Высокий теоретический уровень текста выделяет «Собрание» среди прочих сборников *сэцува* – на мой взгляд, это полноценное буддийское религиозно-философское сочинение, некоторые его разделы сравнимы скорее с трактатами, чем с поучительными рассказами из иных сборников. В большинстве памятников традиции *сэцува* «теоретическая» часть отсутствует либо не так велика. У Мудзю же это объемные, проработанные, хорошо обоснованные пассажи. Нужно отметить, что объясняет он доходчиво и внятно, образным и красивым языком (что, конечно, является заслугой Н.Н. Трубниковой не в меньшей степени, чем самого монаха).

Помимо этого, «*Сясэкисю*:» отличает удивительная целостность. Конечно, любой сборник *сэцува* имеет продуманную, сложную структуру, которая сама по себе добавляет новые слои смысла в отобранные сюжеты. Но Мудзю особенно последователен в изложении, его труд выглядит не набором историй для проповедей или коллекцией самих проповедей, а единой книгой, которая читается от начала до конца, в которой проводится единое рассуждение и встречаются авторские отсылки к рассмотренным раньше случаям. Основную мысль «Собрания» я бы сформулировала так: это призыв осознать, насколько мелко и мимолетно все мирское и насколько ценна возможность следовать Закону Будды в нынешней жизни; человеку необходимо направить все свои силы именно на следование Закону, пути которого многообразны, но внутренне он един. И если многообразие путей в «Стародавних повестях» («*Кондзяку моногатари сю*:», XII в.) означало сосуществование в сборнике в определенной степени противоречащих друг другу сюжетов – и идею, что для разных обстоятельств мера деяний человека и их последствий может быть разная, когда один будет спасен сущим пустяком, другой за единственный проступок падет в ад, – то мысль и выводы Мудзю едины, он лишь иллюстрирует их с разных сторон. Противоречия в «*Сясэкисю*:» кажущиеся: все они снимаются в рамках разграничения, которое монах проводит, вслед за Нагарджуной, между «подлинной истиной» и «обыденной». Первая «основана на пустом ровном равенстве, где нет разницы между своим и чужим, между собственным опытом и внешним окружением. Обыденная же истина не отвергает временные образы вещей, подчиненные закону причинности, согласованные между собою; она различает уровни глупости и мудрости, отличает заблуждение от озарения» [«Собрание...» 2024, с. 285].

Кроме того, Мудзю много пишет об «уловках», *хо:бэн*: это разные способы помочь человеку достигнуть цели – просветления, разные подходы к истине, на самом деле единой. Соответственно, многие противоречия, возникающие в повествовании Мудзю (или в разуме человека, осмысляющего те же вопросы буддийского учения), существуют лишь на уровне «уловок».

Первый свиток сборника посвящен почитанию богов, «смягчиших свой свет»: Мудзю – сторонник теории *хондзи суйдзяку*, в рамках которой боги *ками* рассматриваются как «отпечатки-следы» исконной основы – будд. Он обосновывает, что молиться богам полезно и естественно; так, мудрый подвижник-монах говорит в третьем рассказе: «И раз уж мы высоко ценим тех, кто был связан с Буддой в иных странах, то не нужно пренебрегать и теми его образами, что приспособлены для нашей страны» [«Собрание...» 2024, с. 31]. И далее: «Наша страна – страна богов, в ней оставили свои следы боги и будды, великие в своих условных обличиях. И все мы – их потомки. Наше дыхание – такое же, как у них, наша связь с ними не поверхностна» [«Собрание...» 2024, с. 31]. С иными почитаемыми существами у японцев «слишком мало общих пристрастий».

Боги чтут Будду. Они радуются, если им совершают «подношение Законом» – читают для них сутры (как делают для мирян). Боги любят Закон: так, в рассказе I–4 божество разъясняет Эсин (Гэнсин) сложные места в учении школы Тэндай [«Собрание...» 2024, с. 42]. Правда, «главную суть» оно, давно «смягчившее свой свет», все-таки уже позабыло. Божья милость

велика, но имеет границы, определенные законом воздаяния, а иногда случается, что в помощи людям отказывают специально, например, чтобы монах сумел в отсутствие мирской удачи достигнуть просветления [«Собрание...» 2024, с. 56–58]. Проблема же чистоты и скверны, одна из самых конфликтных точек в соприкосновении буддизма и веры в «родных богов», оказывается в сущности не важной: «Пусть бы только сердце было чистым – тогда и тело не оскверняется» [«Собрание...» 2024, с. 43].

В этом же свитке Мудзю впервые затрагивает вопрос «исключительных» учений: первый действительно пугающий рассказ сборника посвящен критике радикального амидаизма (I–10), речь в нем идет о крайностях в толковании почитания Амида и страшной судьбе тех, кто пренебрегал богами. Мудзю объясняет: «Хотя течение памятующих о будде Амиде и не едино в себе, но если говорить о главной его мысли, то на самом деле и в сутрах, и в толкованиях сказано, что к возрождению ведут многие пути, а не одно лишь памятование» [«Собрание...» 2024, с. 75]. Это очень важная для «Сяэкисю:» мысль, к ней повествователь еще будет возвращаться.

Во втором свитке он описывает преимущества от почитания того или иного бодхисаттвы или будды. Здесь в рассказах действуют будды Якуси, Амида, Мироку, бодхисаттвы Каннон и Дзидзо, светлый царь Фудо Мёо. Полагаться нужно на всех почитаемых, пишет Мудзю, нет смысла чтить кого-то одного больше других: «Каждый из них в свой черед приносит нам пользу и выгоду соразмерно нашим склонностям и желаниям» [«Собрание...» 2024, с. 108]. Но тут же отмечается: у Дзидзо связь с людьми – особенная. Из этого, правда, все равно не следует, что нужно молиться только ему одному.

Мудзю также касается вопроса, как в принципе «работают» чудеса и почему в иллюзорном мире обращение за помощью к почитаемым все-таки важно и нужно: «Помощь при недуге и страдании, избавление от невзгод и тягот, спасение от дурных путей и рождение на добрых путях – все это уловки будд». «Соразмеренные тела» (*о:син*) будд «помогают нашим чувствам и уму, избавляют от помех, очищают от грехов» [«Собрание...» 2024, с. 102], делая возможным дойти до состояния, когда человек становится способен созерцать «истинное тело» (*хоссин*) будды, тело Закона. Обе эти ипостаси Будды, соразмеренные тела и истинное тело, ценны, пренебрегать нельзя ни одной из них, считает Мудзю, поскольку на самом деле они едины. И особенно значимо в религиозных действиях, что у человека на сердце: даже фальшивое знамение может обернуться к пользе тех, кто правда верит [«Собрание...» 2024, с. 115–116].

Важность веры – тема, которая поднимается в этом свитке, а затем проходит рефреном через все собрание. Настоящая вера, по Мудзю, важнее мирских забот и мирского долга: о ближних люди еще, бывает, заботятся, говорит монах, но мало кто полностью посвящает себя Закону Будды. Мудзю пишет: «Человек в этой жизни – временный друг на один день, а будда – истинный учитель на долгую ночь будущих жизней» [«Собрание...» 2024, с. 95]. Требуется осознать это и стараться мыслить и действовать правильно; каждый может подвижничать и следовать Закону, здесь не столь важно даже, монах это или мирянин [«Собрание...» 2024, с. 133].

Третий свиток начинается с темы «выиграл потому, что проиграл». С человеческой точки зрения в непостоянном мире не всегда понятно, что является благом, а что нет. Идея здесь та же: нужно стремиться к просветлению, к Закону, а не к мирским вещам. При этом одного знания текстов мало, нужно действительно следовать предписаниям (и смыслу, «духу» Закона тоже), а многие монахи этого не делают. Кто-то из них зря стремится к мирской выгоде или формальной учености, хотя последняя тоже может проложить путь к настоящей святости. В этом же свитке рассматриваются основы конфуцианского учения (особенно подробно – в рассказе III–7). «Пять постоянных» Мудзю соотносит с буддийскими заповедями [«Собрание...» 2024, с. 195–196], а самого Конфуция называет воплощением бодхисаттвы Манавы. Его наставления были «уловками, приводящими к Закону Будды» [«Собрание...» 2024, с. 203].

Четвертый свиток посвящен рассказам о страстях. Здесь особенно стоит отметить следующие слова: «Главный смысл Закона Будды всегда по сути один и тот же: хотя явные, тайные учения и школы созерцания порой расходятся между собой в своих уловках, но правилу “не делать никакого зла” они изменять не должны» [«Собрание...» 2024, с. 280]. Речь идет о принципе «не делать никакого зла, совершать всякое благо». Что касается различных буддийских течений, по всему собранию Мудзю неоднократно сравнивает учения разных школ, их подходы к тому или иному вопросу. О «главном смысле» от тоже вспоминает не раз: например, в последнем, десятом, свитке сборника он скажет, что все школы, вдаваясь в частности, утеряти главный смысл Закона (Хб –2).

В двух частях свитка пятого высмеивается книжная ученость, а затем обсуждаются благие свойства японских песен-*вака*; видимо, Мудзю здесь выступает в защиту «родных песен» вопреки бытовавшему тогда противоположному взгляду на этот тип поэзии. В рассказах этого раздела *вака* выступают как заклания, обосновывается сила поэтического слова. Здесь помещены примеры того, как сами боги откликаются на песни и как на них отзываются люди. Такие тематические подборки можно найти в различных более ранних сборниках *сэцува*, но у Мудзю этим сюжетам дано гораздо более яркое религиозное, буддийское обоснование.

В шестом свитке собраны истории о проповедниках, неловких и искусных, а в седьмом – разные случаи, когда люди поддавались или не поддавались страстям. Людские поступки влекут за собой воздаяние; бывает, оно поражает человека уже в нынешней жизни, бывает – и такие случаи Мудзю приводит тоже, – что последствия настигают только в будущем рождении, и тогда причина происходящему с человеком лежит в прошлых жизнях. Есть здесь и сюжеты о мести духов.

Заканчивается свиток, в переключку с третьим, рассуждением о том, что счастье и несчастье – неоднозначны, размышлениями о вреде мирских привязанностей, которые мешают сосредоточиться на Пути, о том, что радость и печаль одинаково не должны волновать сердце. И хотя обстоятельства жизни определяются воздаянием, Мудзю отмечает, что важно работать над исправлением своих недостатков.

Про восьмой раздел монах пишет: «В этом свитке я собираю глупые и смешные случаи – затем, чтобы вступить на путь мудрости» [«Собрание...» 2024, с. 490]. Это – тоже ради того, чтобы у читателей появились мысли о том, как исправить свои недостатки и преуспеть на Пути. В этот раздел входит один из самых, пожалуй, выразительных в литературе *сэцува* рассказов о непостоянстве человеческих связей (VIII–21): подвижник-странник случайно становится свидетелем смерти незнакомца, а затем по очереди спрашивает его отца, мать и жену, удивительно спокойных, почему они не скорбят. И каждый из членов семьи отвечает, что отношения между людьми мимолетны и непрочны, и горевать о них не имеет смысла [«Собрание...» 2024, с. 519–520].

Девятый свиток отведен историям о «прямоте и честности», *сё:дзики*. Во многих рассказах это понятие связывается с почтительностью (заботой, верностью) по отношению к родителям. Рассмотрена здесь и верность господину, а также честность «вообще», приблизительно соответствующая современному смыслу слова. На первый взгляд может показаться, что здесь автор противоречит сказанному выше, приветствуя ранее объявленные неважными добродетели, но на деле это не так – согласно сказанному выше об «уловках» и уровнях истины. А кроме того, в следующем свитке Мудзю еще объяснит, говоря о пользе и вреде от отношений между людьми, что станет ли кто-то для человека причиной для злодейства или «мудрым другом», зависит не от качеств этого кого-то, а от самого человека [«Собрание...» 2024, с. 579–580]. Так, должно быть, имеет смысл понимать и человеческие отношения сами по себе. Мне кажется, что *сё:дзики* здесь – это внутреннее качество человека, проявляющееся в жизни тем или иным образом (и не столь важно в конечном счете, каким), оно нужно затем, чтобы сердце было способно следовать Закону.

Дальше Мудзю переходит к историям об отшельниках, с которых начинается десятый свиток. В этом разделе автор среди прочего напоминает, что сама по себе ученость не гарантирует благого перерождения (в рассказе Хб–1 монах, хоть и знал очень много, после смерти не упокоился). Возвращаясь же к проблематике многообразия путей, а также необходимости соизмерять разные аспекты пути подвижника и не отбрасывать ни один из них, Мудзю говорит: «Вообще любые деяния, если смотреть на них как на созерцание, будут не чем иным, как созерцанием. Ибо когда подвижники доходят до предельного единства всех помыслов, они свидетельствуют об этом. А если на все смотреть как на памятование о будде, все будет памятованием» [«Собрание...» 2024, с. 634]. Последний рассказ собрания монах отводит историям о чудесах предсмертного часа.

В короткой рецензии невозможно рассмотреть все богатство смыслов сочинения Мудзю Итиэн, раскрывать их один за другим предстоит тому, кто будет вдумчиво читать и перечитывать эту книгу. Я отмечала в основном религиозно-философские идеи, но в «Собрании» также отражены различные особенности устройства японского средневекового общества – понять и оценить это помогает обширный комментарий. Вопросы духовного бытия, которые поднимает Мудзю, рассматриваются на красочном фоне разных человеческих моментов – от придворных обыкновений до мелких подробностей повседневного быта. Вообще чтение *сэцува* позволяет создать в воображении объемную и колоритную картину жизни людей в ту эпоху, с этой точки зрения такие памятники сложно переоценить.

«Собрание песка и камней» – одно из ярчайших произведений литературы эпохи Камакура, а его перевод – современного японоведения. И я очень рада, что «Центр гуманитарных инициатив» переиздал этот труд Н.Н. Трубниковой, дав возможность новым поколениям японоведов приобщиться к мысли Мудзю Итиэн. Этого монаха, с его пронизательностью и прекрасным чувством юмора, отделяет от нас множество столетий, а все-таки его слова, как мне кажется, по-прежнему актуальны – и совсем не только для исследователя японской культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- «Собрание песка и камней» в истории японской философской мысли. Т. 1. Собрание песка и камней / пер. со старояпонского Н.Н. Трубниковой. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив. 2024. 656 с.
- Трубникова Н.Н. «Собрание песка и камней» в истории японской философской мысли. Т. 2. Исследование. Указатели. Приложение. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив. 2024. 288 с.

REFERENCES

- Trubnikova, N. N. (Transl.). (2024a). «*Sobranie peska i kamnei*» v istorii yaponskoi filosofskoi mysli. T. 1. *Sobranie peska i kamnei* [“Shasekishū” in the History of Japanese Philosophy. Vol. 1. “Shasekishū”]. Moscow, Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. (In Russian).
- Trubnikova, N. N. (2024b). «*Sobranie peska i kamnei*» v istorii yaponskoi filosofskoi mysli. T. 2. *Issledovanie. Ukazateli. Prilozhenie* [“Shasekishū” in the History of Japanese Philosophy. Vol. 2. Research. Indices. Supplement]. Moscow, Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. (In Russian).

Поступила в редакцию: 16.01.2025

Received: 16 January 2025

Принята к публикации: 26.01.2025

Accepted: 26 January 2025

Научное издание

**Японские исследования
№ 1, 2025**

Редактор русских текстов:	М.А. Кириченко
Редактор английских текстов:	В.В. Нелидов
Технический редактор:	М.Е. Заболотникова

Дата публикации:	31.03.2025
------------------	------------

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.
Институт Китая и современной Азии РАН
E-mail: japanstudiesinrussia@gmail.com

Scientific edition

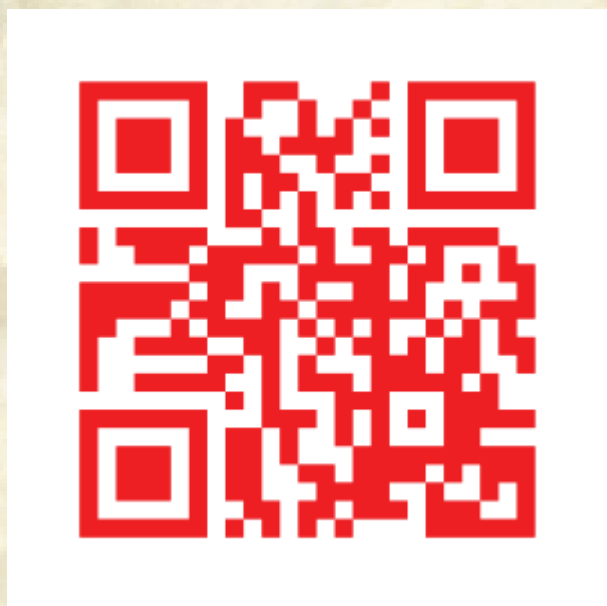
**Japanese Studies in Russia
No. 1, 2025**

Editor (Russian):	M.A. Kirichenko
Editor (English):	V.V. Nelidov
Layout:	M.E. Zabolotnikova

Date of issue:	31 March 2025
----------------	---------------

Address: Institute of China and Contemporary Asia of the
Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av.,
Moscow, 117997, Russian Federation
E-mail: japanstudiesinrussia@gmail.com

www.japanjournal.ru

日
本
研
究